

ОКТАБРЬ-НОЯБРЬ 1999 **10-11** Литературно-художественный
и краеведческий журнал

ЧЕРЕМШАН

В номере:

Геннадий КОМАРОВ.
«Русский
экспедиционный корпус
во Франции». Быль.

Евгений ЛАРИН.
«Родник сердца».
Интимная лирика.

Чер ТОРРЕН.
Короткие криминальные
рассказы.

Иван ЛЕБЕДЕВ.
«Князя мира сего».
Политическая сатира.

ЧЕРЕМШАН

октябрь-ноябрь

1999

Литературно-художественный
и краеведческий журнал
Димитровградской горадминистрации
и Димитровградского отделения
Союза писателей России

В НОМЕРЕ:

- Дебют. **Геннадий Комаров.** «Солдаты русского
экспедиционного корпуса». Быль. 3
-
- Лидия Лещенко.** Новый поэтический цикл. 12
-
- Василий Коробков.** «Антонина преподобная и другие».
Натуралистическая повесть. 23
-
- Дебют. **Артем Рыбин.** Стихи.
Аннотация А.Беловой, члена СП России. 55
-
- Геннадий Генераленко.** «В продолжение темы».
Рассказы. 59
-
- Анна Филимонова.** «Благодарность». Фэнтези 72
-
- Евгений Ларин.** «Родник сердца». Интимная лирика. 76
-
- Валерий Гордеев.** «Черный полдень».
Приключенческая повесть. Окончание. 104
-
- Чер Торрен.** Короткие криминальные рассказы. 133
-
- У нас в гостях. Поэты из столицы
**М.Мельников, Д.Воевода, Е.Новоселова-
Мельникова, Л.Потапчук** 141
-
- Иван Лебедев.** «Князья мира сего». Сказка-быль. 145
-
- Записки Хранителя. «И еще раз о гербе города». 154
-
- «Мелекесские дивы» Фотовернисаж. 159

К СВЕДЕНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ:

**На наш журнал
можно подписаться
только в его
редакции, с любого
месяца. Стоимость
одного номера -
5 рублей. На год -
50 рублей.**

**Главный редактор Валерий ГОРДЕЕВ.
Компьютерный дизайн: Т.Царева.
Техническое оформление: А.Ефремов.**

**Редакция извещает о том,
что с согласия авторов их
произведения временно
публикуются на
безгонорарной основе.**

ПОДАД

"МЕЛКЕЕВ"

**Компьютерное
обеспечение редакции
«Димитровград-панорама»**

© «Черемшан» 1999

Адрес редакции: 433510, Ульяновская обл., г.Димитровград, ул.Юнг
Северного флота, 107. Телефон: 3-11-50.
Сдано в набор 17.09.99. Подписано в печать 1.12.99. Формат 60х90/16.
Усл. печ. л. 10. Печать офсетная. Тираж 300 экз. Заказ № 6509
Цена свободная. Отпечатано в Димитровградской гортитпографии,
433510, Ульяновская обл., г.Димитровград, ул.Юнг Северного флота, 107.

Посвящается доброй памяти
моего отца и русским солдатам
первой мировой войны

Дебют

СОЛДАТЫ РУССКОГО ЭКСПЕДИЦИОННОГО КОРПУСА

*«Мы камень родной омоем слезой,
Когда мы вернемся домой...»
(Из солдатской песни).*

Помню, в детстве мы любили слушать рассказы старших, бабушки и особенно отца. Бабушка любила вспоминать смешные истории из жизни. А отец — эпизоды из своей солдатской жизни. Обычно это было так: наша большая и дружная семья собиралась в холодный зимний вечер в жарко натопленной комнате возле печки, не зажигая света, как говорили в то время, сумерничать. Все устраивались поближе к рассказчикам, поудобнее. Устанавливалась такая тишина, что было слышно, как потрескивают в печке дгорающие дрова да холодный ветер иногда стучит ветками дерева к нам в окно. Мы, дети, с нетерпением ждали, когда отец начнет свои рассказы. А отцу было что рассказать. Он волею судьбы воевал в первую мировую в составе русского экспедиционного корпуса на фронтах во Франции против Германии. Обычно, как бы вспоминая, с чего начать, он неспешно раскуривал свою трубку и говорил:

— Ну, слушайте, расскажу, что сам видал, что перенес на войне. Не хочу быть Фомой, не помнящем родства, и вам не советую.

Вот и я, его сын, не хочу быть не помнящим и поведаю все, что запомнил из его рассказов. Начну по порядку об отце и его семье.

: Геннадий : КОМАРОВ

• Родился в 1928 году в Ленинграде, где его большая семья во время войны попала в блокаду. Тогда умерли отец, брат и бабушка. В 1942 году эвакуировались в Сталинград, где Геннадий начал работать в совхозе. Но и здесь фронт подступил вплотную к их поселку «40 домиков». Вместе с ранеными в беженских колоннах уходили через Волгу. Так Комаровы оказались в Златоусте. С 1943 года началась рабочая биография Геннадия Александровича в ремонтных мастерских, учеба в техникуме и на курсах инженеров. Она прерывалась только в 1947-1952 г.г. на службу на фрегатах и эсминцах Балтийского и Тихоокеанского военных флотов.

• В 1965-м всей семьей переехали в Мелекесс. Здесь он работал на ДОКЕ, СВЗ, ЮИ 8/3, начальником бюро, конструктором на ДА Зе.

• Г.А. Комаров награжден шестью медалями СССР, в том числе и за дальние походы на кораблях ВМФ.

• Писать начал с заводских газет: «Златоустовский рабочий», «Австроитель» затем «Знамя коммунизма» и «Ульяновский комсомолец». Мемуары Г. Комарова всегда отличаются документа публичностью. • Сегодня его первая публикация в «Черемшане».

*Комаров-старший, солдат русского
экспедиционного корпуса во Франции*

Он - простой деревенский паренек с Верхневолжья, из Тверской губернии, Старицкого уезда, деревни Крутцы. Это та Старица на Волге, в которой подолгу любил отдыхать царь Иван Грозный.

Но вернемся к нашему рассказу. Тяжела была в то время крестьянская доля, но жили дружно, не унывали. Дед всеми силами старался вырваться из нищеты и нужды. Летом с семьей работал в поле, а зимой - в Питере на стройках. Тверских «козлов», как их звали наниматели за их упорный труд, на подрядные работы брали с охотой и давали заработать. Знали, что они будут работать день и ночь, но подряд сдадут вовремя. Дед в годы столыпинщины на заработанные деньги купил «отруб» - болотисто-лесистый участок земли, прилегающий к речке Тьмаке, что впадает в Волгу. Где в последующие годы, благодаря

его стараниям, вырос Комаровский хутор. Кроме отца в семье у деда было еще восемь ребятишек, и отца моего, как старшего, в девять годов отроду отправили в Питер, в подмастерья к дяде, который работал на Обуховском заводе, обучаться ремеслу.

Раньше была такая практика подготовки кадров на дому, а потом и на заводе. Отец проявил большое трудолюбие, хорошие способности и к восемнадцати годам освоил почти все навыки механика и уже работал мастером. Стал прилично по тем временам зарабатывать. И, как мог, помогал уже моему деду поднимать большую семью.

В начале первой мировой войны повоевал он год в Прибалтике, был ранен и после выздоровления попал на периформирование.

После особого отбора среди фронтовиков был зачислен в экспедиционный корпус, который формировался под Самарой. Корпус прошел тщательную определенную подготовку, был погружен в эшелоны - и в путь. Никто не знал, куда и зачем их везут. А когда эшелоны перевалили через Уральский хребет и покатили дальше - через Сибирь на восток, - стали поговаривать, что везут к теплым морям. По Сибири ехали долго, вот где солдаты воочию увидели, как велика наша матушка-Россия. Дальше путь лежал через Китай по КВЖД в порты незамерзающего Желтого моря. Там - погрузка на пароходы

и в дальний путь морями во Францию. Нелегко дался этот переход по южным штормовым морям, под палящим солнцем нашим солдатам, никогда не видевшим моря и такой жары, задыхавшимся в тесных трюмах. И вот наконец-то после долгих странствий и лишений на горизонте показался маяк порта Марсель, конечный пункт после почти двухмесячного плавания.

Как вспоминает эмигрант из Парижа А. Хазов:

«Создавшееся критическое положение на Французском фронте настолько беспокоило Англию, что лондонское правительство предложило телеграфно своему послу в Петербурге сэру Бьюкенену прозондировать у нашего мин. иностр. дел С.Д. Сазонова почву о возможности отправки во Францию 3 или 4 корпусов, перевозку которых Англия брала на себя и собиралась осуществить в недельный срок (телегр. мин. иностр. дел Сазонова - послу в Париже А.П. Извольскому, август 1914 года).

По моральным и материальным причинам выполнить просьбу союзников было совершенно невозможно, но приведенный факт интересен тем, что им удостоверяется стремление наших западных союзников уже в первые месяцы войны использовать Россию как резервуар людской силы и привлечь русские войска к участию в действиях на западном фронте.

Подобные просьбы не переставали передаваться союзными послами в Петербурге, особенно со стороны Франции, кончившись приездом осенью 1915 года в нашу столицу крупного французского политического деятеля Поля Думера (впоследствии французского президента республики, убитого в 1932 году провокатором Горгуловым, выдававшим себя за русского эмигранта), являвшегося в начале войны помощником по гражданской части ген. Галлиени, военного губернатора Парижа.

Думер имел поручение получить согласие Русского правительства на отpravку во Францию 300 тысяч русских мобилизованных как бы в обмен на вооружение, в котором, как известно, очень нуждалась в то время наша армия.

Конечно, ни при таких условиях, ни в таких размерах наша помощь не могла осуществиться, но все же Думер добился согласия Государя и ген. Алексеева на формирование и посылку 4 бригад двухполкового состава. Полки трехбатальонные, при каждом полку по три пулеметные роты (по 12 пулеметов в каждой), команда связи и нестроевая рота. Запасные батальоны формировались в составе 6 рот.

Личный состав 1-й бригады (вместе с запасным батальоном) по штатам был определен: 1 генерал, 180 штаб- и обер-офицеров и около 9000 нижних чинов. На каждую роту имелось по одной походной кухне. Бригада была прекрасно обмундирована, имея двойной комплект обмундирования и сапог. Вооружение и все остальное имущество части должны были получить во Франции,

Начальником 1-й бригады был назначен ген. -майор Лохвицкий, Ге-

оргиевский кавалер; командиром 1-го особого полка - полковник Нечволодов и 2-го - полковник Дьяконов.

Начальником 2-й бригады, предназначенной для отправки на Салоникский фронт, был назначен ген. -майор Дитерихс, а командирами полков: 3-го - полковник Тарбеев и 4-го - полковник Александров.

Впоследствии были сформированы еще две особые бригады, доведшие общее число экспедиционных войск до 745 штаб- и обер-офицеров и около 44000 нижних чинов.

Начальником 3-й бригады был назначен ген. -майор Марушевский, а полков: 5-го - полковник Нарбут, 6-го - полковник Симонов.

Начальником 4-й бригады был назначен генерал Леонтьев, а командирами полков: 7-го - полковник Мочульский, 8-го - полковник Грундштрем. Состав бригад оставался почти прежним: 180 офицеров и около 10000 нижних чинов».

«Марсель - большой, шумный город-порт на юге Франции - встретил нас толпами ликующих людей, - рассказывал отец. - Когда мы колоннами двинулись по улицам, к нашим ногам бросали цветы. Радостные люди что-то кричали пели. А когда наши колонны останавливались, нас окружали ликующие французы, угощали вином и экзотической едой. Казалось, этому веселью не будет конца. Настроение у нас было хорошее, боевое. Поместили нас на краю города в чистые казармы.

Здесь мы отоспались, отдохнули и снова в путь, ближе к фронту. И на каждой станции в пути нашего следования такие же ликующие встречи, восторженные люди с цветами и угощением. Наши офицеры, знающие французский язык, рассказывали нам, что в газетах о нас пишут: «Русские богатыри помогут нам разбить ненавистного Вильгельма». Французское командование с самого начала направляло наши части на самые опасные и ответственные участки своих фронтов».

Вновь обратимся к А.Хазову:

«По обоюдному соглашению русского и французского командования 1-я и 3-я бригады были направлены на Французский фронт, 2-я же и 4-я - на Салоникский.

Во Францию русские войска прибыли в апреле 1916 года и были восторженно встречены как населением страны, так и французским правительством. Путь следования русских частей был усыпан цветами.

Огромный фурур среди французов производил сопровождавший одну из рот 5-го полка медвежонок Мишка, приобретенный в Сибири во время следования эшелонов во Владивосток.

Мишка стал всеобщим любимцем и проделал с полком всю кампанию на французском фронте, ставши под конец войны уже взрослым и большим медведем. Солдаты охотно с ним играли, боролись и внимательно кормили и чистили его. Он был известен и французскому начальству, находясь все время в строю, вплоть до генерала Гуро, командующего Четвертой армией. Но лично Мишка дружелюбно относился только к людям, одетым в «хаки» (русские солдаты), цвет же одежды

французских солдат вызывал в нем чувство некоторого недоверия и недружелюбия.

В одном из боев, превратившись уже во взрослого медведя, Мишка был слегка отравлен неприятельскими газами, но благодаря заботам чинов полка быстро оправился и был зачислен на особый паек.

Первая особая бригада (ген. Лохвицкий) совершила долгий путь по железной дороге из Москвы через всю Сибирь, погрузилась на русские и французские пароходы в порту Дальнем (Дайрен) и после 56-дневного перехода через Индийский океан, Суэцкий канал и Средиземное море высадилась 26 апреля 1916 года в Марселе.

2-я, 3-я и 4-я бригады грузились в Архангельске и, пройдя Северное море, высадились в Бресте.

1-я и 3-я бригады были направлены на фронт Шампани, 2-я и 4-я, погрузившись на пароходы в Марселе, прибыли в распоряжение главнокомандующего Салоникским фронтом ген. Сарайля, в Македонию.

Как здесь, во Франции, на полях Шампани, так и в диких горах Македонии, русские особые полки покрыли себя неувядаемой боевой славой.

Но и жертвы, принесенные на алтарь Отечества на чужбине, были велики. Могилы русских воинов разбросаны по всей Франции и по всей Македонии. Самое большое военное кладбище, чисто русское, где покоятся более тысячи наших братьев, находится около гор. Мурмелона (департамент Марна). Для увековечения памяти павших русских воинов Союз Офицеров Экспедиционного Корпуса, участников войны на французском фронте, купил рядом с военным кладбищем кусок земли, на которой при помощи всей русской общественности был в 1937 году воздвигнут Храм-Памятник во имя Воскресения Христова. Храм-Памятник принадлежит не только Союзу Офицеров Экспедиционного Корпуса, он лишь его хранитель. Он принадлежит всем россиянам, которым дорого славное прошлое нашей великой Родины.

Помочь донести эту святыню в достойном виде до светлого дня Возрождения России - долг всех русских людей».

«Война есть война, надо защищать французов, как нам внушало наше командование. Мы зарывались глубоко в землю, чтобы не отступать и сохранять свои позиции. Но от тяжелой германской артиллерии ничто не могло устоять, - здесь от воспоминаний у отца навертывались слезы. - Тогда решили набрать «охотников» на отчаянную операцию - совершить ночную вылазку и подорвать тяжелые орудия немцев!»

В числе «охотников» был и наш отец. Начало этой операции прошло успешно. Часовых и дозорных на немецких позициях «сняли» бесшумно. Но когда подорвали орудия, переполох на позициях у немцев был большой, и уходить к своим пришлось под усиленным огнем противника, а раненных и убитых уносить ползком на себе к своим блиндажам и окопам.

За эту операцию отцу дали орден Св.Георгия II ст., как и всем «охотникам». Чтобы как-то ослабить сопротивление на этом участке фронта,

немцы стали применять отравляющие газы. Сначала русским солдатам как-то не верилось, что какое-то простое облако, которое стелилось по земле, как туман, может быть таким смертельным и валить людей на землю. Но потом был какой-то ад!

Люди бегали и метались, хватаясь за горло и падая на землю уже в первые минуты газовой атаки, забыв о противогазах. После одной из таких атак отец попал в госпиталь. Болезнь в отравленных легких так и осталась у него на всю жизнь. Из госпиталей солдат снова возвращали на фронт, чтобы до конца испить эту горькую чашу, что называется войной. Война всем изрядно надоела, уже не было такого боевого духа, какой был в Марселе. Многие говорили вслух: «И зачем нам тут гибнуть за чужого дядю?»

А когда до солдат дошла весть о революции в России, все зароптали, заволновались. Стали частыми стихийные сборища, где выносили одну и ту же резолюцию: «Домой!» Французское военное командование, крайне недовольное такой ситуацией, требовало военные действия наших войск не прекращать, а выполнять свой союзнический долг. Недовольных стали арестовывать.

Хазов описывает эти события иначе:

«Мы беспристрастно констатируем, что главный и почти единственный успех в грандиозном Энском сражении был в секторе VII Армейского Корпуса, куда входили обе русские бригады, и был достигнут геройским поведением русских частей. Но и потери обеих русских особых бригад были велики: они определяются в 70 офицеров и 4472 солдата убитыми, ранеными и без вести пропавшими.

Из-за полного неуспеха всей операции 29 апреля 1917 года генерал Нивель был смещен и заменен на посту главнокомандующего победителем при Вердене, будущим маршалом, генералов Петеном.

Энское сражение было лебединой песней русских особых бригад. Пришла революция, Россия вышла из строя, и особые полки Русского Экспедиционного Корпуса были Французским правительством отозваны с фронта и размещены в тылу, в лагере Куртин.

Доказавши многократно во время Великой войны свои исключительные боевые качества, наши войска Экспедиционного Корпуса после революции оказались предоставленными самим себе, больше того, отдельным офицерам и солдатам, сохранившим верность присяге и обещаниям Государя Императора союзникам, не на кого было опереться в иностранном государстве, чтобы с успехом противодействовать разлагающей пропаганде своих и иностранных агентов.

Вот здесь именно и сказалась разница между «курами» и «орлами»! Последние, создав «Русский легион» добровольцев, остались верными слову своего Государя и исключительной боевой доблестью подняли русское имя на недосягаемую высоту, стяжав уважение у всех союзников, добавивших к его легальному имени «Русского легиона» еще и лестный эпитет «чести».

Вскоре события начали развиваться так, что целые взводы и роты снимались с фронтов. Их места на фронте занимали другие части, а недовольных окружали и запирали в лагеря, проводя беседы и уговоры о продолжении военных действий. Особо бунтующие части под охраной отправляли в Алжир. Туда попал и наш отец. Здесь с ними обращались уже не так, как с союзниками, и применяли принудительные меры. Из-за невыносимых условий участились побеги. Но по песчаным барханам далеко не убежишь. Недовольных русских солдат сажали в глубокие ямы и держали почти голодными, выпускали только тех, кто подписывался добровольно идти воевать за Францию.

Сидя в такой яме, наш отец познакомился и подружился с одним своим тверским земляком. И как-то ночью им удалось бежать. Долго брели ночами на восток, поддерживая друг друга и едва передвигая ноги по сыпучим пескам, а днем прячась в кое-каких колючих кустарниках. Но силы их иссякли, и около одного небольшого селения они упали без сознания. Утром их обнаружил хозяин усадьбы, и они с сыном перенесли обоих солдат к себе. Только благодаря молодости русские парни выжили и радовались этому, как дети. А хозяин знаками показывал им, что за их спасение ему нужно платить, а если нет денег, то он солдат продает. А пока они должны были у него выполнять самую тяжелую работу. Так и стали герои рабами...

С раннего утра до позднего вечера под палящим солнцем работали они у хозяина на полях. А ночью спали в сарае вместе со скотом, охраняемые сыном алжирца. «Мы уже были уверены, - говорил отец, - что долго так не выдержим и решили во что бы то ни стало снова бежать. И вот как-то под самое утро, когда наш страж, выпустив из рук ружье, захрапел, мы осторожно вышли из хлева и пустились почти бегом сколько было силы на север. Там, по нашим расчетам, было море - наше спасение, так думали мы. В предрассветной мгле нам послышался глухой шум морского прибоя. Стало быстро светать. С крутого берега мы увидели море и внизу кромку берега. Вот она, свобода! Сердце забилося чаще, - неужели мы спасены? Случайно оглянувшись назад, мы увидели двух всадников, стремительно приближавшихся к нам. Очевидно, хозяин и его сын, спохватившись, что нас нет, кинулись за нами в погоню, не желая терять своих рабов. Нам ничего не оставалось, как броситься с крутого обрыва в море. Несмотря на выстрелы преследователей, мы плыли как можно быстрее и дальше от этого злополучного берега.

Плыли мы долго. Выбивались из сил. Мой друг, подбадривая меня, твердил: «Держись, Сашка, представь себе, что мы родную Волгу переплываем». Уже совсем рассвело, поднималось солнце. На наше счастье нас заметили с проходившего мимо судна, подняли на борт и привели к капитану. И опять за спасение надо было платить. На этот раз тоже бесплатной и «черной» работой на корабле. Нам повезло еще в том, что на судне была набрана сомнительная команда, половина которой так же как и мы была безо всяких документов, разных националь-

ностей. К нам был прикреплен и охранял нас, чтобы мы не сбежали, одногоглазый, свирепого вида, шотландец. Французский мы понимали и могли немного разговаривать и объясняться, а английский и греческий пришлось осваивать во время работы на судне.

Постепенно с командой у нас сложились хорошие товарищеские отношения. Матросы во время всяких работ, довольные нами, похлопывали нас по плечам, приговаривая: «Руси корош...»

Наш одноголазый страж стал нам больше доверять. А нам так хотелось домой. Мы соскучились по родным и близким людям, так что нас уже не вдохновляли красоты Средиземноморья. Нам часто снились родные поля и леса, наша красавица-Волга. Одолевала тоска...

И вот однажды, когда судно стояло на рейде Стамбула, мы решили бежать: сейчас или никогда! Не хотелось погибать на чужбине, так и не увидев своей Родины. Ночью, когда почти вся команда крепко спала после пьянки по случаю выдачи денег и отдыха на рейде, мы с другом тихо и незаметно вышли на палубу и, убедившись, что вахтенный нас не заметил, так же тихо спустились за борт в воду и поплыли подальше от корабля. Очутившись на свободе - в родном Черном море - почти рядом, казалось, с Одессой, мы думали, что скоро будем у своих. Но прошло много времени, пока мы из Турции на контрабандных фелюгах добрались до нее.

Одесса тогда кишела ворами и коммерсантами. Мы обрадовались, услышав родную речь, и расслабились как дома, за что и поплатились. Когда ночевали на железнодорожном вокзале, у нас украли с таким трудом накопленные немудреные вещички и сбережения. К себе домой, на Верхнюю Волгу, мы добирались «на перекладных». А однажды, бредя по степям Таврии, усталые и голодные, получили неожиданную помощь. Нас подвез один чумак в своей арбе. Мы задремали и он нас привез... прямо в лагерь батьки Махно. Махно спросил, что мы за люди.

Мы ответили. Тогда последовал вопрос: «Хотите со мной воевать за крестьянскую республику?» Мы ответили, что много лет не были дома, навоевались. Махно крикнул своим: «Накормите москалей и нехай идут до дому своего...»

Была поздняя осень 1922 года, когда после долгих скитаний мы подошли к родной Волге, старице. Здесь мы с другом сердечно распрощались - ведь столько было пережито вместе. Он пошел

Так выглядел Комаровский хутор, где родился герой очерка.

вдоль реки к своей деревне, а мне надо было через Волгу к своим. Я сел на большой камень-валун, потом обнял его. Не верилось, что вот здесь рядом мои родные...

Уже сгущались сумерки, когда я подошел к дому своего отца. «Все ли живы-здоровы?» - подумалось. В одном окне горел свет. Керосиновая лампа освещала ужинавших за столом. Всмотриваясь в лица, с трудом узнаю мать и отца, сильно постаревших. Остальные сидевшие за столом, - очевидно, мои братья, - тоже почти незнакомы, ведь прошло столько лет. Чтобы не испугать родных, я тихонько постучал. Ваш дед строго спросил: «Кто это там?» Я отозвался. Дверь распахнулась, и все бросились обнимать и целовать меня. Помнишь, мама, это? - отец спрашивал нашу бабушку. - Помнишь, отец все повторял: «Слава Богу, нашелся старшой, а мы уж не знали, что думать». Ты обнимала и все гладила по лицу, боясь отпустить меня...

Вся родня назавтра сошлась в наш дом. Слушали о моих скитаниях на чужбине. А отец сказал: «Ну что, воин, ничего и не навоевал? Слава Богу, что живой сам».

А впереди у нашего отца была новая мирная и семейная жизнь, полная больших дел. Но ненадолго. Началась Великая Отечественная война, на которой он погиб в осажденном блокадном Ленинграде в 1942 году. Ему было всего 48 лет...

**Геннадий Александрович
Комаров и сам в рядах
Военно-Морского флота
СССР защищал Отечество на
боевых кораблях, зачастую
далеко от родных берегов.**

Лидия ЛЕЩЕНКО

«МЫ У ЛЕТА В ГОСТЯХ НЕ СКУЧАЕМ»

Как славно смех звенит,
не по сезону.
По сырým листьям
рыжий дождь пролег.
Но вьется хмель,
по-прежнему зеленый,
неистребимый хмель души,
влюбленной
в такую жизнь, где день не день -
пролог
неведомого, хитрого коварства.
Не этот смех ли покорял полцарства?

А дальше что?
А дальше будет снег.
И пересчет на рыночные цены.
И... легкий, и прозрачный,
несравненный -
все тот же смех...

И никакие тут не властны перемены.

Сладкая прель уходящего лета.
Рыжей хвоинкою сердцу укор.
Вот и еще одна песенка спета.
Голос умолк, не осилив простор.

Над Черемшаном небо не болит.
Спасибо, день, за доброе начало.
Но чья Ассоль тоскует у причала?
И снова клином - к югу журавли.

-Мой капитан, ответь: куда плывем?
Изношен парус. Высохли уж весла...
-Туда, где солнце возвращает весны
Тем, кто рискует странствовать вдвоем.

Чудный вечер был случайным.
Чуть веселым. Чуть печальным.
Как обычный вечер встречи
через много-много лет.
В ностальгирующей речи
упрекнуть нас было нечем.
С чувством легким и свободным
был обратный взят билет.

Я знаю, откуда
у дерзкой зимы
тот солнечный вальс на снегу.
Но этого чуда -
что встретились мы -
постичь не могу.

Зачем Фаберже,
если утро уже...
Зачем золотой багет,
когда есть река,
воду гладит рука,
и края природе нет...

Но кто-то однажды
каплю берет,
словно он в мире один.
Она зажурчит,
река оживет
в палитре его картин.

И остановит тебя на бегу
от одолевших сует,
скрытый от глаз твоих на берегу,
доступный художнику, свет.

ВЫ ЖИВЫ..?

Сначала уходит Пушкин.
По-английски. Не прощаясь.
Чувствуешь,
глохнут уши.
Хуже -
если не ощущаешь.
Наши глаза не дрогнут,
от «ящика» не отвернутся -
с водкою или с грогом
новости разжуются.
Чужие, кровавые страсти.
Азарт воровского базара.
Вы живы, друзья мои?
Здравствуйте!
Собратся бы у самовара...

Но...

некогда, некогда, некогда...

Дорога торопится в небо.
А нас уже будто и не было.
Ни славы, ни песен, ни хлеба...

ГОРЕК ВОЗДУХ...

Горек воздух.
Пожухлый вереск.
Нет зацепки -
чему же верить?
Не судьба нам
готовит прутья.
Мы с младенчества
на распутье.

До чего ж измельчали
мысли
о красивой и сладкой
жизни.
И давно обеднели
песни.
Недосуг нам собратиться
вместе

Не забыть бы,
наедине,
где живем мы,
в какой стране.

Взгляд сквозь осень такой молодой.
То ли я, то ль мое повторенье.
С непокоем враждует покой
и в границах стихотворенья.
Жизнь, я встала тебе не во след.
Это все до безумия странно.
Мы проходим. А время-то - нет!
Потому что оно постоянно.

ПРАЗДНИК, ПРАЗДНИК

Жаркого всхлип.
И вскрик
приветствия кузины.
Заморский флип.
Пронзенная стеклом бокала,
кокетливая долька апельсина.
Нам - мало.
Вот и «Родник»
возник
из магазина.
И к чаю -
пышечно-пирожно.
Виновнице стола тревожно.
Тревога ложна:
в гарнире - рис,
задумана - картошка.
Порывы поздравлений от гостей.
И, как солдаты,
вступают в рукопашную салаты.
Кудрявая петрушки зелень,
глоток вина - пошло веселье...
И все труды!
(И к слову - деньги).
Но свет любви
сокрыл все тени,
пролив
ковш милой чепухи
на винегретные стихи.

МИНЕРАЛЬНЫЕ ВОДЫ

На серноводском на ветру
Не ждем у озера погоды.
Хвала великому Петру,
Что заприметил эти воды.
Но и тому хвала стократ,
Кто в самый пик курортной моды
Открыл, что наш Димитровград -
Не все пески, но и минводы.
К чему везти радикулит,
Как за телушкой за полушку, -
Свое болото, свой кулик,
Иных, быть может, и получше.
Пусть нет монеты для бинта
И для лекарства тоже нету,
Течет лечебная вода,
Уходит в звонкую монету.
А та в какой течет карман -
До дум ли в процедуре водной.
И упоителен обман -
Гол как сокол - зато свободный.
И в стынь погода хороша.
И не прорвется ветер-склочник.
Здесь превращается душа
В незамерзающий источник.

ГЕРАНЬ

- Ах, бабушка, да что вам в ней?
- Я без нее, милоч, болею.
Горит герань в ее окне.
И потолок зарей алеет.
А та заря издалека -
дороги долгой свет неяркий,
и эта легкая рука
не признает ценней подарка.
Улыбкой доброю сочась,
Глядит на племя молодое.
И долог день. И близок час.
И вся-то жизнь как на ладони...

ЛЮБАВКА

Мои друзья гуляют за рубеж.
А мне бензина б - да махнуть в Любавку.
Врач санаторный выдал эту справку,
что воздух там воистину, мол, свеж.

И он был прав,
с одной поправкой,
такой малюсенькой поправкой -
у той Любавки
крут оказался нрав...

Шепчет солнце: скорей,
уже близко кипрей.
Шлю вопрос сгоряча:
где же здесь иван-чай?

- Не берите в голову,
дуйте мимо,
по клубничному склону,
до Любавки милой.
От весенних костров
до грибного дождика
сколько было мастеров!
От поэта до художника,
от ученого до плотника.
Все, все, все
думали:
они - работники
на своей полосе.

Под наезды наглых иномарок,
под секвестр
всей жизни, чохом,
где
милая Любавка, ты - подарок
в этой ирреальной чехарде.
В битву за живот идут народы.
Сеют, кто горох, а кто бобы.
Нет демократичнее свободы,
нету справедливее борьбы.

Чудный, обалденный микроклимат.
А простор! Не виден и сосед.
И почти, почти и вправду, клином
На тебе сошелся белый свет.

В выгоревших плавках
и в платочках ярких,
под лучами плаваясь,
кланялись дикарке.

Все здесь для аптечного прилавка:
строй ромашки и крапивы рвы.
Пей дурманы от кошачьей травки
И от богородской пей травы.
А еще пустырьник, для затравки,
веерочком свеч у головы.

Когда пик энтузиазма сник,
землепашца тянет на пикник.
Далеко до трудовых побед,
но обед и в Африке обед.
Бутерброд за щеки, а глаза
Все соизмеряют - до и за ...

Тишиной оглоушен полдень.
Из травы таращится ящерица.
А землица едва-едва волглая,
обделенная, словно падчерица.
Были-били ключи когда-то.
Их сгубили. (А что нам свято...)
На корню засыхает луковица,
А в овраге кончается лужица.

Допекло - дожди полили,
нас в землице и зарыли.
Ни на чем не унести нам ноги -
руки не дошли здесь до дороги.

Только солнце здесь не за горами.
И дожди, как нынче гости, редки.
И земля раскалена, как камень.
И какая репка средь сурепки...
Даст Бог, будет что-то. Но силками
все опутал разгуляй-сорняк.
С ним воюет голыми руками
новый русский середняк-бедняк.

Или ветер налетел бестактно.
Или что-то сдвинулось в мозгу.
Кто-то молвил: вот бы взять бы трактор...
Может, танк - да прямо на Москву?
Где, мол, тут у вас мои трансферты?
Скажут: завтра будут. Только верь ты.
Как же! Знают и малец и дед,
Что чужие деньги не конфеты,
А в своей расхристанной стране-то
денег вовсе нет.
По полгода не дают зарплаты -
жуй, земля, последние лопаты.
Милый друг!
Сил нет, и я глазею.
Может, нас воткнули носом в землю,
Чтоб не замечали - что вокруг?
Здесь была роскошная деревня.
А теперь персты - отдельные деревья.
На земле, где так купился лох,
оберегом стал чертополох.

По земле прошел трехглавый бес-
Беспредел, бесславье, беспризорье.
Цвет его не черен, но белес.
Все заброшено - в разоре.

А кому-то говорила полька:
Нам земли хотя бы на полстолько...

Ах, Любавка! Слово полно ласки.
Но в безводье куст поник как плеть.
Мы больны от октября до пасхи.
А потом уж некогда болеть.

Наша огорчительна неявка.
Не гони. Чуток притормози.
Милая Любавка, ты пиявка.
Кровь и пот сосешь ты и бензин.

Вот морковка - разбежалась шустро,
для семьи, отнюдь не для базара.
Приезжаем, а на грядке пусто.
И какие ж были тут хазары?

Расстаюсь, расстаюсь, расстаюсь!
Покидаю тебя, моя грусть,
Голубая моя или розовая.
Наползает на грядку груздь.
Березняк распустил подберезовиков.
Ах, зеленые сосны и елки,
даже вы распустили иголки.
И я вижу вприщур - ближе, ближе
по тропе к нам спускается рыжик.
Может, с энного понедельничка
станем мы владельцами ельничка?
Не верь, не бойся, не проси...
Так повелось на Руси.

И глядим с тоской мы на дорогу -
Ты вошла нам в душу и во плоть.
Как же здесь травы сердечной много!
Стоит ли теперь ее полоть...

СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

ПОЛЕТ

Прилетела быстрая
Стрекоза.
Крылья шелковистые.
Фонари-глаза.
И слегка задела вдруг
За плечо.
Что сидишь? Задумалась
Ты о чем?
Платье словно крылышки
Бабочки большой.
Полетели мулушки -
Хо-ро-шо!
А лужок нарядненький
От ромашек бел.
Кто хотел - ныряли в них.
Кто хотел - летел...

ГОВОРЯЩИЕ ДОЖДИ

Неожиданная весть -
Говорящие дожди
По ночам гуляют здесь.
Но попробуй их дождись!

Что они наговорили?
Какой классный сон залили.
Что мне снилось? Вот беда -
Смыла все дождя вода.

Затаюсь в ночной тиши.
Слышу шепот: «ш-ш-ши...» да «ш-ш-ши...»
Это дождь в ночную тишь
Повторяет: «Спишь ты... спишь...»

ПИСЬМО ВНУЧКАМ (Анюте и Лерусе)

Дорогие мои внучки!
Говорят, вы заскучали.
Ну, какие еще тучки
Вам навеяли печали?

Я приеду. Даю слово,
Будет вам со мной нескучно.
Привезу я вам обновы.
Заживем мы очень дружно.

По ночам не будем спать мы,
А читать под одеялом.
Резать мамочкины платья -
Не покажется ей мало.

По прелестным шлепать лужам
Тоже очень интересно!
Воспитатель нам не нужен.
Что он скажет - всем известно.

А потом на всех заборах,
Беззаботно, без разбору,
Повисим, чуток просохнем,
Спрыгнем сверху и не охнем.

*В магазине куклу Барби
Буду я у вас канючить:
- Ну купите же мне Барби...
Но Катюшу, может, лучше?..*

*В играх с вами стану хлюздить.
Вам знакомо слово это?
Из моей дворовой жизни,
Из далекого вам лета.*

*Это значит отказаться,
Отвертеться, накричаться
И ни с чем не соглашаться...*

*Вы хотите счастье это?
С нетерпением жду ответа.*

К ЛЕТУ В ГОСТИ

*Выйдем к лету у тихой дубравы.
Ах, как пахнут цветы там и травы!
Земляничный, грибной, чуть-чуть мятный
Удивителен край благодатный.
Солнца шар-самовар очень кстати.
Ставит лето на пеструю скатерть
Колокольчиков синие чашки,
Блюдца белой и желтой ромашки.
За таким ароматным чаем
Мы у лета в гостях не скушаем.*

*На полянке меж деревьев
Осень, щеки подперев,
Загорает преспокойно,
Словно нет у нее дел.
И вот-вот уже готовы
Постреляться почки снова,
А у ягоды садовой
Бок с волненья заалел.*

Василий КОРОБКОВ

АНТОНИНА ПРЕПОДОБНАЯ И ДРУГИЕ

Повесть

Тетушку свою, Антонину Ивановну, я не видел уже несколько лет и, снова появившись в родных краях, решил ее проведать.

Она жила в подмосковном городке, который красотой особой не блистал. Узкие улицы и «хрущевские» дома всегда угнетали меня своим желтым цветом. Огромный химический комбинат находился в центре города и его многочисленные трубы днем и ночью выбрасывали в подмосковное небо рыжую и вонючую гарь.

Я вышел из электрички на Московецкой и, вглядываясь в полузабытые очертания города, остановился у края платформы. Электропоезд, с шумом набирая скорость, исчез в серой дымке подмосковного леса. И на меня нахлынули воспоминания.

Воспоминание первое

Лет двадцать назад, в такую же осеннюю пору, куролесил я со своим закадычным другом по улицам Воскресенска. Времена тогда были скучные, пришибленные. Взрослые люди находили себя в работе, а такие подростки, как мы, болтались по городам и селам, не зная, куда девать свою молодую энергию. В те давние времена я учился в ремесленном училище, где в пятнадцать лет из меня пытались сделать знаменитого токаря. Мы ще-

голяли тогда в синих шинелях с голубыми петлицами. Иногда вместо того, чтобы сидеть на занятиях, мы целыми днями болтались и выискивали на свою голову приключения. От нечего делать мы шастали по магазинам, бродили по рынку и по улицам.

На городском рынке в сутолоке людей мы чувствовали себя как рыба в воде. Здесь можно и яблок наворовать, и семечек выпросить. Друг у меня шустрый, с таким не пропадешь.

- Пирожки с мясом! Горячие! Свежие! - кричит полная женщина в белом засаленном фартуке.

- Вкусные пирожки-то? - спрашивает у нее мой друг.

- Вкусные, сынок, вкусные. Берите.

- А попробовать можно?

- Конечно, можно, - отвечает женщина и, проткнув пирожок вилкой, с умильной улыбкой протягивает его моему другу.

Виктор откусывает полпирога, и на лице его появляется кислая мина. Женщина с недоумением глядит на ремесленника.

- Что вы мне дали? - возмущается мой друг. - Это не пирог, а дерьмо собачье. - И он возвращает пирожок с недовольной гримасой на лице.

Женщина ошарашена. Она смотрит на молодого шалопа и наливаясь гневом.

- Сам ты дерьмо! - выкрикивает женщина. - Пирожки свежие, горячие. А ну плати десять копеек! Чего ты мне огрызок назад суешь?

- За что платить? - притворно удивляется Виктор. - За эту дрянь собачью?

- Сам ты дрянь собачья! - визгивает женщина и хватает его за шиворот шинели. - Десять копеек гони, мерзавец!

Виктор крутится возле нее волчком, вырывается и, прежде чем улизнуть в толпу, успевает из ее широкого кармана на животе выдернуть деньги.

- Караул! Грабят! - визжит женщина и бросается в погоню, оставив кастрюлю с пирожками без присмотра.

А через час мы сидим с другом в дальнем углу сквера и, тяпнув по стакану «перцовки», уничтожает трофейные пирожки. От выпитого вина становится жарко, шинели у нас распахнуты, хочется запеть песню. Мы покидаем укромное место и начинаем мотаться по городу. На душе тепло и весело. Мы пристаем к девушкам, пытаемся завести знакомство, нам хочется любви и романтики, и жизнь кажется удивительной и прекрасной. А к вечеру Виктор еще умудрился выудить кошелек с деньгами у дамы с накрашенными губами. Возле кассы дама обнаружила пропажу и диким визгом привлекла к себе внимание. Воспользовавшись суматохой, и я утащил с прилавка огромного закованного леща, которого тут же засунул за пазуху. Из магазинчика мы вышли довольные собой.

Вечером мы оказались в районе, где проживала моя тетка, и решили заглянуть к ней в гости. Тетушка в те далекие теперь времена жила в коммуналке, и на наш требовательный звонок дверь нам открыла рыжая девушка, жившая в соседней комнате. Вслед за ней в тесный коридор выбежали два малыша - мои двоюродные братики - и весело закричали:

- Дядя Вася пришел! Ура! А мамы дома нет! Тетя Нина, это к нам пришли, пропустите их.

Девушка пригласила нас в коридор и, закрыв за нами дверь, удалилась в

свою комнату.

Сережка и Валерка повисли на мне, как две обезьянки.

- Дядя Вася, а ты хлеба принес? - спросил Сережка.

- Хлеба? - удивился я.

- Да.

- Хлеба у меня нет.

- А что у тебя есть?

- Рыба!

- Настоящая?

- Настоящая.

- А есть ее можно?

- Конечно, можно.

- А давай ее по-быстрому съедим.

- А почему по-быстрому? Сейчас мама придет с работы и мы ее, не то-ропясь, все вместе и скушаем.

- А мама, наверное, не придет, - заявил Сережка.

- Почему?

- Ее два дня уже нету, а мы кушать хотим.

- А где же она?

- У тети Зины вино пьет. Там какие-то дяди с Севера приехали, и мама с тетей Зиной охмуряют их.

Мне стало не по себе, меня обдало каким-то непонятным жаром. Я растегнул шинель, и копченый лещ, выскользнув из-за пояса, плюхнулся на пол.

Валерка, что годом младше, схватил его своими ручонками и радостно закричал:

- Рыба! Рыба! Настоящая рыба. Чур, я первый буду есть.

Он нырнул в свою комнату, Сережка с визгом побежал за ним. В комнате началась драка. Мальчишки старались вырвать друг у друга жирного леща и визжали, как будто их режут.

- Во дают! - хохотал мой друг, наблюдая за дракой. - Как сто лет не жрали, черти.

- Замолчи! - одернул я его. - Видишь, дети голодные, накормить их надо. Сколько у нас денег осталось?

Витка вытащил из кармана несколько трояков и протянул их мне. Я взял деньги, разнял малышей, разрезал леща на две части и протянул рыбу детям, и они, почти не очищая ее, начали есть.

Попросив Виктора остаться в малышами, я вышел на улицу.

Отваренные макароны и жаренные котлеты ребятишки съели мгновенно. Мой друг сидел уже в соседней комнате и время от времени оттуда доносился его заплетающийся голос:

- Нино, какая ты красивая! Почему я тебя раньше никогда не видел? Ты просто ангел, Нино! Давай вместе выпьем за красивую жизнь.

Виктор нагнулся по уши, а рыжая соседка, угощая его солеными огурцами, весело смеялась, ей было забавно наблюдать за пьяным ремесленником, который начинал обещать ей золотые горы.

Расспросив у соседки, где можно отыскать мою тетушку, я направился на ее розыски.

Антонина Ивановна, тетушка моя, старше меня лет на десять. Характер у нее ужасный, неуживчивый, она всегда во всем верховодит, а если кто

пытается перечить ей, она пускает в ход свои кулаки. «Вот еще дрянь противная! Хочет поперек дороги встать!» - любила кричать Антонина Ивановна. Женщины убегали от нее с плачем, а мужики, которых она успела помянуть уже достаточно, уходили с достоинством. Жить с такой дурой никто не осмеливался, а дури у моей тетушки было хоть отбавляй. Однажды, когда мне было лет пять, я видел, как она убивала старого кота. Кот был уже слепой и никудышный. Она засунула его в мешок и стала с размаха, со всего плеча, ударять его об угол терраски. Кот несколько раз взвизгнул и затих. Она вытряхнула его из мешка в крапиву и, злорадно смеясь, сказала своим старшим братьям:

- Эх вы, фронтовики! Кота грохнуть не можете.

Сколько лет прошло, а я до сих пор не могу забыть жалобный визг кота и ехидный смех своей тетки, которой было тогда лет пятнадцать.

Дом, в котором женщины охмуряли мужиков, я нашел сразу. Он больше походил на сарай, чем на дом. Занавесок на окнах не было, и в них мелькали танцующие фигуры. На улицу из открытой форточки вырывалась популярная мелодия.

«Бабушка, отложи ты вязанье,
Заведи старый свой граммофон...»

Я заглянул в окно и мне снова стало жарко. В середине большой комнаты, в кругу незнакомых мужиков, плясали почти обнаженные женщины, они дрыгали ногами, выписывая ими кренделя, и махали руками, завывая вместе с пластинкой: «Бабушка, отложи ты вязанье, научи танцевать чарльстон».

Среди других женщин я узнал и свою тетушку. В ночной сорочке и тапках на босу ногу она вытанцовывала перед пьяным бугаем и визжала громче всех: «Бабушка-а! Отложи ты вязанье!»

Я присел на скамейку возле крыльца и не знал, что делать. Зайти в этот пьяный дом и вытащить оттуда свою тетушку я боялся. В душе моей начала появляться непонятная ненависть. Мне хотелось разнести этот дом вдребезги, а тетку свою я возненавидел всем своим существом.

«Как можно? - думал я. - Детишки дома сидят совершенно голодные, а она здесь в чем мама родила буги-вуги выплясывает».

Возле крыльца при тусклом свете я увидел обломок кирпича, не долго размышляя, запустил его в занавешенное окно и выбежал из палисадника на улицу.

Антонина Ивановна вернулась домой под утро. Под левым глазом у нее полыхал огромный синяк, из черной небольшой сумки торчали грязные туфли и батон колбасы. Увидев меня и моего друга на своей кровати, она сначала удивилась, но, узнав меня, обрадовалась.

- О, племянничек! - воскликнула она, плюхнувшись на край постели. - В гости пожаловал, это хорошо. А я вот с работы пришла.

Она бросила сумку на пол, пнула ее ногой и разревелась:

- Племя-ян-ничек, - начала всхлипывая она, - видишь, жизнь-то какая. За кусок колбасы чуть не убили, паразиты. Какие-то алкаши на дороге встретили, хотели колбасу отнять. Но я наподавала им! Они меня долго помнят будут!

Тетка вралась безбожно, она и подумать, наверное, не могла, что я видел, как она развлекается по ночам.

- А у меня горе, - продолжала она всхлипывая и прижимая к себе про-

снувшихся ребятишек. - Меня с работы вытурили, по тридцать третьей, две горбатых ввели в трудовую. Как теперь ребят кормить буду, ума не приложу. Голодные вы мои, - запричитала она, обнимая детей, - я вам колбаски принесла. Берите колбаску.

Она вытащила колбасу из сумки и, разломив на две части, протянула детям. Ребятишки, утирая слезы и всхлиывая, набросились на колбасу. Я смотрел на голодных малышей, на пьяную тетку свою, и горькие слезы выворачивали мою душу наизнанку. А через полчаса, надев свои ремесленные башмаки и темно-синие шинели, мы вышли с другом на улицу и с первой электричкой поехали в родное училище. На столе тетушки я оставил последний измятый и потерянный трояк.

Жизнь катилась своим чередом. После училища я начал работать на заводе, и не было уже надобности бегать по рынку и воровать пирожки да яблоки. В гости к своей тетушке я заезжал редко. У меня и своих житейских проблем было море. Ребятишки у нее росли быстро.

Первого мужа Антонины Ивановны я помню плохо. В памяти остался высокий парень в матросской форме. Поженились они на целине. Любовь у них была романтической. Родился сын Сережка, - живи да радуйся. Но вот горе-то великое: характер у Антонины Ивановны похлеще, чем у черта. Сатана в юбке да и только. Разбежались они быстро. Какому мужику захочется всю жизнь под каблуком у настырной бабы воду толочь? По молодости Антонина Ивановна плакала недолго, и вскоре на танцах нарвалась на уголовного. Юрку Цумфалика. Мужик по тем временам крутой, весь Москворецкий район на пяти крестах держал в кулаке. Жизнь у них началась веселая. Вино, драки, любовью и не пахло. В ежедневных ссорах и скандалах родился и Валерка.

Однажды к Антонине Ивановне приехал первый муж провести своего сына. Встретились два мужика. Выпили бутылку, поскрипели зубами и разошлись за столом. Два быка в тесной комнате наделали делов: стол вдребезги, от стульев только ножки в разные стороны летели. Дети уже подросли и все понимали, каждый норовил заступиться за своего папу. Антонина Ивановна с разбитой головой в милицию помчалась. Разняли мужиков, и Антонина Ивановна опять осталась одна, с двоими ребятишками на руках. И началась у нее жизнь веселее прежней: пьянки да гулянки, и мужики - череда за чередой, а ребята рядом крутятся, полуголодные и почти раздетые.

Дом тетушки я отыскал не сразу, за последние годы здесь понастроили много. Поднявшись на четвертый этаж, где проживала моя родственница, я долго стоял возле изуродованной двери, не решаясь в нее постучать.

И снова в моей памяти всплыл случай, когда я со своей тетушкой попал в ужасную квартиру с такой же обшарпанной дверью.

Воспоминание второе

В первые же дни, когда я вернулся из армии, решил нагрнуть в гости к своей тетушке. В то время она жила уже в двухкомнатной квартире, и жизнь у нее катилась как по маслу.

Дверь мне открыл парень лет тридцати: веселый, плечистый.

- Вам кого? - спросил он.

- Мне бы Антонину Ивановну.

- А вы кто?

- Я ее племянник.

Парень обрадовался, и дверь распахнулась настежь.

- Проходи! Гостем будешь. Тоня на работе, часа через три придет, а мы пока чайку хлебнем, познакомимся. Меня зовут Степан, а тебя?

- Василий, - ответил я.

- Вот и хорошо, проходи, раздевайся, а я сейчас закусить чего-нибудь заварганю.

Я снял шинель, повесил ее в прихожей и вошел в зал. Обстановка удивила меня. Мебель была новая, на стенах висели ковры, в углу красовался цветной телевизор - по тем временам большая редкость. Из соседней комнаты выглядывали две головы.

- Не узнаете? - спросил я.

- Нет, - в один голос ответили они.

- Это же я, дядя Вася, как вы меня когда-то называли.

Двоюродные братики узнали меня и подбежали ко мне.

- А вы правда из армии приехали? - спросил Сережка.

- Конечно, правда, вы что, солдатскую форму не видите?

Я сел на диван, а братики начали разглядывать нагрудные знаки, гладить блестящие погоны.

- Я тоже в армию пойду, когда вырасту, - серьезно заявил Сережка.

А Валерка уже натянул на себя мою фуражку и весело закричал:

- А я уже в армии! - и он начал беситься посреди комнаты, имитируя рукопашную схватку с врагом. Движения у него были резкие, шустрые.

- Ha! Ha! Ha тебе! - кричал он, махая руками и пиная ногами стул. Стул падал. Он ставил его на ножки, запрыгивал на него, топтал ногами, прыгивал на пол и катал стул вокруг себя.

- Ты чего делаешь? - спросил я его испуганно.

- Как чего, воюю!

- Валерка, хватит беситься! - крикнул Степан из кухни. - Матери скажу, она тебе выпллет.

- Молчи, козел! Не видишь, я воюю.

- Разве можно так со старшими разговаривать? - спросил я у Валерки.

- Можно. Мамка все время с ним так разговаривает.

- Сожитель и нахлебник, - не переставая беситься, информировал меня дальше Валерка. - Мамка мясо ворует, а он котлеты жрет и нас воспитывает, как нянька.

Я слушал Валерку, и у меня горели уши. Из кухни вышел Степан и наградил Валерку подзатыльником.

- Чего дерешься, козел! Вот приедет мой папка из тюрьмы, он тебя зарежет.

Степан приподнял его за шиворот, молча отнес в ванную комнату и запер там.

- Открой! - закричал Валерка, барабанив ногой в дверь.

- Ничего, и там повоюешь. Когда научишься со взрослыми разговаривать, тогда и открою.

Валерка заплакал.

- Ничего, Василий, не обращай внимания, - сказал мне Степан. - Озорники растут, а воспитывать некому. Пойдем на кухню.

Кухни в «хрущевских» домах маленькие. Зашли вдвоем, и тесно стало. На столе стояла бутылка, сковорода с распаренными котлетами и нарезанный хлеб.

- Давай перекусим, - предложил Степан. - А потом Антонину пойдем встречать, а то она мясо не дотащит.

- А где она мясо берет? - спросил я, присаживаясь к столу.

- Да она в палатке продавцом работает. Обвешивает людей, жуть. И не боится ничего. Да ты же знаешь ее, кому угодно в горло вцепится и глаза выцарапает.

Бутылка водки и котлеты на сковороде исчезли мгновенно. Языки у нас развязались, я начал рассказывать про службу в армии, а Степан вспоминал свою службу. Сережка и выпущенный из ванной Валерка успокоились и молча слушали наши байки.

Зимой темнеет быстро, и Степан заторопился:

- Пора, пора, Василий, а то опоздаем, греха не оберемся.

На скорую руку он убрал со стола грязную посуду, и, одевшись, мы вышли на улицу.

Мясная лавка находилась в конце платформы станции «Шиферной». Возле палатки в вечерних сумерках толпился народ, в основном женщины. Шел мелкий снег, и небольшой морозец щекотал людям нервы. Антонину Ивановну я узнал сразу же по голосу.

- Ну, чего рот раззявила? Деньги плати и отваливай!

- А бумаги у вас нет? Как я мясо в сумку положу?

- Может, вам еще и такси вызвать?

- Такси не надо, а вот бумаги клочок...

- Нету бумаги! - кричит Антонина Ивановна. - Здесь не бумажная фабрика, а мясной парек! Плати деньги, забирай мясо и отваливай. Мне тоже весь день на морозе стоять не резон. Бумагу ей подавай! Свою иметь надо.

Женщина молча протянула ей деньги, и Антонина Ивановна одной рукой взяла их, а другой вывалила из весовой чашки мясо на выдавший виды прилавок.

- А вам чего? - ласково обратилась Антонина Ивановна к следующей покупательнице.

- А мне бы килограммчика два, желательно без косточек.

- Без косточек, - усмехнулась Антонина Ивановна. - Без костей мяса не бывает. А кости мне прикажете грызть, я что на собаку похожа?

- Да я бы не сказала этого, ну, взвесьте мне килограммчика два, как там у вас получится.

На чашку весов плюхнулся кусок мяса с большой костью внутри.

- Пойдет? - строго спросила Антонина Ивановна.

Женщина махнула рукой и полезла в кошелек за деньгами.

- Сколько с меня?

- Шесть рублей, двадцать семь копеек.

Женщина подает ей семь рублей.

- Давайте мелочь, сдачи у меня нет.

Женщина опять машет рукой, забирает костлявый кусок и отходит в сторону.

- А вам что взвесить, мадам? - обращается продавщица к следующей женщине.

- Блатует Тонька, - толкнув меня в бок, весело сказал Степан. - Пойдем, с тылу зайдем, у нее там тепло.

Степан по-хозяйски постучал сапогом в дверь палатки.

- Кто там? Каво черти волокут? - закричала Антонина Ивановна.

Ни сколько не изменилась, подумал я: как была горластой, так и осталась.

- Открывай! Это мы, - буркнул Степан.

- Кто это мы? - открывая дверь, спросила тетка.

- Это мы, - снова повторил Степан, - я и твой племянник.

Антонина Ивановна прищурила глаза, разглядывая меня в темноте и, узнав, радостно воскликнула:

- Племяш, родненький! Армию отслужил...

Она сбросила с себя замусоленный фартук, сдернула такие же замусоленные нарукавники, схватила меня за руки, втянула в вагончик и крепко обняла, целуя в щеки. Я застеснялся, как девица. Мое лицо покраснело, как будто его облили горячей краской. Антонина Ивановна сделала несколько шагов назад и, любуясь мной, радостно залопотала:

- Молодец! Армию уже отслужил. А красавец-то какой! Настоящий жених да и только. Мы тебя женим, сегодня же. Такие женихи на дорогах не валяются. У меня подруга есть, золотая девка. Сегодня же просватаем...

Антонина Ивановна сняла с себя старое замызганное пальто и в белом свитере выбежала на улицу, мягким снегом вымыла руки, натерла свое круглое лицо с пышными щеками и, весело фыркая, снова забежала в палатку. Насухо обтерлась полотенцем, достала из сумки круглое зеркальце и помаду, начала подкрашивать губы. Розовые щеки, натертые снегом, пылали живым огнем, тело ее дышало здоровьем.

Из фанерного шкафа она вытащила выходное пальто черного цвета. Привычным движением ее руки нырнули в рукава, и зимнее пальто, словно живое существо, обхватило всю ее фигуру. Черный драп и шикарная шапка из меха куницы преобразили Антонину Ивановну до неузнаваемости. Из-под шапки выглядывали озорные и очень хитрые глаза, они все время были чуть-чуть прищурены и от этого казались еще хитрее.

- Ну, как я выгляжу? - спросила она.

Тетка мне нравилась.

- Ничего, нормально, - ответил я и засмутился.

- Как ничего? - возмутилась Антонина Ивановна. - Твоя тетка еще ого-го! Она еще не одному нос утрет. Знай наших! И нас Бог красотой не обидел.

Антонина Ивановна выключила рубильник, и мы вышли на улицу. Я помог ей навесить на дверь амбарные замки, ключи она спрятала в свою сумку и, взяв меня под руку, повела вдоль железнодорожного полотна в сторону города знакомить со своей подругой.

Подруга Антонины Ивановны жила в старом городе в двухэтажном доме на первом этаже. Входная дверь не внушала мне доверия. Мне казалось, что эту дверь неоднократно бодали танком. Антонина Ивановна властно постучала кулаком в разбитую фанерную обшивку.

- Кто там? - спросил испуганный голос.

- Открывай, это я, преподобная Антонина.

По ту сторону двери жалобно звякнул железный крючок и раненная дверь нехотя приоткрылась. В узкой щели появилась испуганная мордашка.

- Ты одна? - спросила Антонина Ивановна.

- Слава Богу, пока одна.

Антонина Ивановна по-хозяйски толкнула дверь во внутрь и, заходя в коридорчик убогой квартиры, пригласила и меня.

- Заходи, племянш, гостем будешь.

На молчаливый вопрос хозяйки дома тетушка ответила просто:

- Чево рот раззявила? Я тебе жениха привела, и не думай, что он бич или шаромыга какой. Это мой любимый племянничек. Только что из армии вернулся, сама должна понимать, а парень во! Сама, чай, видишь, не слепая, - и она показала ей свой кулак с поднятым кверху пальцем. - Знакомьтесь. Да вы должны знать друг друга. Василий, да это же моя бывшая соседка по коммуналке, не помнишь разве?

И я вспомнил: да, да, это та самая девчонка курносая, с рыжими веснушками, только волосы почему-то белые.

«Наверное, красится, - подумал я. - Как она изменилась! Теперь это не девчонка, а настоящая молодая женщина, но почему-то с печальными глазами. Видно, наша суровая жизнь крутит ее уже на полную катушку. И, как черный омут, затягивает молодую душу в свое темное царство на самое дно, где нет ни света солнечного, ни радости человеческой, ни счастья земного».

- Ну, что же вы стоите, как олухи? Знакомьтесь, что ли. Нина Павловна, протяни племяннику свою лебяжью ручку, не откусит он ее.

- Нина, - протягивая мне свою руку, скромно проговорила хозяйка дома, а второй рукой придерживая незастегнутый халат.

- А я Василий, - с трудом выговорил я и крепко пожал ее ладонь.

Хозяйка взвизгнула, привстала на носочки, и вторая ее ладонь нежно легла на мой жилистый кулак.

- Мне больно. Разве можно так! - сказала она ласково, и глаза ее засветились доброй нежностью. Ворот домашнего халата распахнулся, и я увидел женские груди. Непонятное волнение жаркой волной пробежало по всему телу, я замер, как заминированный, а тетка, бестия, перехватив мой взгляд, весело засмеялась:

- Ну, дело будет, - сказала она. - Смотри, как парень загорелся, увидев твои прелести.

Лицо у хозяйки дома вспыхнуло.

- Ну вы скажете, Антонина Ивановна! - она выдернула свою ладошку из моих рук и, запахнув халат, забежала в комнату.

- Ну, что вы в дверях-то стоите? Раздевайтесь и проходите, я сейчас приберусь немного, - она заметалась по комнате, убирая какие-то тряпки, разбросанные где попало.

- Да мы ненадолго к тебе, - заявила Антонина Ивановна. - Давай собирайся и пойдем к нам. Посидим вечерок, расслабимся. Отдохнем, в конце концов. Выпить у меня дома есть, мяса навалом. Чего дома-то будешь сидеть, давай собирайся.

Нина Павловна стояла возле шкафа с охапкой белья в какой-то нерешительности.

- А дети?

- Ну и что? Мы же не на год тебя забираем. Я своих все время оставляла, когда мне нужно было. А у тебя уже большие они. Чего им будет? Посидим у меня немного, а потом Василий проводит тебя и вы поближе познакомитесь.

Нина Павловна смутилась еще больше:

- Ну вы скажете, Антонина Ивановна, вы, прям, как сваха. Ну, все равно, чего вы в дверях-то стоите, раздевайтесь и проходите. Мне же собраться надо, не в халате же я в гости пойду.

Антонина Ивановна расстегнула свое пальто и, сняв его, повесила на ржавый гвоздь, торчащий в стене.

- Раздевайся, чего стоишь, как сирота, и проходи, - сказала мне тетушка, направляясь в комнату.

Я снял шинель и положил ее на стиральную машину, стоящую в углу. Фуражку взял в руки и вошел вслед за тетушкой.

- Здравствуйте, - в один голос поздоровались со мной две девочки.

- Я Катя, - сказал девочка с белыми бантиками на макушке, - а это моя сестренка Лена. Ей уже три года и она все уже понимает, как взрослая.

- А тебе сколько лет? - спросил я.

Девочка молча показала четыре пальчика.

- Все ясно, четыре годика. Большая уже.

- Да, я почти уже выросла.

- Интересные у вас девчонки, - с какой-то завистью проговорил я.

- Чего же в них интересного, - возразила Нина Павловна. - Такие же, как и все, надоедницы. Замучилась я с ними.

- Ничего - вырастут, - вмешалась в разговор Антонина Ивановна. - У меня тоже маленькие были, а сейчас вон какие головорезы выросли, еще годика два - и мамка с ними не справится.

Хозяйка квартиры освободила стул от детской одежды и предложила мне сесть.

- А вы, Антонина Ивановна, человек свой, можете и на кушетку присесть, простыни у меня чистые, - и Нина Павловна снова заметалась по комнате, приводя ее в порядок. - Вы уж извините меня, у меня такой кавардак. С двумя ребятами тяжело за порядком следить. Мы же гостей не ждали. Все так неожиданно, мне даже неудобно как-то.

- Да ладно тебе, - перебила ее Антонина Ивановна. - Строишь из себя скромницу, что ты думаешь, он беспорядков в доме не видел, у них тоже

семейка-то - не дай Бог каждому. Девять человек детей только, и все мал мала меньше, и дом у них не namного больше твоей халупы...

- Мама, ты уходить собираешься, да? - спросила Катенька.

- Я ненадолго, доченька, часа через два приду. Вы рисуйте домики, деревья, - ласковым голосом заговорила Нина Павловна, - а я вам гостинчиков принесу.

- И дядя Вася вам конфет принесет, - вмешалась в разговор Антонина Ивановна. - Дядя Вася хороший. Смотрите, какой он красивый! Он вам нравится?

Девочки молча кивнули головами.

- Тетя Тоня, а дядя Вася не дерется? - спросила маленькая Леночка.

- Нет, миленькая, дядя Вася не дерется. Он хороший.

- А он у нас жить будет, как дядя Гена?

Нина Павловна застыла у шкафа, прикрыв ладошкой рот.

- Леночка, ты чего лопочешь? Дядя Гена уже давно не живет с нами, и он нехороший, вино пьет и дерется. Пора бы и забыть его.

- А почему же он по ночам приходит и двери ломает?

- Лена, он больше не придет.

- А кто же теперь мой папа будет? Дядя Гена или дядя Вася?

Женщины засмеялись.

- Вот следовательно растет! - воскликнула Антонина Ивановна. - Ничего не утаишь. А ты, Василий, не обращай внимания. Ходил здесь алкаш один, мы его «на лыжи» поставили да отвадили, а если еще появится, можно и по шее накостылять, чтоб жить не мешал хорошим людям. Ты не волнуйся, все будет нормально.

Услышав про существование неизвестного мне дяди Гены, я ощутил в душе зашевелившуюся ревность. Я искоса наблюдал за Ниной Павловной, и по спине моей бегали мурашки. «Такая женщина, - думал я, - а принадлежит каким-то алкашам. Да если он появится здесь - башку отверну!»

- Леночка, а ты хочешь, чтоб дядя Вася у вас жил? - спросила Антонина Ивановна.

Мне казалось, что еще немного и у меня расплавятся уши.

- Тетя Тоня, - взмолился я, - прекратите. Ну нельзя же так.

- А чего здесь такого? - удивилась она. - Люди вы молодые, интересные, а может быть, это судьба? А дети разве помешают? Ну, ошиблась девка по молодости, с кем не бывает. Выскочила за алкоголика, да вовремя опомнилась, развелась. И что теперь - весь век одной с двумя девчонками куковать? А природу не обманешь. Душа, она любви требует. А в двадцать три года тело огнем горит.

- Антонина Ивановна, ну зачем вы все это? - в свою очередь засмущалась Нина Павловна.

- А ты помолчи, - оборвала ее тетушка. - Обожглась раз и хватит. Теперь я твою судьбу устраивать буду. Давай одевайся, и к нам едем. Степан мой мясо жарит, а выпить всегда найдется.

Нина Павловна, прибрав в комнате, достала из шкафа вечернее платье и, прижав его к груди, тихо прошептала:

- Господи! И переодеться-то негде.

- Да переодевайся ты здесь, - засмеялась Антонина Ивановна, - а племянник отвернется. Отвернись! - скомандовала она мне.

Я встал со стула и, подойдя к окну, немного раздвинул не очень плотные шторы и начал смотреть на улицу. В вечернем окне маленькая комната отражалась, как в зеркале. И я с волнением наблюдал, как Нина Павловна, с опаской поглядывая на меня, начала переодеваться. Она сбросила домашний халат, начала крутить в своих руках черный бюстгальтер. В отражении окна я увидел ее обнаженную фигуру. Душа моя разволновалась, дыхание приостановилось, а сердце запрыгало, как птичка в тесной клетке. Меня обуяла страсть. Я впервые в жизни видел обнаженную женщину. «Неужели она сегодня будет моей? - подумал я. - Неужели сегодня свершится то, о чем я уже давно, давно мечтаю». Я закрыл глаза и мне хотелось ржать от нахлынувшей радости.

Застолье у Антонины Ивановны получилось на славу. После солдатской похлебки жареные шашлыки из свежего отборного мяса мне казались волшебными. Тетка руководила всеми, веселая и неутомимая, она крутилась вокруг стола, разливала вино, раскладывала по тарелкам салаты, соленые грибы, помидоры, огурчики. Ее голос, громкий и звучный, гремел не только в наших ушах, но и во всех углах квартиры. Ребятишки нажимали на еду, а мы, взрослые, - на горячительные напитки.

- Господа! - кричала Антонина Ивановна, изрядно захмелев, - За здоровье племянша! - она вставала со стула и, зависая над столом, начинала со всеми чокаяться.

- Племянш, а ты чего сидишь? Мужик ты или не мужик? А ну, предложи-ка Нине Павловне на бурдершавт выпить. Нина Павловна, смотри, жених-то какой! Грех с таким на бурдершавт не выпить!

Нина Павловна, в светло-зеленом платье, цвела, как майская роза.

- Антонина Ивановна, бог с вами, какие бурдершавты? Мы еще мало знакомы, мы еще не привыкли друг к другу, - нехотя возражала Нина Павловна. Но соглашается. Мы перекрещиваем свои руки и начинаем пить терпкий коньяк из хрустальных бокалов. Вместо закуски - горячий и затяжной поцелуй. У меня кружится голова не то от поцелуя, не то от коньяка. Мне хочется обнять это зеленое платье, прижаться к Нине Павловне и целовать, целовать ее, задыхаясь от радости и дикого восторга, от близости женской, ее горячих губ. Мне хочется ласкать ее волосы, плечи, талию. Я с трудом сдерживаю себя, мне ужасно хочется любить эту женщину, тут же, немедленно, страсть во мне разгорается все больше и больше. Меня уже не радует общение с тетушкой и ее шашлычное застолье. Мне хочется уединиться с Ниной Павловной и любить, любить ее, пока хватит сил и дыхания. Я несколько раз напоминаю Антонине Ивановне, что нам пора отчаливать, что дома у Нины остались дети, и они совершенно одни, а за окном уже ночь.

Антонина Ивановна не отпускала нас:

- Еще по маленькой, на посошок! - кричала она. - Успеете еще намиловаться, у вас все еще впереди.

Из гостей мы вырвались далеко за полночь, когда Антонина Ивановна в невменяемом состоянии рухнула на пол.

Мы шли по ночному городу в обнимку. Часто останавливались, целовались, задыхаясь от жарких поцелуев. Руки мои расстегивали ее пальто и лезли

в мягкую теплоту. Душа моя плавилась от нахлынувших чувств, а руки гладили ее спину, талию и опускались еще ниже. Нина Павловна приподнималась на носочки и ласково приживалась ко мне всем телом.

- Василий, не надо, - шептала она. - Я больше не могу, потерпи немного, не на улице же...

Я снова начинал ее целовать и терял голову, она обнимала меня за шею и начинала кусать мои губы и больно, и сладко. Я прижимал ее к себе, отрывал от земли и начинал кружить. Она визжала, глаза ее закрывались, мне хотелось повалиться вместе с нею на снег.

- Голова кружится, - шептала Нина. - Я домой хочу. Идем ко мне.

И мы снова идем в обнимку, целуясь и прижимаясь друг к другу. А в небе сияет огромная луна, мерцают далекие звезды, вокруг нас блещит и сверкает в лунном свете еще ни кем нетронутый снег. А город давно уже спит, и безмолвная тишина волнует нас еще больше. Мы ничего не видим и не слышим. Мы идем и целуемся, целуемся и снова идем. Мы берем друг друга за руки и начинаем кружиться, как дети, мы кружимся и хохочем, нам хорошо, нам весело, мы счастливы.

Возле дома, где проживала Нина Павловна, нас встретили два человека. Они были одеты одинаково. Поролоновые куртки темно-синего цвета ночью казались черными. Один человек был высокий, а другой - почти коротышка. У высокого на голове красовалась шапка-москвичка, а короткий щеголял в шляпе.

- Генка, - испуганно зашептала Нина Павловна. - Господи, опять драться начнет.

У Генки-коротышки куртка была распахнута, а белая водолазка обтягивала его шею, привлекала к себе внимание своей белизной.

- Вова, смотри, какая встреча! - радостно воскликнул Генка-коротыш. - Мы эту сволочь ищем весь вечер, а она с красноармейцами гуляет. Своих кобелей ей не хватает. За это наказывать надо.

- Естественно, - воскликнул долговязый, восторгаясь пламенной речью друга.

Коротыш направился к нам, растопыривая свои руки.

- Ну что, тварь поганая, нагулялась?

Нина Павловна обхватила мою левую руку и, прижимаясь ко мне, испуганно залепетала:

- Господи, сейчас драться начнет. Я боюсь.

Ее испуганная дрожь передалась мне, но я не показывал вида.

- Кто тварь? - как можно спокойнее спросил я, загораживая собой Нину Павловну.

- Да хотя бы и ты. А что? - разглядывая меня с ног до головы, проговорил коротыш.

Он явно напрашивался на скандал.

- Ты чего своей красноармейской грудью эту тварь загораживаешь? Хочешь, чтобы и тебя обули вместе в ней?

Коротыш своей наглостью раздражал меня, страха я уже не чувствовал, но что-то настораживало и холодило мою душу.

Коротыш взял меня за рукав и хотел отодвинуть в сторону. И тут меня понесло. Инстинкт армейской тренировки сработал мгновенно. Обими руками я крепко прижал его руку к своей груди и, делая подсечку ногой с раз-

ворота, крутанул его через себя. Коротыш оторвался от земли. Башмаки его прочертили в воздухе полукруг, и он плюхнулся на дорогу, как мешок с солью. А я тут же повернулся лицом у долговязому и замер в выжидательной позе. Долговязый смотрел на меня и, видимо, соображал, почему его друг неожиданно сначала оказался в воздухе, а потом улегся на дороге.

- Ну что, земляк, и тебе сальто-мортале изобразить?

Длинный попятился назад.

- Зарежу, падла! - услышал я озлобленный голос за спиной.

- Василий, - завизжала Нина Павловна, - берегись!

Я резко повернулся. Коротыш бежал на меня, и в руке у него блестел нож. Не раздумывая, я упал к нему под ноги, и коротыш снова плюхнулся на дорогу, запнувшись об меня.

- Зарежу! - еще громче закричал он, поднимаясь на ноги.

А я стоял уже на ногах и, расстегнув ремень, наматывал его на свою руку. Долговязый тем временем успел вырвать штакетник из ограды палисадника и поспешил к другу на выручку. Я начал размахивать ремнем, как нагайкой. Тяжелая пряжка угодила коротышу по руке. Он взвыл от боли и закрутился волчком. Нож из его руки выпал в снег. Ослепленный яростью, я ударил коротышку сапогом по лицу, и он вырубился. Долговязый успел ударить меня штакетиной, и она обломила о мою голову. Когда я повернулся к нему, он не знал, что делать дальше, он, видимо, рассчитывал, что упаду, но я чудом удержался на ногах. Солдатская пряжка со свистом чмокнула его в щеку, и долговязый с воем исчез за углом дома. Я подошел к коротышке. Он лежал без сознания.

- Убил, - испуганно шептала Нина, приживая кулачки к подбородку. - Зачем ты его так, что же теперь будет?..

Я зачерпнул горсть снега и стал растирать лицо коротыша. Он очнулся.

- Вставай, земляк, - сказал я, увидев, что он открыл глаза.

Коротыш с трудом поднялся на ноги и с ненавистью взглянул на меня.

- Чего синими брызгами глядишь? - не скрывая гнева, спросил я. - Еще схлопотать хочешь?

Коротыш заскрипел зубами.

- Нина Павловна, подойдите сюда, - подозвал я испуганную подругу.

Она несмело подошла к нам.

- Ну ты, жертва аборта, - со злой иронией проговорил я, - извинись перед Ниной Павловной, - я угрожающе начал помахивать ремнем перед его физиономией.

- Нина падловна она, а не Павловна, огрызнулся коротыш и неожиданно, очень резко ткнул мне кулаком в нос.

Бил я его долго и сапогами, и ремнем. Нина бегала вокруг и визжала:

- Василий, не надо, не тронь его, они убьют тебя! Да что же это такое?!

Она с трудом оттащила меня от коротышки, который снова лежал на снегу без сознания.

Дети дома не спали. Увидев свою маму, они расплакались.

- Дядя Гена опять приходил, - всхлипывала маленькая Катя. - Он говорил, что убьет нас, если не найдет тебя сегодня. Мама, я боюсь, мне страшно!

- Катя, не плачь, бояться не надо, - начал я утешать ребенка. - Дядя Гена не придет больше.

- Как бы не так, - огрызнулась Нина. - Вы еще не знаете его. Он сейчас оклемается, соберет всю свою банду и наведет шорох. Собирайтесь, девочки, к тете Дусе ночевать пойдем, там он нас не найдет.

- Зачем уходить? - удивился я. - Нормальный человек после таких побоев навряд ли снова появится здесь.

- О-о-о! - пропела Нина. - Нормальный человек, может, и не придет, а эта морда уголовная сейчас нагрянет сюда и на мне отыграется. Ты-то убежишь, а мне достанется.

- А куда я побегу? Я никуда не побегу. Я буду вас защищать.

- Ой, Василек ты мой хороший, не надо защищать нас. Мы сейчас к тете Дусе пойдем, а ты домой езжай или к тетке своей. Не получится у нас с тобой любовь-то хорошая, не дадут эти черти житья нам. Езжай лучше домой, от греха подальше.

Уходить я отказался наотрез.

- Ну, как хочешь. Оставайся, - после долгих уговоров сказала она. - А я пойду детей отведу и приду обратно. Будь, что будет. Двум смертям не бывать, все равно когда-нибудь умирать придется. Если придут, двери не открывай.

- Да я с вами пойду.

- Боже, упаси! Что тетя Дуся подумает? Я детей отведу и приду сейчас.

Нина собрала детей, закрыла квартиру на ключ и вышла с ними на улицу. Минуты ожидания казались мне вечностью. Мне не хотелось верить, что Генка-коротыш снова появится здесь, в чужой квартире. Не раздеваясь, я лег на чужую койку и с каким-то тревожным волнением стал поджидать чужую женщину.

«Как хорошо начался вечер, - думал я, - и надо же - эти черти приволочлись...»

Большая доза выпитого коньяка расслабила меня, и я незаметно уснул. Мне снилась Нина. Мы лежали с ней на большой кровати, совершенно нагие. Она обнимает и целует меня, а я ласкаю ее нежное тело и наслаждаюсь таинством любви. Нам хорошо вдвоем. Я ощущаю ее жаркое дыхание и ее горячее тело все больше и больше возбуждает меня.

Дверь и оконная рама вылетели почти одновременно. От грохота и звона бьющегося стекла я вскочил с постели, как ошпаренный. Я еще не успел сообразить, в чем дело, а меня уже начали колотить какие-то люди.

Где-то на улице неистово кричала Нина:

- Не надо! - слышался ее пронзительный голос. - Караул! Помогите! Убивают!

Меня сбили с ног. О мою спину разломали стул. Кто-то бил меня сковородкой по голове, кто-то топтал меня ногами.

- наших девок е...ть?! - шипел парень со сковородкой. - На тебе, сука! - сковорода снова прошлась по моей голове.

- На нашей территории благовать вздумал?!

От третьего удара сковородой я потерял сознание.

Очнулся я на улице в мягком сугробе. Долго лежал с открытыми глазами, слушая зимнюю тишину. Мне было хорошо и в то же время холодно. Я

хотел встать, но резкая боль во всем теле оглушила меня. Я тихо застонал.

- Сынок, ты живой? - услышал я женский голос.

Открыв глаза, я увидел перед собой пожилую женщину.

- Как тебя отволтузили, господи! Ты уж вставай давай, а то совсем замерзнешь, - запричитала она, помогая мне подняться.

Рядом валялись мои шинель и фуражка. Женщина помогла мне одеться, вытащила из сугроба фуражку, отряхнула ее от снега и, подавая ее мне, тихо проговорила:

- Ты уж лучше, сынок, уходи отседова. Ты еще молодой, и хороших делок на твой век хватит. Зачем с шаромыгами связываться? Здесь из-за твоей Нинки и Антонины Ивановны преподобной мужики с ума сходят. Каждый день драки и скандалы. А по весне одного даже убили, до смерти заколотили, черти. Ты уж не связывайся с такими. Иди, сынок, отседова, с Богом!

- Спасибо, мать, - сказал я, надевая фуражку. - С такими невестами и вправду счастья на земле не увидишь.

Я зачерпнул горсть свежего снега, обернул свою разбитую физиономию и молча направился прочь - от серого дома, от квартиры с разбитыми стеклами и от сломанной двери, которую ломают здесь, видимо, не в первый раз.

Над городом маячил новый рассвет. Возле платформы меня догнала Нина.

- Живой! - всхлипнула она. - Слава Богу! Ты извини меня, Василий. Теперь видишь, какая жизнь-то у меня. Не получилась у нас с тобой любовь. Жаль. А ты хороший, с такими, как ты, женщинам тепло в жизни будет. Ты еще найдешь свое счастье.

Нина крепко поцеловала меня, но обнимать ее мне уже не хотелось.

- Прощай, - тихо сказала она, и ее печальные глаза наполнились слезами.

Она уходила по узкой тропинке в сторону города, а за спиной я слышал, как к платформе приближается первая электричка.

Часть вторая

Тихо и несмело постучал я в грязную и разбитую дверь.

- Кто там? - послышался незнакомый голос. - Заходи, если жить надоело. Не заперто.

Я толкнул дверь, она со скрипом отворилась, и я осторожно вошел в квартиру тетушки. В узком коридоре у самого потолка горела тусклая лампочка, загаженная мухами. Она высвечивала поломанную вешалку у входа и небольшую полочку с обувью. На полу

валялись домашние тапочки, стоптанные сапоги, лет пять нечищенные туфли. На вешалке висело несколько курток с замасленными воротниками, вятанные шапочки и длинный зеленый шарф, побитый молью.

Дверь, ведущая в зал, была без стекла и висела на одной петле. В дверном проеме я увидел кровать, на которой лежал не знакомый мне человек. Лицо у него было худощавое, волосы светло-рыжие. Соломенный чуб, словно маленькая шторка, прикрывал его морщинистый лоб. Нос приплюснутый. Глаза у незнакомца были очень печальные и напоминали мне два ржавых подшипника.

- Ты кто? - спросил незнакомец, не вставая с постели.

- Василий, - тихо проговорил я.

- Чего надо? - снова спросил он, разглядывая меня с ног до головы, как бы прицениваясь.

- А мне бы Антонину Ивановну. Она проживает здесь?

- Проживает. Но ее дома нет.

- А когда она придет?

- Не знаю. Может, вечером, а может, и совсем не явится. Валерка! - крикнул он неожиданно и пару раз стукнул кулаком в стену.

- Чего тебе? - раздался почти звериный рык из другой комнаты.

- Здесь какой-то гусь твою мать спрашивает. Иди, разберись с ним. Это по твоей части.

Из соседней комнаты выскочил парень лет тридцати. Седые волосы взъерошены, фланелевая рубашка в клеточку - нараспашку, на груди и животе красовались смачные татуировки. Особенно в глаза бросалась оскаленная пасть пантеры.

- Мужик, чего тебе надо? Ты какова хрена лазишь здесь? Чего ты здесь вынюхиваешь? Тебя кто приглашал, а?

В седом, взъерошенном парне я с трудом узнал своего двоюродного брата.

- Валерка... - удивленно и немного испуганно проговорил я.

- Да, я Валерка, а кличка моя - Седой. А ты кто?

- Да я же брат твой двоюродный. Василий. Не узнаешь?

Валерка прищурился, отошел шага на два назад и, видимо, узнав, весело крикнул:

- Из Ульяновска?

- Так точно, из Ульяновска.

- Ништяк! Загуляем! Владимир, надевай свои скороходы и марш за матерью. Скажешь, любимый племянник приехал. Эх и загуляем, мать честная!

Видимо, от радости он подпрыгнул и со всего размаха стукнул пяткой в стену.

- Осторожней, - посоветовал я, - радио разобьешь.

Радио висело на гвоздочке не очень высоко от пола. Валерка снова крутнулся на одном месте, подпрыгнул, и от второго удара радио разлетелось вдребезги.

- Ты с ума сошел?! - удивленно воскликнул я.

- Да нет, братишка, это я тренируюсь, чтоб форму не потерять.

- Ничего себе, тренировки. И зачем они, такие тренировки, нужны?

- Как зачем? - удивляется Валерка. - Чтоб с одного удара любую тварь выбить.

- А зачем вырубать-то?

- Э-э, Василий, ты не понимаешь, - Валерка скривил рожу и, выпучив бешенные глаза, стал объяснять: - Ты представляешь: идет мужик навстречу и дорогу не уступает...

- Ну и что? - перебил я его. - Пусть идет. Посторонись, и пусть он дальше шагает.

- Э-э, Василий, ты не прав. Чтоб Валерка Седой да какому-то черту дорожку уступил! Ты, брат, здесь не угадал, ты глубоко заблуждаешься, - он заскрипел зубами: - Никогда этого не будет. Для этого я и тренируюсь. Вот видишь столик журнальный? - он ткнул пальцем в сторону кровати.

Журнальный столик стоял между двух кресел, на нем мирно тикал будильник, стояли грязные кружки и тарелка.

- Ну, вижу, - ответил я.

- А теперь представь себе, что это мужик, который не уступил мне дорогу.

- Ну и что?

- Смотри, что я с ним сделаю.

Валерка крутнулся на левой ноге, а другой с разворота шибанул столик, тот подпрыгнул вверх, посуда посыпалась Владимиру на голову.

- Валерка, ты совсем ё...квкнулся! - возмутился инвалид.

- Молчи, огрызок, а то и руки выдерну.

Владимир заглох.

- Смотри, смотри, Василий. Ты видишь?

- Чего? - испуганно спросил я.

- Ты видишь, мужик-то еще дышит.

«Крыша едет», - подумал я и тихо спросил:

- Ну и что, пусть дышит.

- Нет, брат. Добить надо.

Столик лежал на полу вверх ногами, Валерка подпрыгнул и всем телом обрушился на него. Стол треснул и развалился на две части.

- Дурдом, - тихо шепчу я и цепенею от страха: «Он сейчас всю мебель разломает и, чего доброго, на мне начнет тренироваться...»

- Ну а ты, братан, не бойся, тебя я бить не буду, - успокоил меня Валерка, видимо, заметив на моем лице растерянность.

- Ну, спасибо и на этом. Утешил...

Валерка засмеялся и в два прыжка переместился в ванную комнату.

- Ты пока с Владимиром потолкуй, а я умоюсь, - крикнул он, открывая воду, - а то башка моя после вчерашнего трещит, спасу нет.

- Вот так, Василий, и живем, - сбрасывая осколки посуды на пол, обреченно вздохнул Владимир. - Пока этот балбес в тюрьме был, жили гораздо спокойнее, а теперь - тоска. Никому прохода не дает, долбит всех подряд, и не завалит ведь никто поросенка наглючего. Ничего святого в душе нет. Мать родную колотит, паршивец, чем попало. Меня, безногого, и то через день отоваривает. Слова поперек не скажи - не жизнь с ним, а ка-торга.

- Ты чего там бубнишь? - крикнул Валерка из ванной.

- Да ничего! Мойся на здоровье. Мы с Василием о жизни толкуем.

- Смотри у меня, а то враз по стене размажу. Ты лучше свои деревяш-

ки привязывай - на рынок пойдем. Матери поможем. Сегодня гульнуть надо по-человечески. Все-таки брат двоюродный прикатил.

- Василий, достань-ка мои ноги, - попросил Владимир. - Они где-то под кроватью валяются, это балбес вчера их туда закинул.

Я заглянул под кровать и увидел огромные протезы, с удивлением посмотрел на Владимира.

- Да, да. Чего ты удивляешься? - видимо, догадавшись, о чем я хотел его спросить, сказал Владимир. - Нет у меня ног. Вот уже пять лет маюсь, а то разве я позволил бы этому чуду издеваться над собой.

Я вытащил протезы, и Владимир начал пристегивать их к своим обрубленным ногам. Я смотрел и не верил своим глазам. Человек без ног, а Валерка, мой двоюродный брат, издевается над ним, как хочет. Это каким же надо быть извергом! Душа моя наполнилась жалостью к инвалиду, я кинулся помогать ему, но он остановил мой порыв:

- Не надо. Свои ходили я сам привинчиваю.

Минут пять Владимир копошился с протезами, пристегивая их ремнями к своим мотыльгам, у бедного на лбу аж пот выступил.

- Тяжело на деревяшка-то ходить?

- По-разному бывает. А вообще-то привык. Все равно лучше с ними, а без них всю дорогу дома сидеть - мозги свихнуть можно.

- А вы с тетей Тоней расписаны или так? - спросил я.

- Ой, Василий, в наши-то годы какие росписи? Чего ерунду мелешь!

Владимир, оттолкнувшись руками от постели, поднялся во весь рост и, поскрипывая деревяшками, прошелся по комнате.

- Ну, вроде бы ничего, удачно сегодня привязал.

Сердце мое сжалось, словно его пронзило ржавое шило.

Рынок «на пяти крестах» небольшой. Три ряда лотков под деревянной крышей и все. Покупателей на рынке мало, в основном одни торгаши. Тряпками торгуют люди городские, а мясом и овощами - деревенщина. Деревенского мужика видно сразу: лицо у него лощеное, загорелое, плечи широкие, а душа простотой светится. Городские торгаши - в основном женщины: маленькие, ехидные, вредные, палец в рот не кладут.

Антонину Ивановну я узнал издали. Она стояла за прилавком как настоящий купец. Черная куртка была подпоясана пестрым фартуком, на голове ее красовалась красная шапочка, связанная из чистой шерсти. Издали тетка смахивала на мухомор. Возле нее толкались разношерстные мужики. Под мышкой у Антонины Ивановны блестела огромная бутылка литров на десять. Она придергивала ее рукой и разливала вино по кружкам. Мужики наперебой тянули ей деньги и стонали, как раненные:

- Тонь, а Тонь, я же деньги тебе уже отдал, плесни скорей! Чердак с похмелюги раскалывается.

- Успеешь! Видишь, кружки заняты.

Холодное вино мужики пьют неторопливо, а другие смотрят на них, ждут, когда освободятся кружки, и, захлебываясь слюной, поторапливают:

- Братва, ну имейте совесть, кружки освобождайте, не тяните резину!

Антонина Ивановна и сама, по всей видимости, уже не раз приложилась к кружке, и ее почти мужской голос гремит на весь базар:

- Вино «Краснодарское», хорошее, дешевое! У кого тара есть, подойди без очереди!

Мужики, что пришли с бидонами или со стеклянными банками, лезут вперед. Сильные и здоровые отшвыривают маленьких, маленькие огрызаются и снова врываются в толпу. Все это сопровождается грубой бранью. Вот-вот завяжется драка.

- Чего вы все сразу полезли?! - кричит Антонина Ивановна. - Прилавок-то разломаете. Не торопитесь, всем хватит.

Десятилитровая бутылка торопливо кланяется каждой подставленной кружке. На шее у Антонины Ивановны висит большая кожаная сумка, набитая деньгами.

- Что за шум, а драки нету?! - весело закричал Валерка.

Он врзался в толпу и начал раскидывать мужиков в разные стороны. - А ну, разбежались все! Дорогу! Седой идет!

Мужики, видимо, уже не раз сталкивавшиеся с ним и знающие его крутой характер, расступались.

- О! Сынок явился! - весело воскликнула Антонина Ивановна. - Слава Богу, а то эти алкаши совсем замучили меня. Головушка-то болит после вчерашнего?

- Ой, мать, болит. Давай, наливай скорей.

Антонина Ивановна бесцеремонно вырвала кружку из рук стоящего рядом мужика, а чтобы тот сильно не возмущался, прикрикнула:

- Ты чего, спать сюда пришел или с кружкой целоваться?! Сто грамм выпить не может!

Антонина Ивановна выплеснула остатки и наполнила снова.

- Вот стоит, как депутат с микрофоном и сопли в кружку пускает, - заворчала она.

- Ты чего делаешь, морда?! - взорвался мужик. - Там же вино еще осталось.

- Валерка, разберись с клиентом! - показала мать сыну. - Клиент, кажется, созрел.

- Кто морда? Мужик! - надвинулся Валерка на беднягу всем телом.

- Да я так, пошутил, - испуганно залепетал мужичок.

Валерка взял его за воротник куртки, рванул на себя и ударил лбом. Нос у мужика сплюснулся. Не выпуская воротника, Валерка сделал ему подсечку и вышвырнул из толпы. Мужик плюхнулся на землю метрах в пяти от прилавка, а Валерка, окинув толпу звериным взглядом, громко спросил:

- А вы чего, как бараны столпились здесь? Работать мешаете. А ну, в очередь все! В одну линию! А то я эту лавочку прикрою сейчас.

Мужики нехотя начали выстраиваться вдоль прилавка.

- Вот так вот, - наблюдая за ними, одобрил Валерка. - И не шуметь больше, а то разгалделись, как вороны на кладбище.

Он взял наполненную кружку, неторопливо выпил и, показав на меня рукой, обратился к матери:

- А теперь своему любимому племянничку наливай.

Антонина Ивановна, увидев меня, обрадовалась чрезвычайно. Она торопливо перелезла через прилавок, подбежала ко мне, обняла и, припод-

няв от земли, закружилась вместе со мной. Потом поставила на землю, несколько раз чмокнула в щеку и радостно воскликнула:

- Вот какая тетка-то у тебя: еще любого мужика завалит к чертовой матери. А ты выглядишь неплохо, совсем солидный мужик стал. И костюмчик хороший, и куртка новая. Молодец! В такого и влюбиться не грех. Ты надолго к нам?

- Не знаю, как получится, - неопределенно ответил я.

- Вот и хорошо! Ты у нас гость редкий. Недельку поживешь, погуляем от души, вина у нас море, а я тебе невесту подгоню. Есть у меня на примете. Тебе какие больше нравятся, молодые или в зрелом возрасте?

«Да-а, Антонина Ивановна нисколько не изменилась, - подумал я. - Такая же веселая, все тот же голос, совсем не похожий на женский, и глаза все так же смотрят с хитрым прищуром. Вот только лицом состарилась, уже не скажешь, что молодая женщина. Морщины на лбу и щеки уже не розовые, а какие-то бледные. А в остальном все как было, так и осталось: и речь, и манеры, и вечная любовь на уме».

- Чего молчишь? - хлопнув меня по плечу, весело спросила она.

- Не знаю. Невест-то мне вроде бы и не надо, - ответил я, вспомнив, какую невесту она подсунула мне двадцать лет назад.

- Надо, надо, племянш. Без любви жизнь наша бледно выглядит. Вон у нас с Володькой заешь, какая любовь горячая! Ты не смотри, что он безногий, в постели он еще ого-го!

Мужики в очереди засмеялись. Антонина Ивановна повернулась к ним и крикнула:

- Чего ржете? Да он любого из вас в постели за пояс заткнет, алкаши несчастные!

- А ты попробуй! - крикнул один из них.

- Хватит с меня, я уже напробовалась. Валерка, разберись с крикуном. Больно шустрый, видно.

Валерка, не долго думая, подошел к мужику и молча наградил его зуботычиной.

- А ты, Владимир, чего как пень стоишь? Твою жену оскорбляют, а ты ушами хлопаешь. Навернул бы ему протезом по яйцам.

- Тоньк, прекрати! - заскрипел зубами Владимир. - Ты же знаешь, я этого не люблю. Прекращай!

- Смотри, обиделся, говно паршивое. Ладно тебе, не дуйся. И пошутить уж нельзя. Давай похмеляться. А то народ вон ждет.

Антонина Ивановна снова перелезла через прилавок на свое место и, обхватив огромную бутылку двумя руками, наполнила кружки темно-розовым вином.

- Давайте за встречу!

На виду у жаждущих мужиков мы чокнулись и стали пить. Вино было не очень вкусное, я поморщился, но, чтобы не обидеть тетку, выпил до дна.

- Во молодец! - воскликнула Антонина Ивановна. - Это по-нашему. Еще налить?

Я отрицательно замотал головой:

- погоди, дай отдышаться-то.

- Ну хорошо. Тогда давайте поработаем немного. Напоим эту жаждущую толпу, а потом и сами по-настоящему загуляем. Василий, перелезай ко мне, на нашу сторону.

Я огляделся по сторонам: обходить торговые ряды было далековато и, плюнув на свой солидный вид, перемахнул через прилавок. Вслед за мной, громохоча протезами, перелез и Владимир.

- Василий, вот тебе бутылка и кружка, - Антонина Ивановна поставила передо мной огромную посудину. - Стакан нальешь - рубль. Кружку - два рубля, а литр стоит шесть, понял?

Я молча кивнул.

- Ну, раз понял, тогда начали! Мужики! - весело закричала она: - Налетай! Подешевело! Было рубль, стало два!

И работа закипела. Я наливал в кружки вино, мужики совали мне деньги, я прятал их в карман и снова наливал. Бутылка огромная, тяжелая, все время выскальзывала из рук и ее приходилось поддерживать коленом. Без привычки вскоре заняла спина, а на лбу выступил пот. Антонина Ивановна подбадривала меня:

- Что, племянничек, запотел? Ничего, от этого не умирают. Деньги легко никому не даются...

Валерка вывернул свои карманы и высыпал все наторгованные деньги на прилавок:

- Считай, мать, а то будешь потом губами шлепать, что тебя сынок родной наколот.

Вывернул карманы и Владимир.

- Все выложил? - спросила его Антонина Ивановна.

- На, обыщи, - он почти вплотную подошел к советской сожительнице.

Антонина Ивановна ощупала его и с ехидной усмешкой вытащила из заднего кармана полторы тысячи.

- А это что?

- Деньги, - зло проговорил Владимир, выхватил их из рук Антонины Ивановны и засунул обратно в карман.

- А откуда они у тебя? - сощуривая глаза, спросила Антонина Ивановна.

- Генка вчера притащил.

- Какой Генка?

- Длинный Генка, со шрамом на лбу. Кому я две горбатых из трудовой книжки выводил.

- Так бы и сказал. А то я подумала, что ты сжульничал.

- Мать, а я зажал две тысячи, - засмеялся Валерка. - Найдешь - твои будут, не найдешь - пропью.

Антонина Ивановна махнула рукой и сказала:

- Будет не достача, я Сережке скажу, он с вами разберется.

Не ожидая особого приглашения, я выложил выручку на прилавок.

- Надеюсь, ты-то, племян мой любимый, не засунул тысяч пять в ширинку?

- Нет, на засунул, - ответил я, чувствуя, как мое лицо начинает гореть от стыда. Если говорить честно, была у меня такая мысль. Денег много. Антонина Ивановна почти пьяная, никто и не заметит небольшой не достачи. Но была бы тетка чужая, то все-таки своя, родная.

Часть третья

Сережка, старший сын Антонины Ивановны, вымахал на славу. Рост у него два метра с лишним, плечи шириной с шифоньер трехстворчатый, а ноги что у африканского слона. Поднесет кулак к носу - глаза на лоб лезут. Не кулак, а чайник эмалированный, пятилитровый.

Живет он в трехкомнатной квартире на пятом этаже. Когда он открыл дверь, я ахнул от удивления: «Медведь, - подумал я, - настоящий медведь! Это сколько же лет-то прошло, как мы виделись в последний раз? Боже мой!»

Веселой толпой мы ввалились в его квартиру.

- Хозяин! - закричала Антонина Ивановна. - Встречай гостей! К нам гость пожаловал, племянничек мой любимый из Ульяновска прикатил. На стол накрывай!

- Братан! - радостно воскликнул Сережка. Он раздвинул богатырскими руками толпу. Обнял меня, приподнял от пола и закружил в прихожей.

Мне показалось, что я попал в железные лапы робота, глаза у меня закатились.

- Ты что, очумел!? - с трудом выговорил я. - Раздавишь.

- Ничего! - пробасил Сережка. - Наша порода крепкая, - и, выпуская из своих объятий, он почти зашвырнул меня в просторный зал своей квартиры.

- Разувайтесь! - скомандовал он всем остальным. - И дадите к столу. Гулять будем!

Из кухни выглянула его жена, маленькая, худенькая, вдвое меньше Сережки. Оглядев гостей с ног до головы, взъерошилась:

- Ну, опять пьянка-гулянка начинается! - и скрылась за кухонной дверью.

- Тамара, ты чего опять нахохлилась? - весело закричала Антонина Ивановна. - Племянник ко мне приехал, двоюродный брат твоего мужа. Гость он у нас редкий. Так что уважить надо и встретить, как полагается.

Кухонная дверь распахнулась, и на меня уставилась миловидная мордашка. Голова ее была обвязана полотенцем, видимо, только что она выбралась из ванной. Она нехотя улыбнулась, поздоровалась со мною без особой радости и снова исчезла, уже с кухни донесся ее тоненький голосок:

- Ну, чего вы в дверях-то топчетесь? Разувайтесь и проходите.

Скинув башмаки, незваные гости направились в зал.

Обстановка в комнате меня особо ничем не поразила. Традиционная стенка, широкая кровать в углу. В другом углу включенный телевизор, а посреди комнаты на курьих ножках стоял журнальный столик и рядом два кресла.

На столике красовалась огромная бутылка с красным вином, она была почти полная.

Антонина Ивановна, бросив сумку с деньгами на кровать, захлопала в ладоши и закружилась вокруг столика, как вокруг новогодней елочки, приплясывая и приплясывая, весело запела:

- Ах красавица моя, десятилитровая! Напой меня до слез, баба я здоровая!

Валерка пошел вслед за ней, размахивая над головой кулаками:

- Будем пить, пить, пить, будем морды бить!

Владимир и тот, уцепившись руками за косяк, застучал своими деревяшками по полу, изображая что-то вроде чечетки.

Из кухни снова вышла Сережкина жена, поглядела на хоровод вокруг столика и раздраженно проговорила:

- Ну все, дурдом начинается, все алконавты в сборе.

Сережка подхватил ее на руки, словно пушинку, и закружился вместе с ней вокруг десятилитровой банки с вином:

- Ах, Тамарочка моя, женьушка скандальная, накрывай скорей на стол, ставь закуску царскую!

- К тебе пришли, ты и накрывай, - выскальзывая из его рук, отпарировала она. - А мне надоело за всеми ухаживать. На стол ставь, убирай. Я устала, я отдохнуть хочу.

- Ну, завтра отдохнешь, - возразил Сережка.

- У тебя и завтра пьянка будет, и послезавтра, и через неделю. Господи! - закатывая глаза к потолку, заголосила она. - Да когда же это все кончится?! Знать, не захлебнутся алкаши противные, - выкрикнула она, убегая на кухню.

Дневной выручкой Сережка был доволен. Он вытащил из серванта карманный калькулятор и, наморщив широкий лоб, минут десять нажимал на кнопки, а потом удивленно воскликнул:

- Мать, ну ты даешь! Сегодня тридцать тысяч не хватает. Ты совсем обнаглела.

- Как не хватает? - возмутилась Антонина Ивановна. - Все до копейки выложила.

- Ничего не знаю, - возразил Сережка, - калькулятор у меня не врет, а на работе пить меньше надо. Сколько раз я тебе говорил: на работе не пей! Кончила работать, отчиталась и пей, сколько в душеньку влезет, но на свои. А чужие пропивать будем - могут и башку отрубить.

- Да я выпила-то всего стакан и то, когда во рту пересохло. Попробуй весь день на рынке глотку-то драть. Мужики-то, они бестолковые, с ними без крику не обойдешься.

- Ничего не знаю. Тридцать тысяч не хватает, с полочки удержу.

- Ну и черт с тобой, удерживай! - взъерепенилась Антонина Ивановна. - Мать родная горбатит на него, понимаешь, весь день на базаре торчит, с мужиками лается, а он паршивую сотню в день платит и ту грозит отобрать. Совесть-то есть у тебя?

- Про совесть ты не толкуй, - перебил ее Сережка, - ты ее давно уже на вино променяла.

- Да чего вы ругаетесь? - встрял в разговор Валерка. - Да отработаем мы тебе эти тысячи. Ну подумаешь, выпили немного на халяву, делов-то!

- Ладно, - прервал его Сережка, чего с вами сделаешь, с алкашами, я с вами потом разберусь. А сегодня у нас праздник. Брат приехал. Надо его на озеро сводить, ущицей накормить.

Собирались недолго. Сережка выпросил у жены эмалированное ведро, сложил в него ложки, немного лука, кухонный нож, пакетик черного перца и пакет лаврушки. В целлофановый мешочек отсыпал пшенки, полпачки соли.

Ну, кажется, все, - оглядев походное хозяйство, заявил Сережка.

- А картошку? - спросил я. - Уха без картошки, вроде, как не уха.

- По дороге найдем, - ответил Сережка.

- Магазины-то все уже позакрывались.

Гулливер рассмеялся:

- Возле озера огородов много, картошки-то накопаем.

Родственнички весело засмеялись. Заметив мое недоумение, Антонина Ивановна многозначительно процитировала:

- Все вокруг колхозное, все вокруг мое!

- Валерка, хватай сумку и вперед, - приказал Сережка.

- Зачем она мне?

- А картошку ты за пазуху складывать будешь?

- Понял, - буркнул Валерка и закинул за спину большую спортивную сумку, в которой Антонина Ивановна носит с базара деньги.

- Ну, кажется, все, - еще раз оглядев содержимое ведра, сказал Сережка, - можно трогаться.

- Бутыль не забудь, - напомнил инвалид.

Сережка рассмеялся:

- Как же эту красавицу забыто-то можно! Без нее и праздник не получится.

Гулливер взял десятилитровую бутыль под мышку и все направились к двери.

- Серега, - спохватился я, - а как же в лес, на озеро в этом костюме идти? У тебя ничего старенького нету?

- Тамара, дам ему там чего-нибудь переодеться.

Через несколько минут я уже стоял в огромной куртке и в таких же огромных штанах. Вид у меня был смешной и все весело рассмеялись.

- Ничего, - хохотал Сережка, - для леса сойдет. Штаны подверни и будет ништак, - и он распахнул перед нами дверь своей квартиры.

Пройдя метров сто вдоль поселка, Валерка неожиданно перепрыгнул через водосточную канаву и с веселым визгом: «Йя!» выломал ногой широкую доску в заборе, тут же очутившись на территории чужого огорода.

- Вот паразит, - засмеялся Сережка, увидев, как он начал потрошить картофельные кусты, - средь белого дня под окнами хозяина картошку ворует. Сейчас скандал будет.

И точно - дверь терраски распахнулась и по мостовинкам скатился мужик в пожилом возрасте.

- Ты что же, оглоед, делаешь?! - закричал он и, направляясь к Валерке, прихватил грабли, стоявшие возле стены.

- Для тебя ее здесь посадили? Сейчас милицию вызову! - старик начал размахивать граблями, как будто перед ним на грядке копошился не человек, а какая-то паршивая ворона. - А ну, прочь с моего огорода!

- Дед, - огрызнулся Валерка, - закрой хлебoreзку. Пока твоя милиция придет, я тебя живьем в землю закопаю. Ты понял меня?

- Во дает! - еще больше возмутился дедушка. - Люди добрые, караул! Среда бела дня грабят!

- Степаныч, - подходя к калитке, обратился к возмущенному деду Сережка, - здорово, Степаныч!

Старик увидел Сережку и обрадовался:

- Серега, верста коломенская! - взмолился старик. - Смотри, чего этот поросенок делает! Да он вообще старика без картошки оставит. Вломиему, чтоб у него мозги на заборе повисли.

Сережка рассмеялся:

- Степаныч, да ты не сердись, - ласковым голосом заговорил Гилливер, - этот поросенок - мой братишка, он много не возьмет. Нам и надо-то два корня. Решили ушицу сварить, а картошка дома кончилась.

- Серега, - обиженно затараторил старик, - я понимаю, вам картошка нужна, а я чего - крайний оказался? Обязательно меня надо грабить? Что, у других огородов нету, что ли?

- Ну извини, Степаныч, так уж получилось. Он больше не будет. Эй ты, поросенок, - окликнул Серега брата, - вылезай с чужой фазенды. Ты к Степанычу в огород угодил. А Степаныч мужик хороший, его обижать нельзя. Я с ним вместе на одном заводе лет семь чалил. Вылезай давай! Хватит нам, а то увлекся чересчур.

Валерка нехотя направился к калитке. Проходя мимо старика, он раскрыл свою сумку и, показывая ее содержимое, злобно рывкнул:

- Смотри, коряга старая. Десять картофелин взял, а ты удавиться из-за них готов.

- Ладно, ладно, не хорохорься, - одернул его Сережка, - иди к озеру, там еще накопаешь, а Степаныча обижать не надо. - Мать, достань-ка кружечку, - обратился он к Антонине Ивановне, - Степаныча угостить надо. Вон у него глазки-то как разгорелись.

- И меня угостить надо, - озорно рассмеялась Антонина Ивановна.

- Тебе и так уже хорошо, до озера не дойдешь, а еще вся ночь впереди.

Сережка наполнил кружку вином и протянул ее старику:

- На, Степаныч, вмажь по-человечески. А картошка - это ерунда. Еще вырастет.

Степаныч нерешительно взял кружку. На его лице, как на чистом листе бумаги, отпечатались и досада, и раздражение, а здесь еще и вино предлагают, и накричать надо бы... Возмущен Степаныч был шибко. А тут еще Серега подвернулся, тоже головорез-то вон какой, шархнет по башке кулачищем - мало не покажется.

- Ну, чего думаешь? - поторопил его Гулливер. - Думай, не думай, все равно сто рублей - не деньги. Вмажь!

Степаныч, как будто чего опасаясь, оглянулся по сторонам, кашлянул для солидности и, втянув голову в плечи, медленно опорожнил кружку.

Сережка рассмеялся:

- Смотри-ка, Василий, - обратился он ко мне, - человек уже пять лет на пенсии, а заводская привычка осталась. Три года перестройка идет, а у него в душе страх еще водится. Привык всю жизнь втихаря от начальства с оглядкой пить, так и умрет с этими замашками. Степаныч! Пора уже в открытую пить, чего бояться-то? Ты теперь человек вольный. Наказывать тебя за это

никто не будет. Сейчас и ЛТП-то все позакрывали. И менты перестали за алкашами гоняться. Так что пей и не бойся ничего. У нас теперь демократия. Хочу - пью, хочу - не пью, дело мое личное.

- Это уж точно, - переводя дух, согласился Степаныч и вернул Сережке кружку. - Демократия - дело тонкое. Но палку-то перегибать не стоит, сломается палка-то.

- Еще? - предложил Сережка.

- Нет, дружок, пожалуй, хватит. Что-то оно у вас больно тяжелое. Да и годы у меня не те, чтоб ведрами лопать. Я свою цистерну уже выхлебал, хватит. А то старуха ворчать будет. Унюхает - война начнется, атомная, понимаешь.

- Понимаю, Степаныч. Ну, ладно, будь здоров, пойдем мы тогда. Ты уж извини за картошку-то.

- Да ничего-о! - махнул рукой старик. - Не обнищаю, а вам больше надо, у вас вся жизнь еще впереди. Вы больше горя видели.

- Ну, ладно, Степаныч, не подковыривай. Может еще кружечку?

- Нет, Серега, не буду. Печень пошаливает, много нельзя.

- Тогда прощай, Степаныч, пойдем мы потихоньку.

- Счастливо, - буркнул Степаныч и немного погодя закричал нам вдогонку: - А все-таки своему братику-то скажи, чтоб в мой огород не лазил больше!

- Ладно, Степаныч, все будет нормально.

Когда мы подошли к озеру, Валерка уже сидел в какой-то лодке, а под ногами у него лежала сумка, наполненная картошкой.

- Седой, - удивился Сережка, - ты где лодку-то надывал?

Валерка рассмеялся и кивнул в сторону удаляющейся фигуры:

- Вон видишь, рыбак со сломанными удочками пошел!

- Ну-у.

- Чего ну-у? - захихикал Валерка. - Я у него эту лодку напрокат взял.

- Опять морду набил?

- Меньше грубить будет.

- Смотри, допрыгаешься, - предупредил его Гулливер, - или самому башку снесут, или опять в тюрьгу залетишь. Я тебя выручать больше не буду. И так за тебя денег вбухал дай Боже!

- От тюрьмы и от сумы еще никто не отказывался, - отпарировал Валерка. - В тюрьме тоже жить можно. Баланду три раза в день дают.

- Балбес! - встряла в разговор Антонина Ивановна. - А ты о матери думаешь? Каково мне опять будет? Растила, растила, нянчилась, воспитывала, как могла, и нате, здрасте, приехали! Я чего вас выкармливала - для тюрьмы, что ли? Бьюсь, как рыба об лед, а они по тюрьмам решили всю жизнь шастать.

Валерка закатился гомерическим хохотом.

- Во дает! Серый, ты слышишь, что мать говорит? Она нас, оказывается, воспитывает, а я и не знал. Ну, мать, ты даешь!

- Валерка, прекращай, не заводись! - строго оборвал его Сережка. - А то опять сейчас раздеретесь.. Мы на озеро зачем пришли - скандалить или культурно, по-человечески отдохнуть?

Валерка замолчал, молчала и Антонина Ивановна. И я впервые увидел на ее пожеванных щеках капельки слез.

«Видно, не все еще пропила-то, - подумал я, и мне стало жалко ее. - Сыновья уже выросли и стали большими. Вроде бы опора в жизни появилась. Живи да радуйся. Но не тут-то было. Парни росли сами по себе, не зная материнской любви и ласки. Да и где все это взять-то, если вся жизнь Антонины Ивановны - не жизнь, а вино горькое. А где вино рекой льется, какая может быть речь о воспитании?»

Я смотрю на своих двоюродных братьев, слушаю их недружелюбную перебранку и мне становится страшно. Жизнь-то, по сути, у них отравлена. Старшему тридцать, младшему - чуть меньше, а они уже больные, больные алкоголем, и они еще не знают об этом, что они больны и очень серьезно. Горят ребята, синим пламенем горят и гибели своей не чуют. Да что братья, пол-России в пьяном угаре мчитесь».

- Ну, когда мы культивировать по-человечески начнем? - прервал паузу Володька-инвалид. - Во рту уже пересохло. Серега, давай еще по кружечке.

- Перебьешься. Нам еще до того берега надо добраться. А то вы у меня до кондиции раньше времени дойдете. Уху-то на том берегу варить будем. Здесь ни дров, и вообще ничего нету.

Сережка поднял плоскодонку к берегу и приказал всем забираться в лодку. Самодельная лодка была большая и широкая, в ней поместились все.

- А чем грести будем? - спросил инвалид, обнимая протезами бутылку с вином.

Сережка огляделся по сторонам, но ничего подходящего не обнаружил и заорчал:

- Ты бутылку крепче держи, и руками тоже, а то ноги-то у тебя деревянные, расколешь еще нашу красавицу-то. Будет вам уха тогда.

- Сын! - воскликнула Антонина Ивановна. - Чего ищешь? Вон, видишь, мостик деревянный, на котором женщина белье полощет?

- Ну-у.

- Ну, ну, - проворчала Сережкина мать. - Оторви одну дощечку-то, вот и весло будет.

- Ну, мать, ты голова у нас, - засмеялся Гулливер.

Сережка подошел к деревянному настилу, отодвинул корыто с бельем, одним движением вырвал крайнюю доску шириной с ладонь и молча направился к лодке.

Женщина с минуту смотрела ему вслед, ничего не соображая, а потом закричала:

- Ну, медведь! Ты зачем настил-то изуродовал? А если б я в воду упала? Делать никого не заставишь, а ломать все горазды.

- Женщина, не кричите, пожалуйста. Я всего одну доску отодрал, а там их четыре приколочено, что тебе не хватит, что ли? А мне весло нужно. Видишь, корабль меня дожидается, а двигателя у него нет, а руками воду грести - я же не гусь лапчатый, у меня перепонки на руках нету.

- Маруся, чего разгорланилась? - закричала Антонина Ивановна. - Доску пожалела! Мы тебе завтра еще три таких мостика заварганим.

- Да уж вы заварганите! - не унималась женщина. - Заборы ломать да морды бить вы научились, а что-нибудь путное сделать, у вас руки отсохнут.

- Ну ты, клуня замоскворечная! - вмешался Валерка. - Если не замолкнешь, сейчас вместе с бельем по озеру плавать будешь, сволота!

- Сам ты сволота! - взъерепенилась женщина. - Я мигом к участковому схожу, он найдет на вас управу. Давно ли из тюрьмы-то вышел, опять туда захотел?

Валерка хотел было выскочить из лодки и наказать сварливую женщину, но Сережка посадил его на место:

- Сиди, осел. Ты чего, не видишь, это теща нашего участкового. Я сам-то ее поначалу не узнал. Эта дура вмиг за Можай загонит.

Сережка оттолкнул лодку от берега, проворно запрыгнул на корму и лодка почти вся погрузилась в воду.

- Гуля, - заволновался Владимир, - осторожнее, утопишь всех. Вы-то доплывете до берега, а я со своими деревяшками на дно как утюг пойду.

Сережка захохотал.

- Что, луноход, жить хочется?

- А как же, - держась обеими руками за бутыл, согласился Владимир. - Кому жить не охота? Всем хочется. Жизнь, она штука заразительная. Чем дольше живешь, тем больше хочется.

- Философ! - усмехнулся Сережка и добавил: - Ты бы лучше так в бухгалтерии у меня шарил бы. А то в последнем отчете чего-то намудрил, меня две недели в налоговой инспекции просвещали. Если штраф за махинации влепят, ты у меня не только на деревяшках ходить будешь, но и руками пластмассовыми махать станешь. Понял?

- А чего не понять, - согласился Владимир. - Академий я не кончал. Дебит от кредита отличить не могу. Но зато любую подпись могу подделать и любую печать нарисую, комар носа не подточит.

- Комар-то не подточит, но если по твоей вине фирму прикроют, я из твоего носа бифштекс сделаю.

Над озером раздался хохот.

- Мать, - шлепая доской по воде, как веслом, весело закричал Сережка, - похож я на деда Мазая?!

- Похож, похож, сынок, - самодовольно залепетала Антонина Ивановна. - И на деда Мазая, и на капитана дальнего плавания, и на пирата. Все в тебе есть понемногу. Гребь только быстрее, а то лодка-то худая, вон уже воды под ногами сколько, будем посередине озера подводную лодку «Комсомолец» изображать.

Минут через пятнадцать нос лодки ткнулся в песчаное дно противоположного берега. Валерка стянул с ног кроссовки вместе в носками, выбросил их на берег и, засучив штанины, шагнул в воду.

- Держитесь, - закричал он. - Я вас ближе к берегу подтяну.

Он вытащил из-под переднего сиденья полуржавую цепь, которая лежала там, свернувшись колечками словно медянка, и, упираясь в борт ногами, рванул лодку на себя, направляясь к берегу.

От неожиданного толчка Антонина Ивановна, которая успела уже подняться с лавки, пошатнулась и, теряя равновесие, вместе с ведром плюхнулась в воду. И тут же начала барахтаться в ней, как лягушка, извергая из своих уст что-то невразумительное.

Сережка выпрыгнул из лодки и бросился к ней на помощь. Наполовину облегченная лодка задрала свой нос и, сбив Валерку с ног, придавила его своим брюхом.

Валерка завыл, но, вывернувшись из-под нее, оттолкнул от себя ногами.

Владимир, который сидел в обнимку с бутылем, сплет со своего сидения, стукнулся лбом о соседнюю скамью и растянулся на дне лодки, а я не удержался на ногах и сел на него верхом. Все это произошло молниеносно, и вряд ли кто сумел толком понять, что произошло.

- Мать! - закричал Сережка, вытаскивая ее из воды. - Ты чего удумала? Осень уже на носу, а ты купаться надумала! Наш корабль чуть не перевернула! Ведро-то зачем утопила?

Подхватив ее под мышки, он выволок ее на берег и усадл на травку.

- Сиди, кикимора болотная, а то совсем утонешь.

Сережка снова вошел в воду, поймал лодку за нос и выволок ее вместе с нами на песчаную отмель.

- Вылезайте, мореплаватели, - буркнул он и направился отыскивать ведро.

Пошарив руками в воде, он обнаружил ведро и кружки, немного погодя отыскались и ложки. Перец и лаврушка плавали сверху, а пакет с солью исчез.

- Мать, как мы уху-то теперь варить будем? Соли-то совсем нету! - выбираясь из воды зашумел Сережка.

- Не знаю, - недовольно ответила Антонина Ивановна, отжимая воду из своей одежды.

- За солью пойдешь. Ты утопила все продовольствие, тебе и топать:

- Ну и схожу, - заворчала она. - Вот беда-то какая. Мне так и так домой надо идти. Что я, всю ночь буду в мокрой одежде куковать?

Сережка вытащил бутыль из лодки и осторожно перенес ее на поляну.

- Давайте кружки сюда, - скомандовал он. - За благополучную переправу выпить надо. Слава Богу, на середине не перевернулись.

Расхватав кружки, мы окружили десятилитровую красавицу.

После сугрева содержимое бутыли похудело на четверть. Антонина Ивановна раскраснелась, как рябина на морозе.

- Ну, ладно, - нехотя проговорила она, - пошла я за солью. А еще чего принести?

- Хлеба не забудь, луку немного, ну и все, пожалуй, - проговорил Сережка.

И Антонина Ивановна удалилась. Она подалась в сторону города в обход озера. И вскоре среди молодых сосен раздался ее пропитой голос:

- Позарастили стежки-доро-о-жки, где проходили милого но-ожки. Позарастили мохом-траво-ою...

- Ну все, мамуля у нас до кондиции дошла, - весело промолвил Валерка, - значит, скоро ее ждать нечего.

- Придет, куда она денется, - заявил Владимир. - Ради вина она и на Гималаи может забраться.

- Ну ладно демагогию разводить, - оборвал его Сережка. - Пора и нам за дело браться. Надо о дровах позаботиться, а то стемнеет, и сучка не найдешь.

И первым устремился в глубину леса.

Побродив среди сосен, я забеспокоился. Лес был чистый, валежником здесь и не пахло.

«Все сожгли, - подумал я, увидев несколько полян с выжженной травой посередине. - Видимо, туристов здесь хватает».

- Серега, - закричал я. - А где же здесь дрова-то? Один сухостой стоит, а у нас и топора нету.

- А без топора не можешь свалить? - спросил он.

- А как без топора-то? Вот они какие толстые.

- Очень просто. Что, у тебя здоровья нет?

Перетаскав дрова к берегу, мы начали разводить костер, и вскоре в вечерних сумерках, отражаясь в воде, заплесал веселый огонек костра.

Владимир, вытянув свои протезы, сидел возле дуба и чистил картошку, а Сережка ловил рыбу. Ловил он ее необычным способом, голыми руками при помощи асбестовых труб. Трубы небольшого диаметра и в длину сантиметров сорок лежали на песчаном дне, и в них, как в домиках, жили караси. Сережка зажимал отверстия ладонями, поднимал трубы со дна, сцеживал воду и караси трепыхались у него в руках. Минут за пятнадцать он выбросил на берег карасей тридцать.

- Хватит? - спросил он.

- Хватит! - закричал Владимир и замахал руками, - Чистить замудохаемся.

Сережка выбрался из воды и, не надевая брюки, в семейных трусах уселся возле костра, по-турецки поджав под себя ноги.

- Все! - заявил он. - Моя миссия на этом закончилась. Все остальное делать будете вы, а я начинаю отдыхать.

Рыбу чистить досталось мне. Занятие это муторное. Я соскабливал чешую с карасей, вспарывал им животы, выдергивал внутренности и, ополаскивая в озере, складывал в целлофановый мешок.

Валерка уже подвесил над костром ведро с водой и начал нарезать в него картошку.

Солнце закатилось за кромку горизонта, и возле озера стало быстро темнеть. Вечерняя заря полыхала над городом, словно пожар, и озеро, как огромное зеркало, отражало игру необыкновенных красок. Тихо на берегу. Сережка сидел у костра, как египетский фараон, о чем-то задумавшийся. Пламя костра высвечивало его лицо, и оно мне показалось в эту минуту даже очень благородным.

«О чем-то хорошем размышляет, - подумал я. А может быть, он что-то хорошее из детства вспомнил?»

На той стороне озера прогремела электричка.

- Десятичасовая на Москву пошла, - перебираясь поближе к костру, проговорил Владимир.

И снова тишина. Я смотрю на играющие краски вечерней зари, на лесное озеро, и на меня нахлынули воспоминания...

Воспоминание третье

Мне вспомнилась наша деревня и наш маленький домик четыре метра в ширину и метров пять в длину. Небольшая кухня, плита, сложенная из кирпичей. Большая терраса с земляным полом. Двор с конюшней и душистый сеновал. Летом на сеновале хорошо.

Однажды, лет в пять, меня впервые взяли с собой на сенокос, видимо, дома не с кем было оставить. Посадили меня посередине поляны, что поросла высокой травой, на разноцветную клеенку. Сложили на нее провизию, что с собой принесли, и сказали мне:

- Сиди здесь и никуда не ходи. Карауль, чтоб вороны хлеб и яйца не украл. А то останемся мы без обеда. Если что, кричи, мы рядом будем.

Взрослые взяли косы и ушли, и вскоре где-то недалеко я услышал ласковый шелест кос, которые с шумом подрезали душистую и очень влажную траву.

Сначала я сидел смирно, прислушиваясь к работе взрослых. Они время от времени переговаривались. Звенели брусками, оттачивая лезвие косы. Шутили, смеялись. Но вскоре голоса их стали удаляться.

Окончание следует.

Рекомендую нашим читателям **Артема РЫБИНА**

- молодого человека, знакомство с которым сразу удивит нас в калейдоскоп меняющихся на глазах образов и мыслей, на первый взгляд, подающихся вялянию, но на более внимательный - замечаем в нем крепкую творческую основу, которая поглощает в себя многое и создает вновь много интересного, динамичного, растущего из синтеза увиденного, прочувствованного. Здесь все - рост и радостное мужание. А каким будет взрослым Артем Рыбин, покажет время.

Родился он в нашем городе в 1981 году в семье переводчицы Людмилы Блиновой и старшего научного сотрудника НИИАР Анатолия Рыбина.

Три года было Артему, когда папа впервые записал на кассету его сочинение, чтобы послать маме, находившейся в заграничной командировке. С тех пор любимой игрушкой Артема и стал микрофон. Он сочинял сказки, истории, детективы. Другие игрушки уже не интересовали мальчика.

В начальных классах гимназии Артем поступил в детскую театральную студию театра «Символ». В восьмом классе ему было предложено играть уже во взрослых спектаклях. И играл он не только интересно, но и участвовал в доработке сценариев, сочинении стихов и песен для постановок.

После окончания городской гимназии Рыбин поступил в Самарский государственный университет на факультет романо-германской филологии. В студенческой среде продолжается его творческая деятельность. Он пишет сценарии капустников, сочиняет песни, стихи, участвует в студенческих конкурсах.

Я, прочитав рукопись стихов Артема по предложению его мамы, беседовала с юным сочинителем. Мои наставления были кратки: пробовать писать короткие стихи; в стихах должны быть законченные мысли; должны быть картинки из жизни, образы. Артем вскоре выдал новую рукопись, где уже просматривается и более зрелый подход к творческому процессу, размышления над смыслом жизни, ее противоречиями. Это работа человека неравнодушного, ранимого, но щедрого душой. В добрый путь, молодой талант!

А.Рыбин публиковался в «Димитровград-панораме». Сегодня его дебют в журнале «Черемшан».

Александра Белова, член Союза писателей России.

НАШ ДОМ

*Все знают: дороги ведут только в Рим.
Но наши дороги ведут нас сюда.
Зовем этот город мы домом своим.
Он нам всех дороже, в нем радость всегда.
Он, может, не сказка, не рай он земной.
Но в миг, когда душу наполнит вдруг страх,
Уставши от шума, глаза лишь закрой,
И слышишь, как птицы поют в небесах.
Вкруг озера - лес. Здесь мы можем гулять,
Лежать на песке иль по озеру плыть.
У нас есть, что взять у него, есть, что дать.
У нас есть наш город, чтоб жить и любить.
Он - дом наш, где солнце и воздух, и лес,
И каждый им горд, и каждый в нем рад.
Мы просим вас, гости, в наш дом-Мелекесс,
Прекраснейший город - Димитровград!*

МИЛОМУ ХУДОЖНИКУ

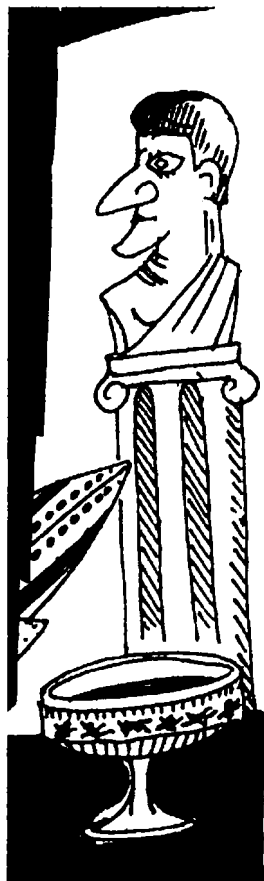
Нарисуй ты мне дверь посреди сине-ясного неба,
Нарисуй мне окно на прозрачной гладкой реке.
Не прошу у тебя черствых зрелищ и мягкого хлеба.
Укажи лишь мне путь к той живительно-теплой руке.
Нарисуй мне свой взгляд. Нарисуй звонко-нежный свой голос.
Нарисуй мне все счастье и боль наших встреч и разлук.
Нарисуй мне, что хочешь: хоть ресницу, хоть тоненький волос.
Я безумно тоскую, натуры не видя вокруг.

КУСТ

Облысевший куст,
Темно-серый снег.
Под ногами хруст.
Я ускорил бег.
Забегал я в дом
И во мраке встал.
Ощупью с трудом
Что-то отыскал.
Что-то взял в кулак
И к груди прижал.
Другом стал мне враг,
Стал мечом - кинжал.
Долгим был мой путь,
Но прошел его.
Друг ворвался в грудь.
Больше ничего...
Кровью человек
Темный дом согрел.
И растаял снег,
Куст - позеленел!

СПОКОЙНОЙ НОЧИ

Спокойной ночи, милый друг,
Приятных сновидений.
Пусть ярких звезд волшебный круг
Заменит круг сомнений,
Пусть будет светел сон ночной.
Сомкни ж скорее очи.
Во сне и в мыслях - я с тобой
Всегда. Спокойной ночи...

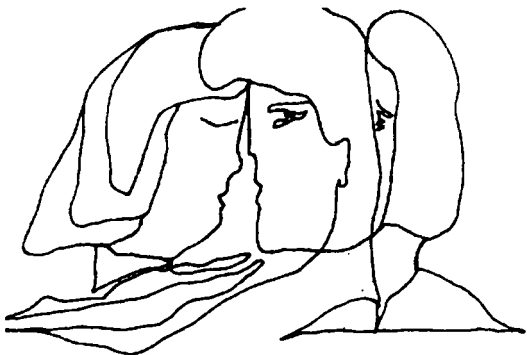

ИГРАЯ РОЛЬ

Жестокость - мой грех и моя благодать.
Язык, как шальная стрела.
Страдая, других заставляю страдать,
Невольно, хоть зло, но без зла.
В момент над собою теряю контроль.
Не трожь меня - лучше молчи!
Играю как будто какую-то роль.
Слова - топоры и мечи.
Я глуп, я смешон, я безумен. И что ж?
Доступен и смех мне, и плач.
И я на себя самого не похож:
Я - шут, я - король, я - палач!

ДВОЕ

Две пары глаз
Слились во взгляд,
Без лишних фраз
Всё говорят.
Счастливый взгляд
И странный блеск.
И звездопад
Любви с небес.
Как два вьюна,
Две пары рук.
И тишина,
Лишь сердца стук.
И чувств поток,
И страсть, и бред.
И так далек от них рассвет!

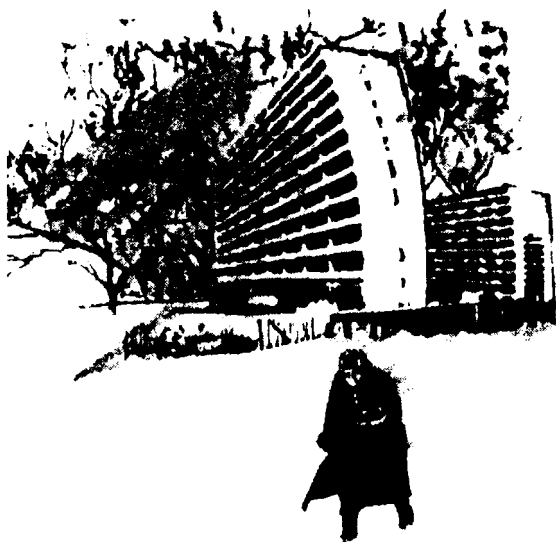

ХРАМ

За день разрушил он храм,
За три создал его вновь.
Храм тот доступен всем нам:
Вера, Надежда, Любовь.
Храм «Возлюби!» нам сказал,
«Веруй!» тот храм произнес,
Нам всем надежду он дал,
Имя у храма - Христос.
Благостный свет нам с небес,
Что озарит любой мрак.
Слышим: «Спаситель воскрес!»
Скажем: «Воистину так!»

УМИРАЮЩИЙ КОРОЛЬ

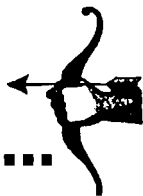
Жизнь моя, жизнь.
Ты когда-то и мною любимая.
Тебя прожил -
Я всем тем, что, не видя, в других я имел.
Много нажил,
Только главного-то я нажить не успел.
Лавра венки,
И богатство, и славу, и власть я держал!
Но от тоски
По ночам я не спал! Я страдал! Я стонал!
Жизнь ты моя!
Я тебя променял на пустейший металл!
Жил не любя,
Нелюбим, нелюдим... Значит, все потерял!
Жизнь, ты прости!
Но тебя мне совсем уж не страшно терять!
Ты отпусти
Мою грешную душу! Дай ей полетать...

Геннадий ГЕНЕРАЛЕНКО

В продолжение темы...

ДИКИЕ ГУСИ

Когда лето сменяется осенью, к сердцу подступает скрытая тревога. Не ужели больше не будет хороших солнечных дней, а бесконечный дождь будет также исчезать в ближайшем овражке тонким водопадом. Вечный дождь идет уже вторую неделю и земля просто набухла от влаги. Дождик мелкий, но затяжной, теплый и противный. Теньков этот сезон называл осенью, хотя в Заире это просто сезон дождей.

Черная Долли убралась в свою деревню, вспомнив, наконец, о своих родителях и чумазом ребенке. Работать горничной у белого человека гораздо приятнее, чем вкалывать на кенийских чайных плантациях. Теньков ждал окончания контракта, стараясь не делать резких движений. Но природ-

ная живость характера в очередной раз толкала его на неприятности. На прошлой недели он избил шамана до полусмерти и теперь ждал кары. Шаман не был злопамятен, но по опыту Теньков опасался ножа в спину. С пистолетом чешских спецслужб «Скорпион» он не расставался даже во время водных процедур.

Теньков в Заире пробыл уже полгода и потерял двух напарников. Первый ввязался в спекуляцию опалами, и африканцы убили его прямо на базаре Киншасы. Второй по пьяной лавочке задавил мотоциклом бабу вождя местного племени. Попытки договориться по-хорошему окончились безрезультатно. Напарник застрелил на переговорах вождя и еще трех человек с ним. Чумазые долго совещались, сделать напарника вождем или отравить. Религия не позволяла иметь белого вождя и русский, бывший колхозник, а ныне контролер на опаловой фабрике и десантник спецгруппы был отравлен своей походной женой макаронами.

В первый же месяц своего пребывания Теньков участвовал в обороне опалового рудника от африканцев. Его армейская выручка помогла добыть хорошую винтовку М-1, которую он с радостью поменял на родной калашников. Патронов к нему можно было купить цинк

за пару долларов. Можно было просто поменять на аспирин или активированный уголь, которым компания снабжала бесперебойно.

Затем была тревожная командировка в Анголу, где лагерь разведчиков попал под обстрел воинов УНИТА. Ангола после португальцев стала запущенной и нищеты подобной здешней было еще поискать. За приличное вознаграждение Теньков обучал взрывному делу негров, которые с удовольствием пускали полученные навыки в дело при первом удобном случае.

Каждый день Теньков ждал письма, и каждый день почтальон проезжал мимо по единственной улице рудника на старом итальянском мотороллере. Водитель был горд своей форменной бейсболкой и сумкой, в которой можно было увезти полтонны груза. Почтальон занимался скупкой опалов и задерживался в поселке больше времени, чем нужно для раздачи почты.

Моторолер протархтел, но через пару минут звук вернулся и зачих у жилища Тенькова.

- Мистер Тенкофф, плиз.

Теньков вышел на дощатый помост, и почтальон помахал ему конвертом. Теньков вернулся в дом, взял упаковочку аспирина и передал заметно повеселевшему негру. Аспирин негр обменяет на пару опалов и заработает пяток долларов, совершив сложную бартерную операцию. Теньков ждал письма и поэтому открыл письмо немедленно. Его улыбка появилась и исчезла. Два билета на самолет подтверждали, что он покинет джунгли, но билеты были выписаны из Аккры. До аэропорта было не меньше тысячи километров по прямой. В Африке прямых дорог не бывает.

В Африку Тенькова определил серый вербовщик по кличке Батон. В каждом крупном городе России есть огромный военкомат с массой бездельников в погонах и незаметный вербовщик. Вербовщик в зависимости от квалификации может определить человека на войну в Европу, Латинскую Америку или Азию. Большинство вертолетчиков и пилотов малой авиации в Африке русские. В Лаосе, Сиаме или Бирме много русских минеров, а курды и сербы часто призывали под свои знамена снайперов.

Кто-то зарабатывал деньги, кто-то погибал в горах Восточного Тимора, но машина работала, и бывшие военные, специалисты редких профессий отправлялись во все концы света. Вербовались не обязательно на войну, требовались «черные» археологи, ловцы экзотических бабочек и животных, водолазы и прочие, для авантюрных забав современного человека.

Тенькову определили должность контролера за опаловой фабрикой или, по-русски, начальника охраны. Компания считала, что брать человека со стороны надежнее, чем посылать своего голландца. Груз опалов должен не пропадать в дороге и не разворовываться в массовых количествах. До Тенькова работали ирландцы, которые просто убивали воров. Китайцы негров иногда били, а иногда травили собаками. Русские придерживались традиционных взглядов и практиковали

разные методы. По обстоятельствам били в морду или отправляли на перевоспитание в лучший мир. Теньков и его напарник быстро вычислили скупщиков опалов и устроили Варфоломеевскую ночь в африканском варианте. Мелких торговцев типа почтальона не тронули, потому что паровому котлу всегда нужен небольшой клапан для спуска излишнего пара.

Компания была довольна работой Тенькова и предлагала остаться еще. Однако малярня, плохой климат и население, норовящее сунуть в бок нож, не располагали к длительным трудовым отношениям.

Через пару часов после получения письма Теньков уже был готов к отъезду и вместе с еще одним отъезжающим поляком покинул рудник. Дела на предприятии его больше не интересовали.

Раздолбаный джип ехал по еще более раздолбанной дороге и Теньков никак не мог понять, как хорошую машину можно превратить в рухляк за полгода эксплуатации.

Километрах в пяти от поселка машину обстреляли, но как-то вяло, скорее для порядка. Теньков сделал тоже пару выстрелов, для обозначения своей принадлежности к числу сильных и здоровых людей. Поляк, видимо, не баловался опалами и был спокоен за свободу передвижения. Они долго молчали, и когда поляк довольно чисто заговорил по-русски, Теньков удивился. Они пили вместе несколько раз в баре, но разговаривали либо по-английски, либо поляк говорил по-своему.

- Приедешь в Калининград, отдохнешь, посети Ольштын. Там у меня семья. Вот адрес. Возьми денег, я тебе вышлю. Сделаешь?

- А сам что?

- У меня два пожизненных заключения.

Путешественники замолчали. Поляк не распространялся, а Теньков не имел глупой привычки лезть в чужие дела. Еще в юности его товарища за излишнюю любознательность били киркой. Восемнадцать ран, инвалид первой группы - наглядный пример пословицы: «Любопытство сгубило кошку». Они ехали по Африке и на ходу жевали бутерброды, запивая теплой «Кока-Колой».

Теньков ехал и мысленно пытался определить расстояние до объектов, которые он четко видел. В юности он входил в сборную Союза по стрельбе и подавал надежды. В его активе уже было несколько медалей, когда, возвращаясь со сборов, их «рафик» залетел под молоковоз. Теньков получил травму головы и почти полгода был слепым. Зрение вернулось, но прежних результатов в стрельбе он не показывал.

Затем он служил в милиции и числился снайпером. За шапку сухарей воевал в Карабахе и Приднестровье. Затем уволился и воевал дальше за деньги. Деньги платили в Эритрее, где все специалисты были из России или с Украины. Воевали они в принципе против тех же русских и украинцев. Эфиопы, против ожидания, платили исправно и боевые действия велись не слишком активно. Воевал и на Кавказе, занимаясь спасением археологических ценностей в экспедиции профессора Неизвестного.

Жена сначала относилась к командировкам Тенькова более менее с пониманием, но потом, утомившись в ожиданиях, развелась и вернула себе прежнюю фамилию - Холодная. Теньков исправно отправлял деньги на воспитание девочки, которую любил, но почти не видел.

Аккра и ее аэропорт встретили духотой и неистребимым запахом убогости. В секторе регистрации к ним подошел встречающий и с ним пятеро одетых в чистое мужчин непонятной национальности.

«Румыны», - задал Теньков. Оказалось - венгры. Впрочем, один черт.

Венгры были возбуждены и, очевидно, нервничали перед встречей с джунглями. Поляк отдал прибывшим ключи от джипа и свой пистолет. Теньков оставил все оружие в машине, не желая связываться с полицейскими в малоизвестной стране.

Венгры уехали навстречу неизвестности, а поляк и Теньков пошли в бар при гостинице, где выпили граммов восемьсот виски. Теньков пел, поляк тоже. Спели «Катюшу» и «Подмосковные вечера». Рейс был утром, и подвыпивших специалистов развели по номерам проституток.

Утром они встретились у стойки регистрации. Поляк сунул свои билеты и велел сдать их в Гамбурге. Теньков получил деньги за поляка, который за ночь решил уехать на Магадагаскар, где, по слухам, заставлял военный переворот.

Через две недели наемник погибнет при штурме армейского арсенала в Антанариу и Теньков об этом никогда не узнает. Деньги от поляка, отправленные из того же аэропорта, придут в Калининград и Теньков выполнит свое обещание.

Мать поляка, еще бодрая старушка, покажет фотографии Зденека в форме офицера Войска Польского в обнимку с русскими офицерами.

Из семи человек, выехавших из Европы в Африку, вернулся только Теньков. Гамбург встретил приехавшего сутолокой и полным отсутствием интереса к русскому из Африки. Таможенник поморщился от запаха перегара, но штамп в паспорт поставил. Теньков, думавший было съездить в Испанию отдохнуть, передумал в пару минут. В окошке с надписью «Аэрофлот» он купил билет и вечером был в Москве.

Из столицы скорый «Янтарь» привез его на Южный вокзал Калининграда. Выйдя на перрон, Теньков усмехнулся надписи «Вас приветствует Янтарный край» и уехал на такси в район улицы Каштановая аллея.

Говорят, ностальгии не бывает. Мимолетное чувство проходит, но остается что-то забавное в узнавании примет детства. Глаза успевают отмечать изменения ландшафта и урбанистического пейзажа. Сам воздух меняется с течением времени.

Теньков поднялся на третий этаж старого немецкого дома. Он поднял ковер и порадовался ключу от ветхой деревянной двери. В квартире все по-прежнему тихо и пахнет так, как пахнет домом.

Мать, пришедшая с рынка, принялась готовить обед, намереваясь закормить сыночка до отвала. Выговаривая ему за отсутствие писем,

она рассказала все новости и сплетни. Теньков слушал в пол-уха и вскрыл письмо от фотографа Томина, с которым воевал на Кавказе.

Небольшое письмо и несколько фотографий боевых товарищей удивили Тенькова, тем более, что Том жил в районе Московского района и приглашал в гости. Адрес был Тенькову хорошо известен, в этом же доме жила его бывшая теща.

Купив вечером бутылку водки, Теньков пришел к Тому и, против ожидания, не столкнулся с бывшей мамой. Том обрадовался гостю и повел в хоромы. Первое, что гость увидел, - большую фотографию своей жены и ребенка. Фото размером в метр было любовно вставлено в раму под стекло.

- Нравится? - спросил Том.

- Это моя жена, - Теньков сказал это просто.

- Классно, - восхитился Том, - мир тесен. Я знал, что ее фамилия Тенькова, но с тобой не связывал.

- Теперь у ее другая фамилия, наливай.

Они выпили и закусили, потом еще пили и закусывали.

- Кругом абсурд, становишься актером театра теней, - рассказывал Теньков о Заире. - Ловишь себя на мыслях об исправлении абсурда и еще больше погружаешься в непредсказуемость. Думаешь о людях, которых уже нет и никогда не будет. Взгляд принимаешь за обещание. Паузу в разговоре - как сигнал к уходу. Тот, кто не продается за деньги, продается за очень большие деньги. Что для тебя деньги?

- Ну, вот водки купить, пленки.

- Правильно, статус не купишь. Когда смотришь в оптический прицел, о деньгах не думаешь. Не думаешь даже о смерти. Просто совмещаешь две рисочки прицела и плавно спускаешь курок. Когда приводишь к себе постороннюю женщину, не думаешь о возможных делах. Когда пьешь водку, о похмелье не думаешь - наливай.

Они лежали на полу и рассматривали фотографии.

- Никогда не видел, что бы Крошка Енот так светился! - Теньков взял следующую фотографию. На снимке вербовщик Талов, он же Батон, обнимал его жену.

- Не очень удачная фотография, - сказал Том.

- Да, сюжетец подкачал, - подтвердил Теньков и, когда Том отвлекся, спрятал фото в карман.

Они еще пили и наемник остался ночевать у Тома. Утром Теньков ушел, не став будить своего боевого товарища. Он сделал звонок по телефону и направился к центральному автовокзалу пешком, освобождая свою голову от остатков хмеля.

Теньков купил билет до Ольштына и уехал в Польшу на три дня. Он встретился с матерью Зденека и думал, что его состояние неудовлетворенности только диктуется обидой. Но это не было обидой, это не зависть и даже не чувство собственника.

Теньков съездил в Варшаву, но побродив несколько часов по столице, он почувствовал одиночество и решил вернуться. Тот абсурд, который гонял его по разным частям света, доставал его и на родине.

Семья, хоть и бывшая, стала персонажем мыльной оперы, и ничего поделать с этим Теньков не мог.

Ранним утром он приехал автобусом из Польши и, сделав звонок, отправился к зоопарку. Еще работали дворники, и Теньков не торопился. На автобусной остановке он нашел отвертку и сунул ее в карман.

В зоопарке многие звери еще спали, когда Теньков купил билет и направился к бассейну с морскими животными. Батон стоял уже у морских котиков и кормил их рыбой.

Теньков сухо поздоровался и состоялся чисто деловой разговор.

- Мне нужны два минера и три вертолетчика, ты снайпер хороший, но...

- Мне нужна работа, далеко и надолго.

- В России для тебя полно работы. В Заир ведь не поедешь, оттуда не возвращаются...

- В Заир не поеду.

- Тогда работы нет.

- Нет работы - дай денег.

- Денег не дам.

Тенькову не нужны были ни деньги, ни работа. Его вновь пытаются сплавить в Заир, и это его возмутило. Когда он воспитывает черных, эта сволочь обнимает его жену. Этот мудак опять его толкает в джунгли. Эта сука...

- Моей смерти хочешь?
- и наемник ударил вербовщика отверткой в бок. Теньков посмотрел с некоторым сожалением и обернул отвертку об одежду Талова. Затем он забросил оружие преступления в бассейн с моржами и пошел прочь, никуда не торопясь. По пути он выбросил фотографию Анны и этого ублюдка. Ветер подхватил фото и отнес далеко в сторону.

Теньков на попутной машине отправился в Вильнюс, где встретился с другим вербовщиком. Еще через неделю он сражался в рядах «Тигров освобождения Тамил и Лама» на острове Шри-Ланка. В город Калининград Теньков не вернется никогда.

МОЛОКО ГОСПОДА МОЕГО

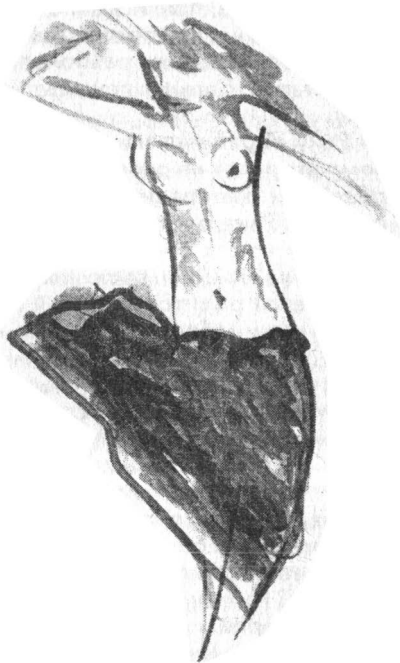
Крошка Енот растирал больную ногу. На небе было облако, размером с носовой платок, но видимо к вечеру пойдет дождь. Проклятая пуля чеченских комбатантов пробила ногу, не задев кости. Живоглостоправ военный доктор, заверил что можно будет танцевать, но рана загнивала с завидной периодичностью и Крошка Енот опять и опять плелся в городскую поликлинику. В регистратуре работала его тетушка, и Крошка проходил без очереди.

На днях пришло заказное письмо из Калининграда, и Крошка Енот долго не мог сообразить, кто такой Томин. Он никогда не получал заказных писем и долго не мог понять, зачем расписываться в какой-то почтальонской книжке. Открыв конверт, он с радостью узнал в присланных фотографиях себя, Профессора, Тенькова и самого фотографа Томина, которого все звали Том.

Крошка Енот давно привык к прозвищам в силу своей фамилии, Еонтов. То ли из немцев фамилия, то ли - черт те откуда. Поскольку в годы своей армейской худобы он весил девяносто пять килограммов при росте сто восемьдесят пять, то его и прозвали Крошкой Енотом. Командир части называл его Енотовым, только замполит фамилии бойцов выговаривал правильно, хотя это не добавляло ему популярности среди солдат и старшин. Закончил службу Крошка Енот ефрейтором, но прозвище «собака», обычное для ефрейторов, не прижилось. Человек не может быть двумя зверями одновременно.

Отслужив безвыездно в пустыне два года, Еонтов вернулся на родину в Воронеж и быстро наел недостающие двадцать килограмм. После долгого и продолжительного отдыха Крошка Енот устроился сторожем на обувную фабрику. Фабрика встретила его запахами клея, кожи и химикатов. В столовой его кормили как на убой - не мудрено, когда на раздаче стоит твоя двоюродная сестра. Вообще родни у Крошки было много - разной и всякой. Братья, сестры, дядьки, тетушки, мужья сестер и дети родственников. Крошка Енот был нрава доброго и от него не требовали слишком много, прощая за его открытую добрую улыбку.

История военных приключений Крошки Енота загадочна и не достоверна. Как и почему попал сторож на войну, никто не знал. Сам Крош-

ка не рассказывал, отделяясь стандартным в таких случаях ответом: - «Стреляли. Бандитская пуля». Мама Крошки, втайне довольная, что сына не убили, приписывала его легкое ранение своим молитвам.

Сегодня нога разболелась особенно сильно, и, вдобавок ко всему этому великолепию, разболелась грудь.

- Старая, больная лошадь, - пробормотал Крошка, разбинтовывая ногу.

Рану обрабатывали в полуполевых условиях и было непонятно, почему второпях не отрезали ногу совсем. Медицина знает способ «отрезать» и это радикальное лекарство прописывает во всех удобных случаях. Рана отекала чернильно-синим цветом и края ее гноились. В комнату вошла сестра, она была беременна и жестоко страдала от токсикоза. Лицо ее было покрыто пятнами, и Крошка Енот шутил, что ее ребенок родится если не в полосочку, то в крапинку. Сестра заглянула в рану, сделала ужасную гримасу и удалилась в свою комнату. Муж сестры был гражданским летчиком и работал в Африке по контракту с заирским правительством.

«Молоко господа моего», - сестра читала вслух Новый завет и по вторникам посещала службу евангелистской общины, где считалась ревностной прихожанкой.

- Молоко господа моего, - вслух повторил Крошка Енот и, прихрамывая, пошел к холодильнику выпить молока. Он открыл дверцу и взял трехлитровую банку, раздумывая выпить из горлышка или сходить на кухню за стаканом. Природная лень победила, и Крошка Енот сделал большой глоток холодного молока, ничуть не задумываясь о своем слабом горле.

...Крошка Енот лежал около открытого холодильника в луже молока и в осколках стеклянной банки. Почему у него помутилось в голове и пошли цветные круги? Почему в комнате стало заметно светлее, и запахи пряных тропических цветов наполнил воздух старого деревянного дома?

- Что с тобой, Крошка? - склонилась сестра.

- Вроде все нормально, - Крошка Енот поднялся, его рубашка и трико, задранные до колена, были в молоке.

- Иди смени одежду в ванную, а я приберу, - предложила сестра, и брат послушно мотнул головой.

В ванной комнате он разделся, залез в ванну и включил душ. Он поливал тело теплым дождем и чувствовал себя много лучше. Вытираясь полотенцем, он провел рукой по своей груди и из соска потекла белая, густая жидкость. Крошка остановился в нерешительности и еще раз нажал на грудь. Жидкость потекла чуть быстрее, и ванная наполнилась уже знакомым цветочным запахом.

Крошка был в недоумении, он еще не испугался, но был очень близок к этому состоянию. Он омочил в жидкости палец и осторожно лизнул его. Вкус был знаком с детства - сладкое молоко, похожее на сгущенку, но чуть пожиже.

«Дает корова молоко» - вспомнился ему глупый стишок из «Родной

речи». Что женщины кормят детей грудным молоком, он знал, но чтобы подобным занимались мужики, Крошка Енот не мог предположить. Совершенно не кстати зачесалась больная нога, и Крошка Енот потер больное место пальцем, смоченным в своем собственном молоке.

Он оделся в футболку и брюки, взял пачку сигарет и вышел на улицу, резонно решив, что ему нужно прогуляться и поразмыслить о его теперешнем положении. Он закурил и решительно двинулся по улице Лизюкова по направлению к пивному бару «Клен».

«Клен» был просто распивочной, и граждане пили пиво и водку около заведения, пользуясь теплой погодой. Знакомых пока не было, и Крошка Енот взял для начала одну кружку, после каждого глотка внимательно прислушиваясь к своему самочувствию.

К лавке подошел парень, который служил в Моздоке на базе вертолетной бригады и участвовал в боевых действиях косвенно. Он загружал вертолеты боеприпасами и делал это, надо сказать, быстро и умело. Крошка и парень заказали по паре пива и завели не спешную беседу.

После погоды, воспоминаний о друзьях Крошка вскользь и как бы случайно коснулся темы мужского молока.

- В нашей бригаде, - начал рассказ парень, опустошив кружку, - был майор Звонарский или Званирский, точно не помню, врать не буду. Его сбили где-то в районе Семашек и взяли в плен. Посадили в подвал, били, конечно, всякое такое. Жрать не давали три дня, потом вытащили на свет божий и стали совать в рот грибы-поганки. Жри, мол, дары леса. Тот - отказываться, его - бить и накормили силком. Затем снова в подвал. Ну, думает - хана. Не убьют, так отравят! И нашло на него просветление и потекло молоко из груди. Майор раны им смазывал и им питался. Этаким образом обедал девять дней. Чечены кинут хлеба, он не ест его. Ну, в общем, вертолетчики разбомбили басурман, а майор выбрался из подвала и еще четыре дня плутал по горам. Питал его Господь, почитай, две недели, и раны зажили как на собаке. А случай этот мне довел штурман, Звонарский ему по пьянке рассказал. Штурман всем растрепал. Майора на смех. Он обиделся и вроде бы перевелся на Дальний Восток. А по мне, нужно благодарить Богородицу за избавление от плена и излечение. Шутка ли, в вертолете упасть, в подвале не загнуться. То Бог дал...

Незаметно для себя они перешли на водку и расстались глубоко за полночь.

Футболка Крошки Енота пропиталась молоком и он бросил ее в стирку. Холодный ужин он поковырял вилкой и в размышлениях о рассказанном взял кружку и из своей груди сцедил немного молока. Зажмурившись, он выпил его залпом и закрыл глаза. Ничего плохого не произошло, и Крошка отправился спать.

Проснулся он поздно и, вскочив на ноги, не заметил привычной боли. Крошка посмотрел на свои волосатые ноги и в изумлении сел на кровать. На месте раны был ровный розовый шрам. От нагноения и глубокой раны не осталось и следа. От удивления Крошка Енот присвистнул, и тут вошла мать.

- Сынок, - она протянула ладони к Крошке.

Мать работала на химическом заводе и руки ее, сколько помнил себя Крошка, были изъедены экземой. Сейчас руки были чистые и белые, как у первой леди государства.

- Вот, решила маечку постирать, - вроде бы виноватым голосом сказала мама.

Крошка молчал, ему хотелось сказать, что-либо доброе, но он не мог ничего придумать. Молчание затянулось, и Крошка Енот сказал:

- Я, пожалуй, в церковь схожу.

- Сходи, сынок, сходи, - с готовностью согласилась мать, обрадованная желанием сына.

Храм Божий Крошка посещал в последний раз лет пятнадцать назад в пасхальную ночь. Там его отловила классная руководительница и паскудила его на школьной линейке вместе с другими малолетними христианами. До церкви было довольно далеко, и Крошка Енот решил доехать автобусом. Транспорт был заполнен и свободных мест не было. Крошка встал на задней площадке и прижался носом к стеклу, разглядывая давно знакомые окрестности.

На следующей остановке в автобус, кряхтя и причитая, залезла довольно злобная старушка-зеленщица. Она по совместительству торговала сушеной рыбой около «Клена», сопровождая каждого желающего получить скидку адскими проклятиями. Сначала появились две корзинки с петрушкой, затем и торговка. Автобус внезапно, впрочем, как и всегда, дернулся, старуху бросило на Крошку Енота.

- Ты ошалела, старая? Держаться надо!

- Сам, дурак...

Разговор не получился, и бабка отцепилась от парня. На ее беду водитель автобуса увидел знакомого и снова резко затормозил. Зеленщица вновь упала, теперь уже на грудь Крошки.

- Бабка, ты, в натуре, запипенила...

Старуха хотела ответить грубой и нецензурной бранью и даже набрала воздуха в грудь для тирады, когда смолкла в испуге.

От ее собеседника исходил дивный запах, и над его головой светился золотой нимб. Зеленщица протерла глаза и, убедившись, что видение не исчезло, завопила дурным голосом.

- Прости, батюшка, меня, грешную, благослови дуру старую во имя отца и сына и святого духа, - старуха схватила Крошку Енота за руку и начала лобызать кисть. Народ, не видевший нимба, смотрел на происходящее, как на цирк, громко выражая возмущение нравами.

Крошка стал вырывать кисть, но старуха держала крепко и дуром голосила:

- Благослови, касатик, яви свою милость.

Крошка, видя, что старая не отстанет, перекрестил ее и, пользуясь некоторым замешательством, выскочил на остановке как укушенный.

Остаток пути до церкви он провел в раздумьях о событиях последнего дня и пытался найти логичное объяснение. Не усмотрев логики в Божьем промысле, Крошка Енот, вздохнув, вошел в помещение име-

ни Покрова Пресвятой Богородицы. Народу было немного, посещение храма в будний день имеет свои преимущества из-за хорошего обзора и доступности к любой из местных святынь. Крошка Енот купил свечку побольше и стал разглядывать лики святых с нескрываемым интересом. Слов молитв он не знал, разные несвязные обрывки из евангельских текстов, читаемые сестрой, никак не стыковались. Тяжело вздохнув, Крошка Енот поставил свечку за здоровье и подумал: «Спасибо, Господи, за все, что даешь».

Если раньше молоко выделялось скупыми каплями, то теперь по телу потекла тонкая струйка. Свечи за здоровье вспыхнули ярким огнем, осветив, не в пример прежнему, весь интерьер храма. На глазах прихожан икона «Сошествие святого духа к апостолам» стала меняться. Из прокопченного старого дерева, словно омытые, выглянули чистые лики святых, голубь из серого стал белым. Все трещины и облупленности исчезли. Хитоны и облака приняли свет небес и воды. Распространился запах ладана и цветов.

- Чудо, чудо, - пронеслось среди православных.

Крошка Енот опасливо оглянулся и боком-боком стал пробираться к выходу. Выйдя из дверей, он побежал, на бегу роняя капли молока. Из упавших на землю капель пробилась молодая зелень, и уже через пару минут цвели белоснежные лилии.

Крошка Енот поднял руку и уехал на остановившейся «копейке» домой. Всю дорогу до дома он молчал, водитель, видя бледность пассажира, предложил аптечку, но Крошка не знал, какое ему нужно лекарство.

- Придите ко мне страждущие, ибо Я есть утешение... - читала сестра.

Крошка Енот подошел к сестре и, омочив руку, провел по лицу беременной. Подозревая подвох, она попыталась отстранить руку, но брат был настойчив и добился своего.

- Ибо я есть избавление...

Избавленная от застарелого гастрита и бронхита зеленщица, удивленные происшествием в храме прихожане, сестра и мать...

Для распространения слухов хватило бы и половины событий. В этот день Крошка больше нигде не выходил, почувствовав слабость.

Утром на пороге дома его встретила небольшая толпа, человек в чепуреста.

- Вам чего надо? - Крошка был сердит от излишнего внимания.

Народ притих, так как не сразу сообразил, чего надо. Надо здоровья, денег, возвращения блудного мужа, мало ли чего... Стоявшая рядом женщина с усталым лицом схватила за руку, но Крошка Енот, наученный вчерашним днем, вырвал руку и спрятал ее за спину. Женщина бухнулась в ноги и обхватила колени новоявленного чудотворца.

- Ребеночку, помоги! - заголосила женщина.

Крошка махнул рукой:

- Ну, пошли.

Демонстрация направилась к девятиэтажке в двух кварталах от Крошкиного дома. В убогой однокомнатной квартирке, посреди балкона зала, сидел в инвалидной коляске мальчик. Мальчик к приходу высокого гостя был одет в чистую рубашку и листал засаленные комиксы. Крошка Енот обошел коляску кругом и, сомневаясь в своих способностях, покачал головой. Паралич конечностей - это не прыщи выводить. Однако, рассудив, что хуже не будет, закрылся на кухне и изготавил с полстакана своего зелья.

Пить молоко мальчик не захотел, и мамаша показала ребенку кулак. Видимо, этот аргумент был железобетонным, мальчик принял с мученическим видом принесенное молоко. Перекрестив отрока, Крошка Енот ушел. Часть толпы осталась с мальчиком и мамашей. Другая последовала за чудотворцем в булочную и мясной магазин.

В какой-то момент Крошка занервничал от внимания и начал орать на народ, прося оставить его в покое. Соотечественники отступили на два шага и на ноги более не наступали. Вечером, не дождавшись чуда, народ разошелся по домам, а Крошку навестили последовательно батюшка, евангелист из сестриной общины и, бог весть откуда забредший, буддист. С евангелистом сцепились в богословском споре и Крошка едва не подрался. Обвинять в связях с сатаной - это слишком даже для темного 1999 года. Крошка выгнал с порога проповедника и обещал переломать ему кости при следующей встрече. Сестра, конечно, обиделась. Буддист почти все время молчал, а лишний человек на тесной кухне совсем некстати, и буддиста выпроводила мама. Православный священник своего мнения о происхождении вещей не навязывал, беседовал спокойно и просил куда-то не уезжать до прибытия епархиальной комиссии.

Ночь Крошка спал плохо и видел дурные сны.

Утром в дверь зазвонили, и давешний мальчик принес бутылку водки. Крошка Енот сначала не признал мальчика и лишь потом пощупал ноги и потрепал голову сильной рукой. Со спокойной жизнью было покончено.

Под окном быстро собралась толпа, в которой появились милиционеры для поддержания порядка. В ближайший час его настоятельно просили излечить заместителя губернатора, жену милицейского генерала, дочь высокопоставленного бандита. А также еще полторы тысячи больных.

Крошка принял трех пациентов, но почувствовал такую дикуую усталость, что не мог стоять на ногах. Лежа на диване, он достал с тумбочки Новый Завет и открыл наугад:

«Он уходил от них в отдаленные места и молился...»

Через полчаса, одетый в свой армейский камуфляж, Крошка Енот с тощим «сидором» через плечо вышел из дома. Он благословил собравшихся всех оптом и пошел. Толпа последовала за ним. Крошка Енот шел по трассе Воронеж-Баку на юг. Толпа постепенно редела и где-то в районе города Шахты Крошка Енот остался один. Его подобрал водитель «КамАЗа», ехавший в Махачкалу. В Махачкале Крош-

ка Енот исцелил его от ревматизма и кариеса. Зимой в Кавказских горах видели рослого мужика в камуфляже с автоматом и сияющим нимбом над головой.

Крошка Енот основал Еонтовскую обитель и молился о грешной земле. Вскоре к нему присоединился мужчина, ходивший по воде, яко по суху, в городе Таганроге.

Рассказы иллюстрированы автором.

Фэнтези

Анна ФИЛИМОНОВА

БЛАГОДАРНОСТЬ

Они стояли на высоком утёсе, нависшем над морем, как клюв гигантской сказочной птицы.

Был шторм. Серо-зелёные мутные волны с неистовой силой обрушивались на могучее тело утёса, пытаясь дотянуться до его вершины, разбивались с грохотом о гранит и, рыча, отступали, чтобы всё повторилось вновь.

Двое молчали. Их сдувал ветер. Наних оседала морская пена и холодные солёные брызги. Они стояли лицом к лицу и смотрели друг другу в глаза. Кто кого переглядит. День ещё угасал. Над их головами бродили тяжёлые, чёрные с алыми бликами тучи,

грозившие заполнить собой всё пространство до самого горизонта. Давно ли эти двое были друзьями: неделю, день, час назад?

Что уничтожило дружбу, сделав двоих молодых людей непримиримыми врагами? Страсть к одной и той же женщине. Именно страсть, ибо нельзя назвать любовью то, что несёт разрушение.

Они покинули небольшую молодёжную турбазу, - десяток фанерных домиков на берегу моря, - пренебрегли тёплой весёлой компанией и отправились сюда, на гранитный утёс, в самый разгар шторма.

Ибо каждому из этих двоих одинаково хотелось быть возле той, в чьих глазах застыло синее безоблачное небо, чьи волосы словно излучали солнечный свет и чей смех звучал звонче колокольчика.

Сколько времени они уже так стояли, никто из них не мог бы сказать.

В их жилах бурлила горячая молодая кровь. Трудно сдержать её напор, когда ты юн и потерял голову.

А в лагере продолжали веселиться их друзья. Шутили, пели песни, смеясь над штормом, грозившем снести весь их фанерный мирок.

Чёрные, непроницаемо глубокие глаза Павла - напротив небесно-синих, наивно-мечтательных глаз Алексея.

Каждый смотрел прямо в душу другому и оценивал её достоинства.

Алексей знал Пашку давно. Настолько давно, чтобы не удивиться ненависти, застывшей в его глазах. Он всегда принимал друга таким, какой он есть. И он знал, что в Пашке над жившей в нём агрессией всегда берёт верх добродушие, порядочность и честность. И за это он всегда уважал Павла. Но теперь он его не узнавал. И понимал одновременно. Светловолосая девушка предпochла Алексея, и именно это обстоятельство высвободило из души Павла зверя. Алексей понимал друга. Он откровенно сопереживал ему, но отступать не собирался. Видимо, этот сочувствующий взгляд подействовал на Павла, словно удар хлыстом. Не по телу, нет, - по голому сердцу. В его чёрных, как ночь, глазах загорелись свирепые красные огоньки. Он весь затрясся от напряжения, кулаки сжимались и разжимались.

В глазах Алексея Павел видел прямоту и благородство. Он не мог более выносить этого честного, открытого взгляда, полного сочувствия и любви.

Рука Павла потянулась к худому плечу Алексея прежде, чем он успел овладеть собой. Напряглись рельефные бицепсы... Сильный толчок...

И вот на утёсе уже не два, а один человек - замерший силуэт, сгорбившийся под тяжестью черных, набрякших, сочащихся влажной туч.

Он долго смотрел на свою руку, словно на отдельное, чуждое ему, чудовищное существо. Этот человек не чувствовал ничего, кроме пожирающей его изнутри пустоты и своей беспомощности и ничтожности перед бушующей вокруг стихией.

Единственная мысль, блуждающая среди тьмы, не вызывающая никаких эмоций, кроме приступов дикого одиночества: «Он

не умеет плавать. Лешка не умеет плавать. Не умеет...»

Грохот, раздавшийся с небес, заставил Павла вздрогнуть. Он повернулся к морю спиной и, не чувствуя обрушившихся на него холодных струй, побрёл к лагерю.

Где-то там впереди во тьме слышались голоса. Алексея и Павла звали по именам. Видимо, искали. И громче всех звучал голос Той самой, ради которой...

Павел с силой тряхнул головой, словно желая свернуть себе шею. Нет. Разве виновата она в том, что его рука?..

Он шёл, его безжалостно хлестали упругие струи дождя, но ещё безжалостнее с каждым ударом сердца, словно раненая птица, билась мысль: «Он не умеет плавать. Не умеет. Не умел...»

Он вошёл в свой фанерный домик, не включая света, запер дверь. Он боялся. Боялся взглянуть на пустую Лёшкину кровать. Осторожно присел на свою, и она протяжно скрипнула всеми пружинами.

В дверь настойчиво постучали, и в этом стуке было столько отчаяния, что Павел открыл немедленно... И столкнулся лицом к лицу с Ней.

- Мы искали вас, - Ася вошла, оттесняя его вглубь комнаты.

Вспышки молний освещали её перепуганное лицо. Она пошарила рукой по стене, ища выключатель, и вскоре зажёгся мутный неяркий свет.

- Мы искали вас, - повторила она, оглядывая комнату, - где он? Павел молчал.

- Где он?

Голос Аси прозвучал настойчивее, брови сомкнулись на переносье, глаза, потемневшие, словно штормящее море, готовы были утопить его в своей глубине.

- Где он?!

Она трясла Павла за плечи. Наконец он смог разомкнуть свои онемевшие, белые, бесчувственные губы:

- Я... я не знаю. Мы... мы разминувшись с ним.

Павел испугался собственного голоса. Чужого, хриплого. Таким разговаривают киборги в фантастических боевиках.

Ася резко отпустила его, и он безвольно осел на табурет. Она молча вышла из домика, и вновь сквозь бурю, удаляясь, зазвучал ее голос, зовущий во тьме Алексея.

Павел долго сидел на табурете, не в силах подняться с него. Отсутствие мыслей, желаний, чувств превратило его в нечто неодушевлённое. Он смотрел в одну точку - на маленький рисунок Лешки, висевший на облезлой стене. Он казался банальным и про-

гательным одновременно: белый кораблик с обвисшим парусом при полном штиле. Море, спокойное, прозрачное, сливающееся у горизонта с небом.

Лёшка всегда был мастером акварели. Он очень любил море. Но плавать не умел... Едва слышно скрипнула дверь.

Павел вскочил и тут же попятился. Уронил табурет, наткнулся на стол и застыл, словно каменное изваяние.

На пороге стоял Алексей. Губы его были синими, его била дрожь, ладони судорожно сжались в кулаки так, что побелели ко-
стяшки пальцев.

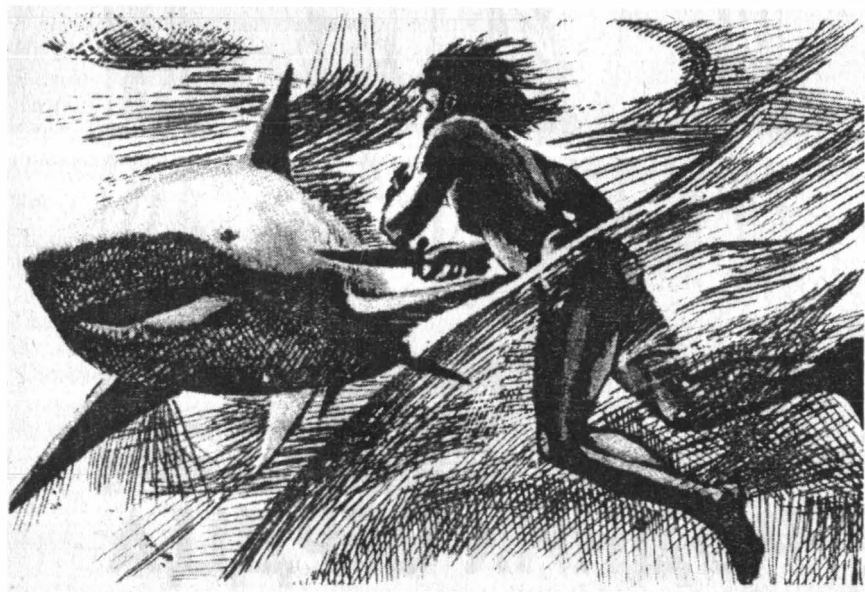
«Господи!.. Он же не умеет плавать! Не умеет плавать! Никог-
да не умел!»

У ног Алексея образовалась обширная лужа. Вода стекала с волос, с одежды, с лица, наполняя глаза, в которых читались не-
человеческая усталость и искренняя благодарность.

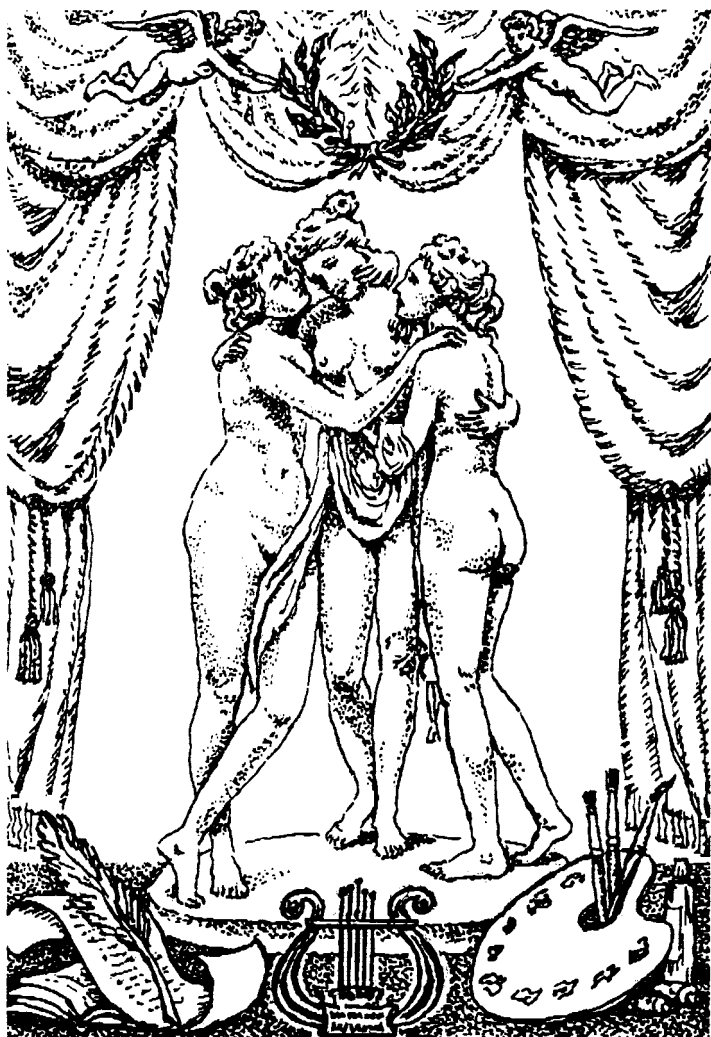
- Спасибо.

Мутный кусок зеркала за спиной Алексея отражал круглые
Пашкины глаза.

- Я долго боролся с волнами. Они швыряли меня на утёс... Спа-
сибо. Благодаря... благодаря тебе я научился плавать... в шторм.

Евгений ЛАРИН

РОДНИК СЕРДЦА

Эхо музыки души

Я не краской рисую тебя, а словами,
Под стекло восьмиугольный врезаю портрет.
В обрамлении рифм ты, как в бронзовой раме,
Не поблекнешь, не выцветешь множество лет.
Я тебя собираю по малой частице:
По улыбке, по взгляду, по ответу щек.
От тебя в каждой строчке - всего лишь крупица,
Даже все восьмиугольные - только штришок.

Неисчерпаем памяти поток,
Он, как родник из подземелья, льется.
Он как всегда из прошлого звонок,
Что в нашем сердце болью отдается.
К нам прошлое стучит во все года,
Хотя оно неслышимо, незримо.
С тобой мы в этом прошлом навсегда,
Как день и ночь вовек неразделимы.

Шлю тебе не часто я письма из глуши.
В письмах трудно выразить боль моей души.
В письмах трудно высказать что сказать хочу.
Но не легче будет мне, если промолчу.
Я стихи попробую в письма превратить,
Чтоб с тобой возвышенным слогом говорить.
Строки их негромкие сердце мое жгут.
Письма лицемерничают, а стихи не лгут.

Ты читать брала когда-то
У меня Толстого том,
Где отдельные слова ты
Подчеркнула ноготком.
Ах, как сердце взволновало
Слогом ярким и простым
То «письмо», что мне писала,
Ты в соавторстве с Толстым.

Ах, что со мной ты сделала
Нахлынувшей весной!
Ты, как березка белая,
Стоишь передо мной.
В твоих глазах сияние,
Как майские лучи.
И столько обаяния -
Хоть караул кричи!

«Я вас люблю любовью брата
И, может быть, еще сильнее», -
Так Пушкин выразил когда-то
Намек на страсть души моей.
Чтоб тебе суть была яснее,
Я к тем словам добавить рад:
Люблю светлее и сильнее,
НЕ как сестру и НЕ как брат.

Все в жизни сердцу призвано служить:
Цветы, чтоб ими вечно восхищаться,
Стихи, чтоб ими душу насладить,
А красота, чтоб ею вдохновляться.
И вывод возникает сам собой:
Я много лет тобою восхищаюсь
И наслаждаюсь, как цветком, тобой,
И красотой твоею вдохновляюсь.

Ты, наверно, не знаешь о том, дорогая,
Что я часто хожу на вокзал?
По перрону брожу и, грустя, вспоминаю,
Как в Ульяновск тебя провожал.
На глазах проступают невольные слезы,
Как тогда, - полстолетия назад...
А газета «Гудок» и гудок тепловоза
О тебе все гудят и гудят.

Помнишь, как-то нас в апреле
Сек по спинам ветер хлесткий?
Еле-еле мы успели
Встать с тобою под березкой.
Как прильнула ты, вздыхая,
Чтобы чуточку согреться...
И сейчас еще тебя я
Ощущаю возле сердца.

Наши лица зноем пышут,
Губы пламенем пылают.
Поднеси к лицу ледышку -
И она тотчас растает.
Наши руки, словно плети,
Обвивают, обнимая,
И сердца в минуты эти
Горячи, как солнце мая.

У влюбленных сердца горячи, как огонь.
Им любовь не опасна, как всаднику конь.
Если оба они и дружны, и верны,
Никакие преграды в пути не страшны.
Лишь бы только они не играли с огнем,
Управляя собою, как всадник конем,
Чтоб нигде не упасть и с пути не сойти,
Чтобы сердца огонь до конца пронести.

И ручей журчит, и скворец поет,
И весенней прохладой веет.
Все живое живет, голоса издает,
И молчать, как немой, не умеет.
Лишь цветы молчком там и тут цветут
До ползет тишина по крышам.
Мы сидим и молчим, а сердца поют,
Но их песнь о любви мы слышим.

Что-то мне часто не спится,
Мысли изводят тоской.
Малость вздремну - и приснится:
Кто-то флиртует с тобой.
Ты - моя грусть и бессонница,
Ты - моя вечная тень.
Мне без тебя, как без солнца
В хмурый осенний день.

Видно, что-то со зрением неладно,
Очень сузился мой кругозор.
В сотый раз убеждаюсь наглядно -
Лишь тебя различает мой взор.
Да, приятна ты мне, я не скрою,
О тебе у меня все мечты.
Хоть открою глаза, хоть закрою,
А в глазах - и в толпе - только ты.

Незабудка лесная. Моя синеглазка.
Колокольчик степной. Голубой василек.
Для меня ты, как в детстве, любимая сказка,
Ну а сказка всегда - и урок, и намек.
Всякий раз от твоих чародейств обмирая,
Я люблюсь Елены Прекрасной лицом...
Значит, сказкой тебя я не зря называю,
Потому что все сказки - со счастливым концом.

Когда тебе стихотворенья
Других поэтов я читал,
То я с особым удареньем
Их выраженья повторял.
Поэты мира в век далекий
Вложили в каждую строку
Мои признанья и упреки,
Мои восторги и тоску.

Мне кажется: набит я, как музей,
И берегу, что мне всего дороже.
В душе моей достаточно друзей,
Но и врагов достаточно есть тоже.
Кругом в душе реликвии лежат,
Что память к себе крепко привязали.
Но ты, родная, - главный экспонат,
Ты в сердце у меня - в центральном зале.

В душе своей я радуюсь до слез
И не скрываю своего волнения.
Ведь я тебе «люблю» сейчас принес -
Нежнейшее мое стихотворенье.
Я слышу сердце, как оно стучит,
И золотое слово повторяю:
«Лю-блю» - как это солнечно звучит!
Всего пять букв, - а музыка какая!

Когда, охваченный любовью,
Я спал в неделю по письму, -
Все это было предисловьем,
Прологом к сердцу твоему.
Ну, а стихов интимных строчки,
К тебе неистово стремясь,
Как провода и проводочки,
С тобой поддерживали связь.

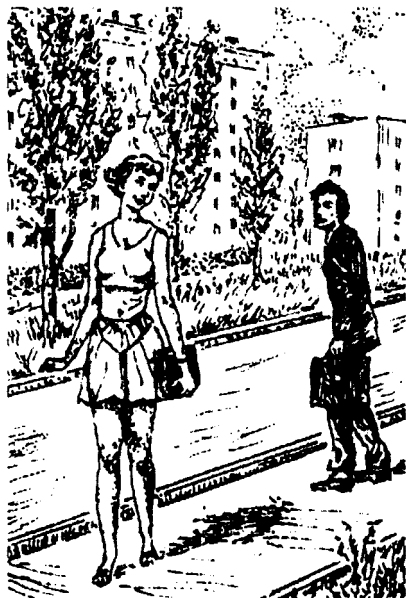
Я тоскую; я скучаю,
А тебя все нет и нет.
Тишина вокруг такая,
Будто вымер белый свет.
Даже птицы не летают
В синеглазой вышине...
Ах, как шума не хватает
Тишине! А тебя - мне!

О любимых своих, возвеличивая,
Пел влюбленный всегда, как умел.
Данте пел о любви к Беатриче,
А Петрарка Лауру воспел.
От тебя не таю я секретов:
Для меня среди женщин села
Выше этих красавиц воспетых
Ты, простая девчонка, была.

Синичка, синичка, знакомая птичка,
Ты смотришь в лицо мое из-за стекла.
Скажи мне: ты с чем прилетела, синичка?
Какую ты весть от НЕЕ принесла?
Была ль ты у милой моей под окошком?
Глядела ль в лицо ее? Дай мне ответ.
Скажи мне, синичка, хотя бы немножко,
Хотя бы - здорова она или нет?

Ты как-то раз приревновала
Меня к сопернице одной,
И на душе приятно стало
От этой ревности смешной.
А сердце, сердце торжествует,
Что кто-то ревностью томим...
Тогда любовь, когда ревнуют,
Она - к другой, а он - к другим.

О, как твои брови конкретны, -
Намного конкретней, чем взгляд.
Они обо всем, что секретно,
Движением крыл говорят.
«Не надо» - и брови скрываются
И «нет» означают всегда.
«Придешь?» - и они распрямятся
И сдвинутся, ежели - «да».

Ах, если б ты знала о том, как мне любви
Твои беспомадные спелые губы.
Тебе их дала без изъяна природа
И им ни к чему акварельная мода.
Они малеваться под баб не умеют,
На них поцелуй, как ягоды зреют.
В них солнце пылает и жаркое лето,
Они и без краски багряного цвета.

Все майские ночи и майские дни
Все тучи да тучи, да тени одни.
Когда ж прояснится оно, наконец,
Весеннее небушко наших сердец?
Ах, май мой цветущий, бушующий май,
Не май мою душу и сердце не май.
Ты лучше свидание с милой назначь.
Не май ты мне сердце, а в сердце маячь!

Боже мой, до чего меня сон взволновал,
Как видения мной овладели!
Будто я лепестки твоих губ целовал
И тебя обнимал на постели.
Оттолкнувши меня, ты, как лист на ветру,
Задрожала и губы надула...
Ты скажи: а случись это все наяву,
Неужели бы ты оттолкнула?

Край мой любимый, поля золотые,
Не обижайтесь, - сердечно прошу,
Что уже многие годы стихи я
Все о любимой пишу и пишу.
Ну, а она не чужая вам тоже,
Ежели с вами живет и сейчас.
Ведь она тоже частица Заволжья,
Значит, пою я о ней и о вас.

Тебя дорога укачала -
Мы продолжали долгий путь.
И ты невольно задремала,
Склонивши голову на грудь.
Ох, если было бы возможно
Каким-то образом суметь
Твой безмятежный сон дорожный
В минуту эту подсмотреть!

Тебе в стихах понравились слова,
Где свою верность я сравнил с присягой.
И ты в оценке полностью права:
От клятвы воин не свернет ни шагу.
Слова, наверно, тем и хороши
И жар тепла недаром сохранили -
Все строки были в мастерской души,
Все закалялись у нее в горниле.

Тебя я вспоминаю непрестанно,
Вот потому и не могу заснуть.
В твои глаза, как в «Омут» Левитана,
Мне даже в мыслях страшно заглянуть.
Когда же о тебе пишу стихи я
И мысли налетают, словно шквал,
То, как у Айвазовского стихия,
Гудит в мой душе «Девятый вал».

Минуты нашей встречи быстро тают,
Глаза огнем прощания горят...
Счастливые часов не наблюдают?
Ну - нет, напрасно это говорят.
Вон твой автобус тихо подплывает
И шины угрожающе шуршат.
Счастливые часов не наблюдают?..
О, как часы стремительно спешат!

Над нами солнышко сияло,
Рассеяв тучи-облака,
А ты в то утро уезжала,
Мне бросив коротко: «Пока».
И я глядел, волненья полный,
На синеву бездонных глаз,
Но взгляд, нырнувший в твои волны,
Так и не вынырнул в тот час.

На Черемшане был я целый день.
Как я давно на месте нашем не был.
Не шелохнется глади голубень,
Куда нырнуло голубое небо.
Стремглав бегут в бездонье облака -
На них ты часто в глубину глядела...
Как обмелела милая река,
Лишь о тебе печаль не обмелела.

На лодке тихо девушка плыла,
Мне показалось - на тебя похожа.
Как крылья чайки, машут два весла,
А я, как волны, взволновался тоже.
Я в ту минуту чуть не закричал,
Когда мадонна мимо проплывала:
«Куда плывешь? Ведя я же - твой причал.
Я - твоя пристань. Дальше нет причала».

Даже лужица отлично
Отражает небеса.
Почему же безразличны
Твои, милая, глаза?
Сколько раз мой взор с волненьем
Их пронизывал насквозь,
Своего же отраженья
Видеть в них не довелось.

У берега речки я встал на обрыв,
Всего на мгновенье тебя позабыв.
Гляжу на бегущий Авраль голубой,
Где в детстве купались нагими с тобой.
В безгрешную пору, любимая, ты
Не знала всесилья своей наготы,
Которую позже до светлого дня
Ты так берегла от меня для меня.

Одни говорят: ты - красивая
И яркая, словно звезда.
Другие твердят: ты - смазливая,
Смазливость, мол, - не красота.
Я знаю: умеешь ты нравиться
И в сердце оставить свой след.
У самой же первой красавицы
Такого умения нет.

На лугу распустился прекрасный цветок,
И пчелу золотую он сразу привлек.
И цветок понимает ее потому,
Что пчела прилетает с молитвой к нему.
Красота обладает всесильною властью,
Чтоб к себе привлекать и одаривать счастьем.
Красота - это солнце души и лица,
Что с библейских времен озаряет сердца.

Приди в сад сердца - в горницу мою,
Приди без промедления скорее.
Тебя вином признанья напою
И пламенем волненья обогрею.
Возьми с собою толстую тетрадь,
Наверно, и сама ты догадалась,
Что мое сердце будет диктовать,
О чем еще тебе не признавалось.

Ты когда-то писала не скупю,
И, чтоб слову весомость придать,
Ты на каждом листе свои губы
Приложила, как будто печать.
Много лет с той поры пролетело,
С той студенческой яркой весны.
И письмо уж давно пожелтело,
Лишь твои поцелуи красны.

Ну кто решится усомниться,
Что у любви - свои дары,
Свои секреты и границы,
Свои запреты до поры?
И все ж тот миг, как говорится,
Не по моей придет вине,
Когда нарушить все границы
Ты разрешишь себе и мне.

Черт возьми, чего им надо?
Съесть готовы нас живьем.
В ноги бомбу бросить рады,
Когда мы идем вдвоем.
Магазины и машины,
И казна под их рукой...
В чем тогда для зла причина? -
Ты - не с ними, а со мной!

Как мне хочется, чтоб, ничего не тая,
Ты на письма мои отвечала,
Чтобы каждая теплая строчка твоя,
Как струна, мелодично звучала.
Не таи ни любовь, ни беду, ни мечты,
Даже тайны своей сокровенной...
Но не верится мне: а сумеешь ли ты
Быть всегда и во всем откровенной?

- Ты что приуныла, плакучая ива?
О чем ты над речкою плачешь тоскливо?..
И ива, листвою шелестя, отвечала:
- Я много несчастных влюбленных встречала.
О, сколько в минуты душевных страданий
Я слышала тихих и громких рыданий!
И я оттого своей грусти не прячу -
Чужими слезами над речкою плачу.

Я надолго запомнил этот кряжистый клен,
Где ножом вырезал я в тот вечер
Только первые буквы наших имен,
Чтобы память осталась о встрече.
Я узнал этот клен без большого труда,
Рядом с ним мы с тобою встречались.
Заросли наши буквы, - от них - ни следа.
Только в сердце зарубки остались.

Даже и короткого посланья
От тебя не стал я получать.
И нюансы твоего молчанья
Попытался я расшифровать.
Раз молчишь, то позабыла, значит,
И писать не хочешь оттого.
Тот, кто помнит, тот души не прячет
За забор молчанья своего.

Наверно, я надоедаю?
Вращая мыслей жернова,
Я очень часто повторяю
Тебе интимные слова.
Не придавай тому значенья,
Что повторяюсь иногда.
Ведь повторенье - мать ученья,
А от ученья нет вреда.

Молчанье - золото? Ну - нет!
Молчанье я уж испытал.
Он мне давно известен, этот
Молчанья жалающий металл.
Зачем же мучить в наказанье
Меня характером крутым?
Твое железное молчанье
Не назову я золотым.

Ничего от тебя не принес почтальон,
Ни письма, ни почтовой открытки.
Нынче даже мне сам посочувствовал он,
Что молчанье твое хуже пытки.
И такая досада, что прямо хоть плачь,
Даже сердце клокочет неровно.
Ах, какая же ты - бессердечный палач, -
Коль пытаешь меня хладнокровно!

Говоришь, не любишь никого?
То ль с намеком, то ли в оправданье?
Я ведь понимаю, для чего
Ты такое делаешь признание.
Я ведь понимаю, от к о г о
Прячешься за фразами такими.
«Никого» - не просто н и к о г о,
В этом слове и мое есть имя.

Мне давать тебе совет
Еще не приходилось,
Чтоб в тридцать лет и в сорок лет,
И в пятьдесят сгодилось.
И все ж совет один я дам,
От всей души желая:
Не забывай меня, мадам,
Как я, не забываю.

А ты опять на встречу не пришла,
Хотя сама назначила свиданье.
Ты не впервые мелко солгала
И не впервые топчешь обещанья.
Я не пойму: зачем и почему
Ты свое слово нарушаешь снова?
Ну можно ль верить слову твоему,
Коль так ты обесцениваешь слово?

«Я тебя не люблю», - сам себе говорю,
«Я тебя ненавижу», - в сердцах добавляю.
И от этой неправды стыдливо горю,
И от этих кощунственных слов обмираю
Ты не верь никому, если злая молва
Тебе будет злорадно нашептывать в уши.
Даже мне ты не верь, если эти слова
На тебя я в отчаянии горьком обрушу.

На ветру березка резко отряхнулась, -
Золотое облако в воздухе взметнулось.
И над головою желтый пух кружится,
Я поймал листочек, как перо жар-птицы.
Вот бы так суметь мне в золотой пороше,
Как листок березы, взять тебя в ладоши,
И шептать бы тихо, к сердцу прижимая:
Милая. Желанная. Рыбка золотая.

- Обними, поцелуй и скорей успокой,
Ты меня равнодушием ранишь.
- Если все это сделаю я, дорогой,
То спокойным ты вовсе не станешь.
- Неужели ничем ты не можешь помочь?
Успокой же, хотя б на часочек...
- Если к женщине ходишь на час или ночь,
То забудь о покое, дружочек.

Ну и зима! Словно сошла с ума.
С небес весь снег, наверное, свалила.
В снегу по пояс сосны и дома.
И транспорт весь вокруг остановила.
Три дня тебя увидеть не могу,
Три дня меж нами снег, как разделитель.
Неужто сердце у тебя в снегу
И ожидает снегоочиститель?

Две девицы однажды пришли ночевать,
На полу рядом с нами постелила им мать.
На полу, как обычно, мы спали, бывало,
И ложились всегда под одно одеяло.
Среди ночи ко мне подкатилась плутовка,
Обнажила меня донага она ловко...
И узнал, как Адам, я о прелести женской,
Согрешив не в раю, а в избе деревенской.

Ты мне нынче так сердито
Дала крепкий нагоняй,
Мол, о ласках помолчи ты
И о них не вспоминай.
Что ж, о них, моя родная,
Позабывать я был бы рад,
Только губы, вспоминая,
До сих пор еще горят.

С тобой мне и легко, и тяжело.
Твое лицо то пасмурно; то ясно,
И все ж с тобой тепло мне и светло,
И все же ты по-своему прекрасна.
Чтоб упрекнуть - не поверну язык,
Ты стала для души - моей Вселенной.
Как хорошо, что я давно привык
К твоей погоде вечно переменной.

Когда в твоих глазах светло и ясно,
То солнечно вокруг и все прекрасно.
Когда ж в твоих глазах печаль-тоска,
То и на небе тучи-облака.
Глаза твои в любое время года
Предскажут мне души твоей погоду.
Но вряд ли по глазам узнаю я:
Надолго ли ко мне любовь твоя?

Как ты смущенно делаешь объятье,
Когда мы оба нежности полны.
Как ты стыдливо поправляешь платье,
Когда колени чуть обнажены.
И лишь березы кипенное пламя
Нам телом белым светит в темноте.
Она стоит натурщицей пред нами
В своей бесстыдно чистой наготе.

Иные, увидев нагую в газете,
Автора снимка клянут оголтело.
Но нет ничего совершенней на свете,
Чем плавные линии женского тела.
Чтоб выразить это великое чудо,
Тут мало фотографа или газеты.
Тут нужен, увы, не язык словоблуда,
А кисть живописца и слово поэта.

Всем ты женщина, что надо.
Всем понравилась ты мне,
Но от взгляда, но от взгляда -
Аж мурашки по спине.
Где уж мне с тобой согреться,
И сама-то зябнешь ты.
Неужели в твоём сердце
Зона вечной мерзлоты?

*Я встретил тебя через несколько лет,
И ты, будто в это мгновенье,
Включила в душе ослепительный свет
Волнения и вдохновенья.
Не обмелела души глубина,
Если тебя она вспомнила.
Видно, не вылюбить сердцу до дна
То, чем его ты наполнила.*

*Лепестки моей памяти с горькой тоской
Продолжают в душе осыпаться,
И, тебя вспоминая, строка за строкой
На линейки тетради ложатся.
Значит, осень в душе, потому лепестки,
Словно листья берез, облетают,
И на кончике каждой горячей строки,
Как снежинки осенние, тают.*

*Мы друг от друга всё уходим,
Хотя и так уж далеко.
Но то, что ищем, не находим,
И оттого нам нелегко.
Подули снова ветры юга,
И снова вишни расцвели...
Мы всё уходим друг от друга,
Но так пока и не ушли.*

*Когда меня ты целовала,
Твердя чего-то шепотком,
То краску с губ моих стирала
Своим надушенным платком.
Умчались годы без возврата
И чувства начали стареть...
Ты стерла с губ моих помаду,
А поцелуи не стереть.*

Тебя в душе моей не скроешь -
Ты за сто верст в глаза глядишь.
Полвека сердце беспокоишь,
Полвека душу бередишь.
Вчера ты голову кружила,
Так хоть сегодня не кружи.
Уж коль сама приворожила,
То и сама отвори.

Ах, как давно все это было..
Полвека равно утекло,
Но тебя сердце не забыло
И до сего дня сберегло.
А для чего беречь все боли
И тщетно память ворошить?
Ведь никогда и сотой доли,
Что было, вновь не возвратить.

Прекрасны и Венера, и Даная,
Любуемся мы ими сотни лет.
«А красота - она всегда нагая», -
Подчеркивал один большой поэт.
Кто по своей испорченности судит,
Те чаще о морали говорят.
А наготу красы ханжи паскудят,
Когда бесстыдно стыдное творят.

Средь твоей деловой суеты-маеты
Мы встречаемся официально.
Как меня избегаешь талантливо ты,
Я бы даже сказал - гениально!
То стараешься срочно кому-то звонить,
То в бумагах и взгляд, и внимание...
Да не надо, не надо, не надо хитрить,
Я уже ухожу. До свиданья.

Я не могу припомнить ничего,
Чтоб перечислить в стихотворной строчке:
Что есть белее тела твоего?
Снега? Березы? Иль твоя сорочка?
Слепит глаза твоею белизной,
Ты и сорочку сбросила, как пламя...
И между нами полыхает зной.
И не постель, а Африка под нами.

Все связи мы с тобой порвали,
Все улетучилось, как дым.
Других безумно целовали
И о любви шептали им.
Хотели сделать исправленье
В своей изломанной судьбе,
Не понимая в ослепленье,
Что мстили сами же себе.

Тебя увижу - и зардеюсь,
И сердцем сразу загорюсь.
На миг совсем помолодею,
На миг счастливей становлюсь.
И оттого в минуту эту
В душе оттаивает лед...
И вроде станет больше света,
И голубее небосвод.

Помнишь, как мы спорили в селе?
Помнишь, как сказал тебе колюче:
«Сколько вас, девчонок, на земле!
И таких, как ты, и много лучше»?
Радужными были те мечты,
Время надо мною посмеялось.
Были лучше, но такой, как ты,
К сожаленью, больше не встречалось.

На шаре земном и села уже нет,
В котором с тобою мы жили.
Мы первой любви нашей радужный свет
Давно-предавно погасили.
Ни шепота нашего, ни говорка
Не слышно под памятным кленом.
Лишь в небе все так же плывут облака,
Как лебеди, в море бездонном.

Ты, себе же изменя,
Хочешь выйти из меня.
И признание отменяя,
Отвернулась от меня.
Но зачем даешь при этом
Волю сплетням и наветам?
Изменяй и отменяй,
Только лжи не применяй.

Тебе доверил я случайно
Свои и думы, и мечты.
Во все мои святые тайны
Посвящена была и ты.
Теперь вздыхаю от досады:
Ну как я мог так «обалдеть»? -
Перед твоим лукавым взглядом
Всю душу донага раздеть?

Как мечя ты обожала,
Называя дорогим,
Но судьбу свою связала,
К сожалению, с другим.
Хорошо - люби другого,
Наноси душе удар,
Если ты и дорогого
Уценила, как товар.

Одинокою птицей, как в чужие края,
В твое сердце стремится и песня моя.
Ты незваную гостью, конечно, не ждешь,
Потому что теперь не одна ты живешь.
Моя грешная песня в одном лишь грешна,
Что запретную грань преступает она.
Ведь под вечные чары пленительных жен
Попадали адамы с библейских времен.

О как я завидую с первого взгляда
Тому, кто с тобою находится рядом.
О как мне обидно и как мне завидно
Рукам, что тебя обнимают бесстыдно.
Я страстно бушую и сердцем кляню я
Того, кто срывает твои поцелуи.
В душе кровоточит глубокая рана...
Как жаль, что к тебе не приставишь охраны.

Аж мороз прошел по коже -
Увидал твою я дочь...
Как похожа, как похожа
На тебя она точь-в-точь!
И волнуясь, и смущаясь,
Словно вкопанный стою,
И гляжу, не отрываясь,
Я на копию твою.

Если б не было в мире влюбленных,
На земле тогда было бы грустно.
Не услышать бы песен любовных,
Не узнать бы про нежное чувство,
Про интимные жаркие речи,
Про запретное райское древо
И про тайные грешные встречи,
Начиная с Адама и Евы.

Ты прости, приятель мой, эту мне вину,
Что смотрю я пристально на твою жену.
Я когда-то, в молодости, был в нее влюблен,
Вот и вспоминается этот давний сон.
Не грусти, приятель мой, и не будь сердит,
Что твоя желанная на меня глядит.
Вспоминает, видимо, тоже и она,
Как в кино мелькнувшие, кадры того сна.

Шагала по пляжу пикантная дама,
Пикантная дама эпохи Адама.
И шли с нею рядом и справа, и слева
Два парня-нудиста, как грешница Ева.
А девушки-модницы им подражали
И юбки свои бесконца подрезали...
Иной раз шагает навстречу невеста,
А юбка - до самого грешного места.

Ах, как осязательны пальцы твои,
Ты ими по телу скользишь, как слепая,
Все самые жгучие тайны мои,
Сквозь кончики пальцев на сердце читая.
А тайна одна, что в душе берегу,
Ее я давно в своем сердце лелею:
Я жить без тебя уже врозь не могу,
А вместе - надежд никаких не имею.

Сияя глазами, как солнце весной,
Пришла ты на грешную встречу со мной.
И грустно вздыхала, и все повторяла:
«Мне стыдно, как будто я что-то украла...»
Не надо казниться, не надо стыдиться.
Кто волка боится, тот в лес не стремится.
А ты ведь себя у себя не воруеть,
Ты мне несказанное счастье даруешь.

Знаю: поздно или рано -
Я тебя не удержу.
Без измены и обмана
Ты мне скажешь: «Ухожу.
Я себя уже устала
У супруга воровать...»
Извини, но мне, пожалуй,
Очень трудно возражать.

От слов твоих - со мною - стресс.
Стреляла в душу ты прекрасно.
Ты - не Мартынов, не Дантес,
Но ранен я тобой опасно.
Про злоязычье говорят
С времен Христа не потому ли:
Для сердца злое слово - яд
И как отравленная пуля.

Когда мы с тобой расставались,
Кругом грохотала гроза,
И, как незабудки, казались
Твои голубые глаза.
Года пролетели стремительно
И все изменили в судьбе...
А ты незабудка, действительно,
Раз я не забыл о тебе.

Будто не было теплого лета, -
Облетели леса и сады.
Я грущу о тебе, только где ты?
Далеко ли уехала ты?
Да, теперь-то уж точно я знаю:
Ты опять не вернешься назад.
Все обиды тебе я прощаю
И прости, если я виноват.

Мне подруга твоя рассказала:
Вместо трудных студенческих книг
Ты стихи мои заново стала
Перечитывать, словно дневник.
Ты читаешь их с грустным волнением,
Допоздна не гася огонек.
И глядишь на свое отраженье,
Отраженное в зеркале строк.

Ах, березка-березонька, как тяжело
Приходить мне сюда без любимой подруги.
Ты всегда нас встречала тепло и светло,
Протянув свои нежные белые руки.
Ах, как скучно и грустно теперь одному
Вспоминать нашу светлую дружбу былую...
Дай, березка, тебя, как ее, обниму.
Дай, березка, тебя, как ее, расцелую.

Вновь о тебе напомнили цветы.
Мы часто с тобой в этом поле были.
Как васильками любовалась ты, -
Они все поле синью затопили.
О как с тобой сейчас мы далеки,
Разделены горами и лесами.
Глядят в глаза мне нежно васильки
Твоими васильковыми глазами.

Да, в моей памяти не тесно.
Кого там только нынче нет!
Ты заняла свое в ней место
Не на один десяток лет.
И пусть - забыла, пусть - не любишь,
Пусть мне с тобой не повезло,
Но свое место не уступишь
Ты всем соперницам назло.

Плывут на север с юга облака.
Возможно, в это самое мгновенье
И ты глядишь на них издалика,
Охваченная, как и я, волненьем.
Они в дыму густой голубизны
Плывут, плывут куда-то ошалело.
Плывут с твой курортной стороны -
И оттого на сердце потеплело.

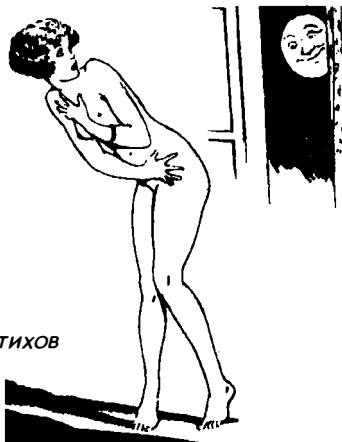
О тебе в с своей памяти свято
Очень многое город хранит.
Дом на улице, где жила ты,
По сей день невредимым стоит.
А вон техникум, где ты училась,
Вон места наших редкостных встреч...
Лишь любовь твоя не сохранилась,
Не сумела ее ты сберечь.

Все обнажила осень - лес и луг,
Все раздевает ветром непрестанно.
И без одежды голо все вокруг -
Сады и рощи, поле и поляны.
А ты, родная, ангельски чиста,
Сняла свою одежду и смутилась.
И предо мной в тот миг не нагота,
А красота смущенно обнажилась.

Не учеть и не счесть: сколько зерен стихов
В твое сердце посеяно было,
Но не дали они даже хилых ростков, -
Их засушь твоё иссушило.
Поливал твою душу я ливнями строк,
(Поливаю порою и ныне).
Все уходит в песок, потому и не смог
Оросить в твоём сердце пустыню.

Проверяя за папкою папку,
Я сижу за столом одинок.
Отбрал я из папок охапку
Лишь тебе адресованных строк.
Ах, как долго я шел к твоим высям,
Только все ж не добрался до них.
Слышишь стон неотосланных писем -
Неуслышанных строчек моих?

Нередкий раз за исповедь свою
Я сам себя невольно укоряю:
Не много ль о тебе я говорю?
Не часто ль о тебе я вспоминаю?
Но, если б мысли о тебе я смог
ВСЕ превратить в свои стихотворенья, -
Гора бы поднялась из нежных строк
И потрясла твоё воображенье.

Ни в сердце и ни в памяти нет о тебе забвения.
И чувства неостывшие, как прежде, горячи.
Прими мое признание, как веточку весеннюю,
Как сердца откровение, как солнышка лучи.
Такими откровеньями так просто не бросаются,
И я пою не просто так о прелести твоей,
Тогда прекрасна женщина, когда в нее влюбляются.
Тогда счастлива женщина, когда поют о ней.

Как будто ребяташек в первый класс,
Волнуясь и за них переживая,
Я не к тебе стихи свои сейчас,
А с откровеньем в люди провожаю.
Я откровений сердца не стыжусь
И не боюсь уж ничего на свете.
Лишь одного, наверное, боюсь:
Ты не заметишь откровенья эти.

**Цикл иллюстрировал художник
Николай Плотников**

Валерий ГОРДЕЕВ

ЧЕРНЫЙ ПОЛДЕНЬ

Повесть

СПЕЦХРАН АРХИВА ГРУ.

Из «Пичного дела» № 867/12 АНОУ.

<...> согласно собранной информации им были сделаны выводы, подкрепленные фактами и данными из заслуживающих доверия источников, следует: первый заместитель наркома иностранных дел СССР В.Потемкин в мае 1936 года имел неофициальную, тайную встречу (г.Каир) с видным еврейским деятелем Нахумом Гольдманом. В беседе с ним первый зам. наркома высказал полную личную симпатию и поддержку сионистскому движению на территории Трансиордании и в Палестине. Потемкин, давая оценку деятельности в этом вопросе руководства ВКП(б), лично тов. Сталина И.В., сожалел, что на тов. Сталина И.В. оказывают негативное влияние товарищи Каганович Л.М. и Мехлис Л.Д. (последний до революции был членом левосионистской партии Поалей-Цисн), что оба эти советские партийные деятели отличаются враждебностью к сионистскому движению.

Источник сообщает также о встрече по данному вопросу В.Потемкина с полномочным послом СССР во Франции - тов. Богомоловым. Впоследствии посол перевел определенные средства из представительского фонда посольства СССР на счет еврейского ученого и общественного деятеля Г.Аронсона, известного своей антисоветской работой «Сионизм и сталинизм». Главная идея данной работы и бесед первого зам. наркома СССР состояла в том, что на современном историческом отрезке времени важно даже пожертвовать в борьбе с коммунизмом полумиллионом евреев в Палестине или содержащимся в лагерях другим полумиллионом евреев, чтобы осуществить панмусульманский заговор против Советского Союза. Эту же идею разделяют и в Лондоне, - в связи с чем Источнику поручено английской разведкой проводить во влия-

тельных кругах арабской аристократии в Сирии, Египте, Марокко линию на замирение и сотрудничество с еврейскими организациями в Палестине.

<...> по итогам рассмотрения нашей информации принято радикальное решение Правительства СССР. С 1940 года В.Потемкин переведен на работу в Наркомпрос.

В 1937 году Источнику удалось установить тайную связь анархистского руководства (П.О.У.М.) с британской разведкой. Кроме того, эмиссары ПОУМ через посредничество агентов СИС, имели ряд встреч с германской агентурой на территории Марокко.

<...> вовремя принятые меры: на фронте под Арагоном был ликвидирован заговор и военный мятеж в дивизии ПОУМ, командование которой должно было открыть фронт франкистам; гитлеровско-троцкистский заговор был раскрыт и в руководстве ПОУМ, лидеры анархистов арестованы. Заговорщики рассчитывали и на помощь бывшего политика-либерала от Соцпартии Л.Кабальеро, чье правительство вынуждено было уйти в отставку. Но, вместо рвавшегося к власти предателя трудящихся масс Испании А.Нина из ПОУМ, Республиканское правительство возглавил тов. Х.Негрин, а военное руководство интербригадами передано тов. Андре Марти. <...>

Работа резидентуры. Выполняя задание зам. наркомзвездупра Источнику удалось почти невероятное: восстановить деятельность резидентской сети Генштаба Российской империи, действовавшей на территории Египта до 1916 года. Источник принял под свое начало глубоко законспирированную и внедренную до революции группу из состава русской эмиграции, которую создавал и возглавил в 1885 году нелегал российской военной разведки - генерал В.С.Голенищев. Под видом ученого-египтолога он по август 1940 года активно работал над сбором разведанных в Средиземноморье. Резидентурная сеть осведомителей генерала Голенищева после 1918 года была ориентирована на антисоветское военное командование русских кругов белой эмиграции. Имя Голенищева ученого-эпиграфика было хорошо известно и авторитетно в европейских кругах египтологов.

Операция по реанимации и активизации дореволюционной разведсети группы Голенищева - одна из самых блестящих и эффективных перевербовок ГРУ. Источник в 1941 году принял под свое начало 9 разведчиков-нелегалов, давших обязательство работать на ГРУ СССР <...>

В марте 1941 года Источник и его группа были задействованы Управлением в операции «Цепная реакция», проводившейся совместно ГРУ и ПГУ НКВД СССР на территории Европы, США, Ближнего Востока. <...> Силами египетской резидентуры было осуществлено внедрение агента ГРУ в Манхэттенский инженерный округ, организацию, производившую ядерные изыскания на территории США по приказу президента Рузвельта. Приказ: создать ядерное оружие. Благодаря сведениям из Египта, Манхэттена, Швейцарии (группа «Красная капелла» см. Дело №592/7 АНОУ) в оборонной промышленности СССР начались практические разработки по ЯО <...>

В 1942 году Источник помогает бежать на сторону союзнических войск (английский сектор обороны под Эль-Аламейном) 240 советским военнопленным под командованием полковника Хлебникова. Используемые в войсках «Африканского корпуса» гитлеровцев в качестве механиков в реммастерских, советские танкисты, попавшие в плен на Восточном фронте (Украина), впоследствии были использованы в наступательных боях союзных войск в Северной Африке (т.н. танковый разведбат 4-й бригады бронетанкового корпуса 8-й армии генерала Окенлека). В 1943 году резидентура Источника способствовала интернированию из Африки еще одного батальона из советских военнопленных, бежавших во время наступления союзных частей в Алжире из расположения противника. Батальон был принят советским командованием в Северном Иране, передан на территорию СССР. (см. Архив КГБ СССР, раздел «СМЕРШ», май-август 1943г. Внегосударственные операции). <...>

...Дело закрыто в связи с выбытием из состава спецкадров ГРУ агента «Клинок». Причина: гибель. Достоверность подтверждена спецкоммиссией группы внутренних операций ГРУ.

Хранить вечно. 7 раздел Спецхрана ГРУ.

2.06.1946г.

Принято на хранение 10.09.1956г.

«Найдется ли настолько дерзкий,
Чтоб богу смерти бросил вызов:
Попробуй жизнь мою похитить,
О, повелитель преисподней!»

ПАНЧАТАНТРА.

Глава VII ВОЗДАСТСЯ ВСЕМ - ПО ИХ ДЕЛАМ...

«Я сомневаюсь, что адмирал совершенно ничего не знал о готовящейся высадке союзников в Анцио. Не верю я также, что ему ничего не было известно о подготовке вторжения в Северную Африку. Герберт Вахман из Гамбурга сообщил ему точное местонахождение морских конвоев, предназначенных для осуществления операции «Торч». Может быть, Канарис имел свои соображения на этот счет, но он предоставил немецкому генеральному штабу и верховному командованию самим сделать необходимые выводы. Точно известно, что начальник абвера знал о предполагаемом выходе Италии из войны, однако в своем донесении генеральному штабу говорил обратное. Нельзя достоверно утверждать, что Канарис знал о поездке графа Гранди в Португалию, предпринятую для переговоров с союзниками, но он мог об этом узнать от своего коллеги генерала Чезаре Аме, начальника итальянской военной разведки, с которым он был в дружеских отношениях...»

И.Колвин. «Двойная игра».

«Руководитель разведывательного отдела штаба сухопутных сил фашистской Германии Гелен в обзоре положения на советско-германском фронте утверждал, что «на волжском направлении противник не намеревается в ближайшем будущем предпринимать крупные наступательные операции».

...в сводке о положении под Сталинградом главари абвера сделали такое заключение: «Для развертывания широких операций противник, по-видимому, не имеет достаточного количества сил».

И это, заметьте, говорится в самый разгар подготовки Советских войск к сталинградскому наступлению, в котором участвовало 11 наших армий, несколько отдельных корпусов, более 900 танков, почти 15 тысяч орудий и минометов, 115 дивизионов ракетной артиллерии, свыше 1100 самолетов!»

Сергей Остриков. «Военные чекисты».

«Советская Россия все равно, что оконное стекло; нужно только раз ударить кулаком и все разлетится в куски».

Начальник генштаба вермахта генерал Гальдер. Нюрнберг, август 1945г.

На исходе был победный май, а на берегу Датского залива во Фленсбурге союзники все еще позволяли хозяйничать нацистской клике. Правительство гросс-адмирала Деница и генштаб во главе с фельдмаршалом Йодлем продолжали осуществлять руководство войсками, немцами. Маршировали по мостовым роты, снимались с якорей корабли и лодки, тихо покидая в предутреннем тумане гавань. Почтенные горожане приводили в порядок садики и дворики. Все это мирно уживалось с расквартировавшимися английскими и американскими военнослужащими...

И если в восточной зоне, занятой советскими войсками, уже налаживалась мирная жизнь, выявлялись и арестовывались нацисты и их пособники, то на западе этот процесс выглядел иначе. Со-

юзники торопились выявить не столько преступные деяния каждого нациста-руководителя, сколько его деловые качества, возможности использования его в своих целях.

Советским контрразведчикам, получавшим сведения о том или ином важном фашистском чине, скрывающемся в западном секторе, приходилось не раз требовать его ареста. Не всегда это делалось оперативно, словно англичане и американцы прикидывали - стоит ли вылавливать преступника или дать ему возможность скрыться, обеспечить нужному человеку прикрытие...

В Люненбурге союзники доверили ночное патрулирование бывшим военнопленным, выпущенным из фашистских концлагерей. В парный патруль попали и двое русских - солдаты Иван Сидоров и Василий Губарев. После комендантского часа друзья по неволе, покинув здание комендатуры, вышли на улицы городка. Разговор уже который день сводился к одной и той же теме - когда разрешат вернуться к своим.

Волжанин Сидоров был более экспансивен. Он настаивал на немедленном уходе в восточную зону - там, мол, скорее во всем разберутся, свои же ребята... Осторожный Губарев отговаривал товарища от опрометчивого поступка.

- Ты, Иван, не горячись. Не зря у нас на рязанщине говорят: тише едешь - дальше будешь! Ну представь себе, рванем мы от англичан, до своих не успеем добраться, как нас без аусвайсов опять их патрули выловят и - в лагерь. Все сначала: проверки, перепроверки, здесь же заступиться некому, да и в лагерь опять же другой попадем, а нас там никто не знает, удостоверить личности наши некому. Вот и закрутится карусель... Опять же - приказ был всем находиться в местах, где зарегистрированы. Специальная советская комиссия нас принимать будет. Уж таков порядок, а там глядишь - домой отправят - май-то кончается, теперь уж скоро...

- Может ты, Василек, и прав, - начинал сомневаться Сидоров, - здесь нас не неволят, вот - работенку доверили не пыльную, кормят, как на убой, придет срок - замаршируем на восток, до дома, до хаты, пока доберемся - глядишь и Волга ото льда освободится, водица прогреется - окунусь в нее - вроде, как отмоюсь от всякой нечисти, все ранки и рубцы залечу...

Только зря ты, Василек, про «тише, да дальше» вспомнил, как бы это «дальше» боком нам не вышло. Все-таки мы кто для наших - хефтлиинги, пленные?! А как, да что, - разобраться некогда будет - не одни такие. Вот и двигайте, ребятки, в края дальние, земли сибирские. Вчера я с капитаном английским в комендатуре говорил, Мур его зовут, знаешь - переводчик ихний?

Вот-вот, он рассказывает, что чуть ли не каждого второго из наших туда отправляют и еще скалятся, гад!

- Ну вот, - прервал товарища Губарев, - а ты - рванем! Рванем - как раз напрямиком в эшелон дальнего следования. Скажут, что приказам подчиняться разучились.

В это время из-за ближайшей ограды садика на мостовую вышли трое. Губарев резко прервав речь, шагнул навстречу:

- Стой! Ваши документы!

Сорвав с плеча автомат, Сидоров тоже шагнул к незнакомцам. Некоторое замешательство этих людей, вызванное неожиданным столкновением с патрулем, прошло, но они продолжали молчать. Одеты все трое были в цивильные костюмы, шляпы. Двоим на вид можно было дать лет по пятьдесят, третий - молодой, высокорослый парень, спортивного вида, сразу же привлек внимание патруля. В его фигуре чувствовалось напряжение, он чуть двинулся вперед, как бы заслоняя собой спутников. Сидоров, внимательно наблюдавший за ним, резко повел стволом автомата в сторону задержанных:

- Руки поднять! - И повторил за товарищем:

- Ваши документы!

Худощавый мужчина в очках дотронулся до плеча молодого:

- Спокойно, Отто, нужно подчиниться... От судьбы не уйдешь.

- Яволь, герр Миллер, - расслабился тот.

Василий Губарев тихо проронил, переходя на русский язык:

- Иван, видно офицеры переодетые! Смотри в оба!

- Руки на затылок! - зло, по-немецки, выкрикнул Иван. - Вперед марш! - И, шагнув на дорогу, пропустил задержанных.

В комендатуре, куда патрульные привели ночных прохожих, долго не разбирались. Некогда было дежурному офицеру. Он вызвал машину и велел Сидорову и Губареву проводить задержанных на окраину Люненбурга, где размещался лагерь для гражданских лиц.

В лагере содержались немцы, подозреваемые в связях с нацистами, задержанные без документов. Это был своеобразный сортировочный пункт. И более трех дней в нем никто из задержанных не находился. С утра и до обеда сотни две человек из лагеря приводили в порядок цеха и территорию черепичного завода, пострадавшего от бомбардировок. Они нехотя копошились в карминовой пыли, покрывавшей тут все, разбирали завалы. Над лагерем стоял густой хруст осколков черепицы, по которым топтались задержанные.

После обеда, с двух часов дня, начинала свою работу следственная комиссия, которая не особенно придирчиво рассматри-

вала до полусотни дел, задавала вопросы, выносила решения. Одних тут же выгоняли за ворота завода, других переправляли контрразведчикам под охраной.

Работа эта прекращалась к восьми часам вечера, и задержанные разбредались по помещениям, где они коротали ночь на тощих тюфяках, ожидая утра.

Охранялся лагерь из рук вон плохо. Двое часовых у ворот да двое патрульных, время от времени обходивших территорию по периметру, - практически и составляли ночную охрану. Правда, немцы, привыкшие к порядку, почти не совершали побегов, поживившись на судьбу, снисхождение комиссии.

Сюда и доставили патрульные задержанных в центре трех мужчин.

Разбуженный, заспанный и недовольный их приездом, помощник коменданта лагеря по режиму вызвал часового и отправил привезенных в цех, где было оборудовано спальное помещение.

Но часа в три утра лейтенанта вновь подняли с постели. Часовой доложил, что к нему хочет обратиться один из задержанных.

- Пусть терпит до утра! - гневно закричал помощник коменданта, - я ему не горничная с ночным горшком! Что за недержание?

Наклонившись к офицеру, солдат что-то зашептал ему в ухо, вновь выпрямился и развел руками.

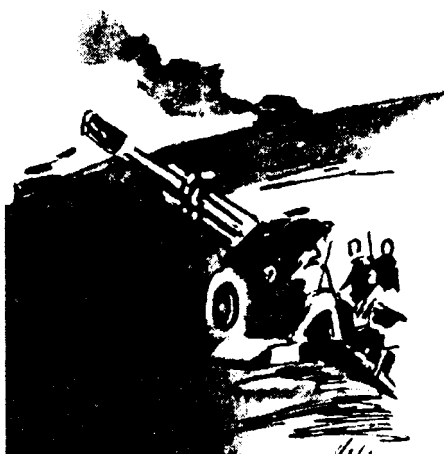
- Что? - вскочил с дивана лейтенант. - А ну, давай его сюда!

Вошедший судорожным движением поправил пенсне, затравленно оглянулся по сторонам.

- Слушаю вас? - подошел к нему лейтенант.

- Я хочу сделать заявление, - вяло откликнулся вошедший, - моя фамилия Гиммлер, я - рейхсфюрер войск эсэс. Один из руководителей этого, разбитого вами, государства...

Человек горько усмехнулся. Затем лицо его приняло жесткое выражение, натянулась кожа на скулах. Лейтенанту даже показалось, что он стал выше ростом, и заговорит сейчас властно, приказным тоном. Невольно английский офицер вытянулся перед этим

человеком, рука судорожно поправила сбившийся набок узелок галстука...

- Я требую,- зазвенел голос задержанного,- доложить обо мне вашему командованию и соответственно моему чину относиться ко мне, создать приемлемые для жизни условия, пищу...

Он еще продолжал говорить, а лицо англичанина начало резко багроветь, он зачем-то сдвинул узел галстука набок, резко шагнул вплотную к этому страшному человеку и заорал, захлебываясь словами:

- Шваб! Проклятые... Он мне... диктовать... тебе не место надо... стрелять!

Несколько успокоившись, но все еще испепеляя взглядом съевшегося от крика задержанного, лейтенант отвернулся от него, прошел в угол комнаты, сел за стол, зло бросил:

- Подойди сюда! Чем ты докажешь, мокрица чертова, что ты - Гиммлер? Чем?

Ночной звонок в комендатуре тоже поднял со сна дежурного офицера. Он выслушал сообщение. Помолчал в недоумении, попросил собеседника еще раз повторить сказанное, положил трубку на стол и по другому телефону стал вызывать коменданта города майора Дугласа.

Доложив, и выслушав указания коменданта, дежурный офицер больше уже не отходил от телефона. Он связывался то с одним абонентом, то с другим, объясняя им ситуацию, докладывая. И одно имя, имя страшного палача, главы мучителей народов Европы - Гиммлера, произносилось тише, чем остальные фразы, даже с некоторым почтением.

Представитель штаба экспедиционных войск и двое руководителей контрразведывательных органов из войск США и Великобритании еще находились в пути к Люненбургу, когда в комендатуре произошла трагедия, о которой впоследствии заговорил весь мир.

Антропологическую процедуру проводил гарнизонный хирург капитан Манкель. Сидевший перед ним полуголый человек зябко поеживался от прикосновений рук врача. Капитан то и дело заглядывал в специальную справку об особых приметах руководящего состава нацистов вермахта, но на сей раз не перелистывал ее, все сведения о человеке сидевшем перед ним были изложены на первом листе справки. И это еще раз подтверждало высокое положение Гиммлера в фашистском рейхе.

В другом углу комнаты трое офицеров с пристрастием рассматривали предъявленные задержанным документы, удостоверяющие его личность, осматривали его верхнюю одежду.

Комендант Люненбурга майор Дуглас еще час назад и не предполагавший о начавшемся переполохе в его комендатуре, отдуваясь и тяжело передвигая свое тучное тело по кабинету, разговаривал с человеком, назвавшимся Гиммлером. Но разговор этот скорее походил на размышление вслух, которым занимался майор. Собеседник его лишь изредка и односложно отвечал на вопросы, видимо, хорошо понимая, что судьбу его будет решать не комендант, а чины союзнических войск куда выше рангом.

- Почему же именно в Люненбурге заявил о себе, - то ли спрашивал, то ли негодовал Дуглас, - почему в Берлине русским не сдался? Не сбежал в Киль? Есть ли в этом умысел? И чтобы такой всемогущий человек скитался по рухнувшей на колени стране, среди руин, а потом сдался оккупационным войскам где-то в паршивом городишке!

...Здесь что-то не так! Ведь у нас только и ждут, чтобы переломить хребет этому господину в пенсне, этому изуверу фашизма. А? Молчите, герр Гиммлер, или как там вас еще?..

В это время один из трех офицеров, кто занимались проверкой документов задержанного, удовлетворенно хмыкнул:

- Точно, сэр! И номера партийного и эсэсовского билетов сходятся, похоже, что это не фальшивка.

- Ну что же, - Дуглас продолжал перемещаться по комнате, - тем хуже для вас, герр Гиммлер. Тем хуже... Теперь-то уж точно ваша веревка намылена, осталось накинуть петлю вам на шею.

Дверь кабинета распахнулась, и в помещение влетел полковник английской армии, контрразведчик Симпсон. Этот пройдоха, быстро делавший себе карьеру в фронтовых условиях, теперь переключился на работу по поимке нацистских преступников. Дело это было и видное, и приносило, кроме авторитета, известные материальные дивиденды. Узнав о случае в Люненбурге, Симпсон, благо он находился недалеко от городка, очертя голову помчался к «заветному пирогу», радуясь, что он опережает своих коллег из штаба, которых за глаза величал «чинушами».

За ним ввалились его подчиненный и друг лейтенант Пругер, немец по происхождению, здоровый верзила ирландец - шофер О'Нил.

Дуглас, увидев полковника, скомандовал офицерам и двинулся к Симпсону с докладом, но тот лишь махнул рукой на коменданта, бегло огляделся, приветливо, как старому знакомому, подмигнул Гиммлеру, затравлено озирающемуся по сторонам, и заорал, обращаясь почему-то к Пругеру:

- Что за люди? Освободите помещение! Кто посмел вести допрос? Разве вы не знаете, господин майор, о порядке производства подобных дел?

Майор Дуглас недолюбливал этого шумного выскочку Симпсона, который надо- не надо - лез на вид к начальству, из простых фактов городил секретные дела, любил покрасоваться в период боевых действий на командных пунктах в войсках, своим видом и едкими вопросами нервировавший строевых офицеров во время дела. Поэтому комендант, надувшись и приподняв грудь, попытался осадить полковника:

- Сэр, здесь не допрос! Мои подчиненные пытаются установить личность этого человека, в чем я не вижу криминала, это ведь и наша обязанность!?

Понимая, что спорить с комендантом сейчас - даром терять драгоценное время, выигранное у штабистов,- Симпсон примиряюще положил руку на плечо Дугласа:

- Хорошо, хорошо, майор. Я не спорю - долг службы - есть долг. Но сейчас необходимо, чтобы как можно меньше людей присутствовало в кабинете, когда начинает свою работу разведка. Это, я думаю, вам разъяснять не нужно?

- Пругер, пусть все выйдут,- настойчиво повторил Симпсон,- все, кроме доктора и коменданта.

Дуглас, обиженно пыхтя, двинулся к своему столу, разведчик уселся на стул прямо против Гиммлера.

Та скорострельность, с которой велся разговор, ввергла Гиммлера в уныние, он хорошо понимал, что этот деловой полковник сейчас вцепится в фюрера эсэсовцев, и главу разведок Германии как породистый королевский бульдог, и начнет его потрошить, добываясь сведений, которыми затем можно шантажировать и самого Гиммлера, и выторговать ими себе блага.

- Да,- думал он,- началась эта лихорадочная игра, в которой он теперь не главное действующее лицо, а только фигурка в руках смекалистых и деловых победителей. И чем больше он будет открывать им секретов рейха, тем меньше будет стоить его фигурка в этой игре.

А Симпсон уже вел свою партию.

- Итак, доктор, чем вы нас порадуете,- обратился он к капитану Манкелю, деловито вытиравшему полотенцем руки. - Что скажете вы, специалист,- Гиммлер это или фальшивка, рассчитанная на дураков? Бумажки-то они научились в своих лабораториях готовить на любой вкус. А вот телесные атрибуты: голова, зубы, уши, нос - явные улики, не так ли, герр Гиммлер. Вам это известно лучше, чем мне!

- Перед вами тот человек, чьим именем он назвался,- коротко подтвердил доктор. - Правда, без соответствующего вывода комиссии, я никаких подписок не дам.

- Не имею чести знать вас, полковник,- заговорил вдруг задержанный,- но мне хотелось бы уточнить кого вы представляете и долго ли будет эта унижительная процедура опознания. Я уже не раз требовал встречи с представителями вашего генералитета, надеюсь для них слово рейхсфюрера, хотя и бывшего, не потребует дальнейших уточнений.

- Заговорил, голубчик,- удовлетворенно потер руки Симпсон,- заговорил! - и продолжал дальше:

- Вспомнили былую вседозволенность, герр Гиммлер? А? Все! Больше нет вашей замуштрованной Германии, ни бесноватого фюрера, есть только неясное, но короткое будущее, да, возможно, та веревка, о которой здесь распространялся комендант!

И откинувшись на стуле, полковник ждал, когда Пругер закончит переводить.

Но не дослушав перевода, вскинулся Гиммлер. Близоруко щуря глаза, он зло выталкивал слова:

- Германия была, есть и будет! Вы поставили на колени народ, а дух национал-социализма жив! И он еще понадобится и англосаксам, вы придете собирать к нам рассеянные по Европе крупицы нашего опыта...

Пругер не успевал переводить, Симпсон жестом остановил его, придвинулся вплотную к нацистскому главарю:

- Вы уже месяц, как стали никчемной фигурой. Ваш пастырь Адольф предал вас анафеме, как только узнал о ваших переговорах через принца Бернадотта. И молитесь богу, что в паучьи лапы Адольфа тогда попал только ваш выкормыш Фегелейн. С него живьем сдирали шкуру в бункерах рейхсканцелярии, прежде чем застрелить. Вам тогда не было больно, герр Гиммлер? Его муки не рвали вам сердце и душу?

Вы для нас не более чем мешок, набитый полуобесценившейся бумагой. Потому полемику мы не будем вести. Отвечайте на вопросы, и от ваших ответов будет зависеть наше к вам расположение. Не как к начальнику полиции и министру внутренних дел бывшей империи, а как к свидетелю, который много знает.

Первый вопрос, и от точного и полного ответа на него будет зависеть искренность наших дальнейших отношений,- все ли архивы СД и абвера уничтожались? Если какая-то часть их пряталась, то где, кем и когда?

Симпсон начинал «большую раскрутку», так он любил называть форсирование событий, обострение ситуаций, когда чутье подсказывало ему, где и чем можно выдвинуться из-за спин то-

варищей по службе. Момент истины, добыча сведений в самой неподходящей и горячей обстановке - этими психологическими пассажами, опытами славился полковник, этим он гордился.

Пругер переводил и писал протокол допроса в своем объемистом блокноте одновременно.

- Я думаю, что вы представляете «Джей-Ай-Би» - объединенное разведывательное бюро королевства, - задумчиво произнес Гиммлер. - Я прав? Тогда вам должно быть хорошо известно, полковник, что все еще свободен шеф гестапо, группенфюрер Мюллер, жив и здоров этот выскочка Гелен, продолжает действовать «хохдойч» - абверовец Лахузен... Разведка не погибает с армией, она - кровеносные сосуды народа. А это значит, что все, о чем вы спрашиваете меня, еще является особым секретом нашего государства.

- Послушайте, вы, - у Симпсона резко запульсировала жилка на виске, он решительно пошел в атаку, - неужели вам не понятно, что вы уже мертвец, у меня, и вам это известно доподлинно, найдутся способы погуманнее, чем у ваших гестаповских палачей, но достаточно эффективные, чтобы изувечив ваше дряхлое тело, сохранить мозг в здравии, развязать вам язык. Даже если мне придется пристрелить вас, что повлечет мое увольнение из армии, а возможно и тюремное заключение, то я с гордостью пройду через этот позор, ибо в глазах замученных вами народов я буду героем - орудием мести в их воспаленных ненавистью сердцах. Надеюсь, вы тоже отлично меня понимаете?!

Симпсон откинулся на стуле, ожидая пока Пругер закончит переводить, и только сейчас обратил внимание на доктора, который безуспешно пытался вставить в разговор хоть слово.

- В чем дело, капитан?

- Простите, господин полковник, но мне необходимо закончить еще одну процедуру, осмотреть полость рта этого человека, - Манкель кивнул на Гиммлера, - дело в том, что при осмотре его вещей найдены две ампулы с ядом. И я боюсь...

Видя, что Симпсон взорвется сейчас злобой на доктора, помешавшего его обработке Гиммлера, майор Дугдас оторвал взгляд от бумаг на своем столе, хрипло прервал Манкеля:

- Я думаю, сэр, это освободит вас от присутствия еще одного свидетеля секретной работы. - Усмехнувшись, он продолжал. - Таков порядок. И чем точнее он будет соблюден, тем меньше вам придется потом оправдываться перед начальством. Да и мне тоже.

Симпсон хорошо понимал, что затеянная им афера повлечет

гнев начальства не только по отношению к нему, но и к Дугласу. Мысль, пришедшая на ум во время этого разговора, должна была тоже помочь в обострении ситуации, потому он вскинулся со стула, выражение его лица ожесточилось, повернувшись к доктору, он отрывисто приказал:

- Заканчивайте осмотр!

Затем жестом подозвал своего шофера. О"Нил оторвался от дверного косяка и, громко топая обувью, двинулся к полковнику. Тот незаметно подмигнул Пругеру - «Переводи!», и приказал О"Нилу:

- Как только доктор закончит осмотр, помоги этому джентельмену освободиться от лишней одежды. Потом заглянешь ему в те места, где он может еще прятать свои смертоносные ампулы. Да не церемонься с ним!

Услышав последние слова, Гиммлер вздрогнул, его мозг пронизало чувством брезгливости, страха, безысходности. Закатив глаза, он обостренно ощущал, как пинцет доктора скреб по его зубам, еще мгновение и он наткнется на вмонтированную в последнем дупле зуба нижней челюсти ампулку с цианистым калием, и тогда будет длинная ночь его заката, мучений. Его - повелевавшего почти миллионной армией отборных парней из эсэс, владевшего душами сотен миллионов недочеловеков во всей Европе...

Гиммлер глубоко вздохнул и с каким-то отчаянием, почувствовав, что пинцет скользнул на тот самый зуб, почти бездумно и обреченно сомкнул челюсти. Он еще слышал, как заорал доктор, ощутил хруст на зубах, судорожно сглотнул слюну, вывернулся из рук схватившего его за плечи шофера и рухнул на пол.

ДЯДЯ

«Эвентки долго не могли понять, что от них хотят и что такое «шпионаж в пользу Японии». Щурили узкие глаза и все же согласились с тем, «что действительно готовили восстановление с целью присоединения своего поселка к Японии».

Дали «агентам самураев» по четвертаку срока. Но они вместо благодарности за щедрость начали умирать еще в Красноярской тюрьме. Сначала просили хором: «Либа! Либа!» Рыбы им хотелось сырой, ничего другого есть не могли... Обвинили их в измене Родине».

ДМ.БЫСТРОЛЕТОВ. АГЕНТ ПГУ НКВД. «ЧЕРНЫЕ КНИГИ».

12.08.41. «Гюнтеру не нравимся. «Голиков не достаточно компетентен и молод». В общем русскую секцию или отдел в военной разведке возглавляет немецкая сволочь!»

Ф.ГОЛИКОВ. РУКОВОДИТЕЛЬ СОВЕТСКОЙ ВОЕННОЙ МИССИИ ПО ЛЕНД-ЛИЗУ В США. «ДНЕВНИКИ НАЧАЛЬНИКА ГРУ».

И.СТАЛИН - ЛОРДУ У.ЧЕРЧИЛЛЮ. Сентябрь 1941г.

«Я понимаю, что настоящее послание доставит Вашему Превосходительству огорчение. Но что делать! Опыт научил меня смотреть в глаза действительности, как бы она ни была неприятна, и не бояться высказать правду, как бы она ни была нежелательной».

Маршал Василевский хорошо понимал, что обращаться к Сталину с просьбой, которую он высказывал сейчас по настоянию руководителей советской военной разведки, чревато неожиданными последствиями. Но начальник Генерального штаба Красной Армии также понимал, что с данной просьбой к Сталину может обратиться только он, второе после Верховного Главнокомандующего лицо в армии. Кроме того, «хозяин» должен был помнить, как полтора года назад он сам и в присутствии Василевского принимал участие в судьбе человека, о котором намерен был докладывать ему вновь маршал. Немаловажным было и то, что Сталин фактически упрекал тогда и руководство ГРУ, и Василевского, и, почему-то, даже Берия, в том, что они недооценивают работу агента-нелегала. Руководителя резидентуры ГРУ в Северной Африке. Фактически, своим донесением, спасшего жизнь самому Сталину...

Выслушав просьбу маршала, Сталин вызвал в кабинет заведующего своим секретариатом генерала Поскребышева.

- Напомни-ка нам с маршалом - сколько и каких генералов-предателей находится в плену у Гитлера...

Квадратного вида, в обвисших с ягодиц брюках - от постоянного сидения в кресле - Поскребышев не моргая смотрел на «хозяина». Методично, словно зачитывая письменную справку, выдал информацию:

- В офлаге XIII Д под Хаммельбургом фашистское командование содержит 42 бывших генерала Советской Армии, сдавшихся в плен на поле боя. Среди них находятся: бывший герой Советского Союза, бывший генерал Шепетов, бывший командующий 5-й танковой армии Потапов, бывший генерал ГРУ Самохин, бывшие штабные работники фронтовой структуры, бывшие генералы Артеменко, Понеделин, Привалов, бывший комбриг Лазутин... На сторону врага перешли и служат фашистам, создав так называемую русскую освободительную армию изменников Родины: бывшие генералы Власов, Трухин, Благовещенский, Шатов, Жиленков, Богданов, Наумов, Малышкин, - товарищ Сталин.

- Врешь, Поскребышев! Среди предателей Родины и всякой другой сволочи - нет и быть не может товарища Сталина! - мрачно отшутился «хозяин».

Поскребышев же боялся даже улыбнуться, тянулся - руки колесом по жирным бокам - «ел» глазами Верховного. Молчал.

- Да сколько же этой сволочи переметнулось к врагу... И не только, - заметьте, маршал, - в период нашего вынужденного отступления, но и вчера. Сегодня! Когда мы выбиваем фашист-

ские войска из Пруссии, Прибалтики, наступаем на территории европейских стран... Сколько еще у нас среди советского народа, на двадцать восьмом году создания государства рабочих и крестьян, при руководящей и единственной партии большевиков, - врагов этого народа, нашего государства?! Плохо работаем мы с кадрами. Не учимся этому делу должным образом, хотя об этой проблеме нас в свое время и своевременно предупреждал товарищ Ленин...

Сталин сидел за столом, чуть раскачиваясь, и горестно в такт речи кивая головой:

- Товарищ Василевский, я хочу вам напомнить, что и мой сын - старший лейтенант Джугашвили у немцев в плену... И на политбюро тогда мои товарищи и соратники предлагали мне провести переговоры о его судьбе с Гитлером. Обменять Якова на нескольких его генералов, плененных нами в боях на Украине. Вы знаете, что я тогда ответил? Я задавил в себе понятное сентиментальное чувство отца к судьбе своего сына. Я и сейчас должен думать о многих тысячах сыновей наших, которые нам не менее дороги, которые тоже испили горькую чашу вражеского плена.

Понимаешь, генерал, - Сталин «высверлил» взглядом широко распахнутые, выбеленные глаза Поскребышева, - наше военное-разведывательное ведомство просит меня помочь отыскать в плену и выменять у гитлеровского командования их очень ценного агента - генерала ГРУ, который принес нам немало пользы в довоенное время и в первые годы войны. Маршал сам лично принес мне эту просьбу...

Но ни товарищ Василевский, ни наш Генеральный штаб, которым он пока руководит, ни разведывательное управление не знают, где содержат этого генерала немцы. Они не знают даже точно, что он сейчас в плену и на территории Германии. Они все это предполагают по косвенным фактам!

А товарищ Сталин должен за них добыть точные сведения, планировать операции по его вызволению из плена, думать за них. Работать за них, так бездарно разбазаривающих наши самые ценные разведкадры!

Сталин незаметно сглотнул горькую от желчи слюну, во гневе изнутри наполнявшую его рот. Сморщился лицом от омерзения. Глубоко вздохнул, придвинул от края стола стакан с остывшим приторным чаем, глотнул из него. Отставил стакан, жалобно звякнувший в подстаканнике. Махнул рукой Поскребышеву - уходи!

- Товарищ Василевский, я не могу дать разрешение Генштабу

и его самой секретной и оперативной службе - разведке - сейчас, в период таких широкомасштабных наступательных операций советских войск по всему фронту, хоть на сутки, хоть на час - отвлечь от этих первоочередных задач хотя бы одного работника, офицера. Даже солдата! Мы ежеминутно теряем на поле боя наших людей, наших сыновей. И в солдатской форме, и в генеральских кителях...

Это не значит, что товарищ Сталин не сопереживает горю их родителей, их семей. Пусть в ГРУ и дальше занимаются выяснением судьбы нашего агента генерала Родофиникова, если я правильно помню его фамилию. Но меры принимать по его вызволению, если он в плену, в Германии, мы будем только после точного знания всех обстоятельств дела. Всех фактов. Фактов, маршал Василевский. Так и передайте своим разведчикам это решение товарища Сталина.

Полковник Степанов был включен в специальную следственную комиссию, которая занималась делом о самоубийстве Гимлера.

В порту Фленсбурга, где на борту крейсера «Георг» разместились члены комиссии, постоянно толпились журналисты. В западную печать уже просочились сведения о случившемся в люненбургской комендатуре. В газеты шли письма читателей с требованием наказать тех, кто проворонил нацистского преступника, с сожалением о том, что Гимmlеру удалось избежать суда, были письма и такого содержания, которое можно было свести к мнению: «собаке - собачья смерть».

Все это, включая неохотное решение разведывательных органов союзнических войск о расследовании, накаляло и без того нервную обстановку на борту крейсера. Потому Степанов заявил о своем желании побывать на месте совершившихся событий, в Люненбурге. Вопрос этот обсуждался недолго. Полковнику, вместе с его подчиненным, следователем капитаном Марининым, было разрешено в сопровождении лейтенанта Пругера выехать в городок, который неожиданно, благодаря прессе, стал известным всему миру.

Мелкий дождь засыпал дорогу, окрестные перелески, предгорья. Зябко поеживаясь, Пругер рассказывал о случившемся во время допроса в комендатуре Степанову. Тот развернувшись на сидении своим крупным телом, наклонив лобастую голову с высокой седой шевелюрой к собеседнику, внимательно вслушивался в его речь, стараясь в коверкающем акценте уловить правильный смысл русских слов.

- Мой шеф,- Пругер старался выгородить полковника Симпсона перед русским, членом следственной комиссии, от мнения которого зависела и их с Симпсоном дальнейшая судьба,- повел очень тонкую игру. Если бы в наши, а значит, и в ваши, господин полковник, руки попали бы документы СД, абверцев, или хотя бы сведения о тайниках, вы представляете, какая бы польза от этого была разведывательным органам. А получить эти сведения от Гиммлера можно было только использовав момент истины этой горячей ситуации. Опять же, если этот человек не являлся тем, за кого он себя выдавал, могло проявиться именно в таком форсировании событий. Не думайте, господин полковник, что решиться шефу на такой шаг было легко. Но он представил себе что начнется вокруг Гиммлера, попади он сразу в руки наших штабных крючкотворов, хуже того, бизнесменов от войны... Вряд ли об этом событии вы узнали бы так скоро и получили бы доступ к первичным документам допросов, не говоря уж о самом Гиммлере, о его тайнах и тайнах его разведок.

- Да,- усмехнулся Степанов,- представить себе иную ситуацию, значит довольствоваться тухлыми сведениями ваших руководителей. Что-то, а покрывать тайны рейха мраком, наводить туман они умеют. В этом можно бы и согласиться с полковником Симпсоном и вами. Но то, что он, опытный разведчик, не учел величия своего противника, его умозаключений, его болезненное самознание, страх перед расплатой, его иное понимание момента истины,- ведь Гиммлер сам нередко пользовался многими методами лучших разведчиков,- это было ошибкой. Явной ошибкой.

А скажите-ка, Пругер, где люди, что были задержаны вместе с Гиммлером? Может быть они прольют свет на главную загадку, как тот оказался в Люненбурге?

- К сожалению, господин полковник,- Пругер кисло улыбнулся,- в комендатуре оказались недостаточно расторопные люди, они упустили момент, да и в лагере не сразу поняли, какую ценность они могут представлять, позже ни одного из спутников рейхсфюрера не удалось обнаружить и выявить.

- Что, охрана лагеря недостаточно надежна?

- Ее, господин полковник,- опять покривился Пругер,- и не было в полном понятии этого. Да и кто всерьез будет охранять гражданских швабов, перепуганных и перекалеченных войной! Зато теперь уж точно там наведут порядок...

- Крепки мы все задним умом,- проворчал Степанов.

Он отвернулся от спутников, задумался, поглядывая в окно автомобиля. Да, не из легких досталась ему задачка. И сведения, как можно более точные и достоверные, нужно добывать, и с со-

юзниками не перессориться. Вот и рассказ этого лейтенанта из немцев еще перепроверить нужно. Не игра ли здесь его шефов, не подсовывают ли ему битые карты англичане...

Личный телохранитель Генриха Гиммлера - гауптшарфюрер Отто Лемке в один день потерял все. Под развалинами его дома, рухнувшего от бомбардировок союзнической авиации, погибла семья. После неудачных попыток рейхсфюрера вести переговоры с западными державами, они, переодетые в гражданские платья, скитались по северу Германии, в надежде пробиться сначала к Венку, затем гроссадмиралу Деницу. Хотя и это уже было равно самоубийству. Их вела, скорее, иллюзорная надежда, чем здравый смысл уйти на субмарине от позора, лечь в дрейф где-нибудь у берегов Бразилии, выждать момент и вступить на берег Латинской Америки...

Но уже одно то, что на них не было мундиров, знаков различия, эсэсовских регалий, столько лет наводящих страх на толпу, не было того, что органично воспринималось уже, как кожа, к чему выработалась привычка от «ночи длинных ножей», символически обезличивало их, ввергало в неуверенность, беспокойствие, раздражало. И когда здесь, в этом заштатном Люненбурге, о существовании которого Лемке и не подозревал раньше, они злым роком были брошены в застенки паршивого заводика, оплетенного колючкой, в компанию пропойц и бродяг, расплывшихся бургеров, и здесь он - карающая десница нации, его кумир и божество - Генрих Гиммлер вдруг пал духом, заговорил о несправедливости судьбы и божьем гневe, Лемке окончательно понял, что рухнуло все, - и годы безраздельной и фанатичной в своей преданности, службы рейхсфюреру, и вера в дух нацизма, и непобедимость фатерлянда, и смысл жить, нет не жить, скорее пресмыкаться дрессированной крысой дальше!

Отто Лемке, умеющий в мгновение ломать врагам кости, перебивать хребет, знающий приемы боевой борьбы и бокса, чувствующий каждый бугорок своего мускулистого и тренированного тела, обладавший почти феноменальным талантом в стрельбе и чутьем на настроение своего шефа, не стал в этой ситуации напрягать мозг, анализируя причины потерь, ища их первопричину. Он видел врага. Он чувствовал их, осязал их. Тех, кто разъезжал в джипах по его родине, кто топтал своими башмаками поля его соотечественников, кто был одет в эту форму цвета хаки, кто неумоимо, не сдерживая эмоций победителей, харкая жвачкой на мостовую, покупал за банку консервированной колбасы или пачку сигарет любовь истощенных немков, кто был и поведением дик, и ликом черен...

Отто клялся себе в том, что пока его мышцы в состоянии подчиняться воле воспаленного мезэнцефала, пока он владеет автоматом и ножом, он будет убивать их, грызть, топтать! Он ненавидел русских, этих варваров с красными звездами. Но ненависть его здесь была абстрактной. Лицом к лицу же с англичанами и американцами он встретился здесь, на севере фатерлянда, ощутил их плоть, их суть. Именно к беспощадной борьбе с ними и был готов Отто.

Часового он снял бесшумно и профессионально. Этот интеллигент, советник рейхсфюрера по политическим вопросам и связник между Гиммлером и принцем Бернадотом, звавшийся коротко и таинственно Хайнц, мелко дрожал и всхлипывал, пока Отто обтирал об одежду убитого англосакса свой десантный нож. Лишь после акции Хайнц поверил в крушение всяческих надежд. Когда шеф ушел сдаваться, они словно онемели от его малодушия, затем Лемке пришлось целый час уговаривать этого слизня Хайнца уходить из лагеря. С ними было покончено этим бездумным шагом рейхсфюрера. Ему теперь не нужны были ни советники, ни телохранители. Отто решил действовать на свой страх и риск. Но прежде нужно было вывести из игры, из этого лагеря Хайнца. Своими секретами, знаниями он мог навредить Гиммлеру. В том, что Хайнц расколется на первом же допросе, Отто не сомневался. Потому он потащил интеллигента за собой.

Нырнув под проволоку, Лемке и Хайнц спешно уходили в темноту. Чутье боевика и на сей раз не подвело Отто. Буквально через два часа, когда был обнаружен труп часового, случилась трагедия в комендатуре, весь Люненбург был поднят на ноги. Искали спутников Гиммлера. Но рассвет застал их уже далеко от места трагедии.

И ни Отто Лемке, уходящий с Хайнцем в горы, ни капитан Маринин и полковник Степанов, спешащие в автомобиле по дороге в Люнебург, не знали о том, что пути их, уже пересекавшиеся однажды, в 1941 году, вновь по воле судьбы сойдутся здесь, на севере Германии. И они, не знавшие друг друга, не подозревавшие о их встрече ранее, столкнутся лицом к лицу, сойдутся в смертельной схватке.

Как только Игнатий Степанов узнал в комендатуре Люненбурга от майора Дугласа, излагавшего суть дела о том, что Гиммлер был задержан его соотечественниками, он отправился в сборно-пересыльный лагерь, где работала советская комиссия по репатриации военнопленных.

Майор Ерашов, возглавлявший репатриационную комиссию,

был немало встревожен приездом чекистов. И пока в лагере разыскивали Ивана Сидорова и Василия Губарева, он, часто промакая залысины на голове носовым платком, все мельтешил по кабинету, пытаясь чем-то угодить начальству, понять цель их приезда или обнаружить - в чем же промахнулись его подчиненные, сортируя бывших пленных.

- Завтра, товарищ полковник, первую сформированную партию бывших узников концлагеря Бухенвальд отправляем в нашу зону, потом на родину. Всего их пятнадцать человек. Лояльность их, показания о пленении, автобиографические данные подтверждаются... Что еще я могу? Главная проверка - там у нас на месте. Ваши коллеги более опытные в этих делах. Думаю, вражина какой - не проскочит мимо них.

- Да вы садитесь, майор, садитесь,- недовольно поморщился полковник Степанов,- скажите-ка мне лучше, всех ли русских опросили, со всеми ли познакомились?

- Почти, товарищ полковник! - Ерашов застыл перед начальством, вытянулся. - К сожалению, перепроверки много времени отнимают, потом очные ставки с теми, кто друг другу может подтвердить автобиографические данные. Но старался увидаться со всеми, предупредить о работе комиссии. А то английские, и особенно, американские вербовщики, так и выются вокруг наших ребят...

- Так вот,- перебил его Степанов, вновь махнув майору: «Садитесь!»- например этих - Губарева и Сидорова запомнили? Нет ли их в этой первой партии возвращаемых?

- Знаю их, товарищ полковник,- кивнул головой майор, пробиравшийся за столом к табурету, и застыл опять вытянувшись,- Сидоров - почти земляк мне, тоже волжанин. Ребята они вроде «чистые», но вот последнее время уж больно часто вокруг них вербовщик один, из американцев, увивается, о чем-то шепчется подолгу, подарки разные таскает им, даже доллары, по-моему, дает... Я решил к ним пока присмотреться, еще разок по душам поговорить.

- Они вам ничего не рассказывали о том, как у англичан в коммандатуре службу патрульную несли? - насторожился Маринин.

- Нет, об этом я их не спрашивал. Патрулировали тогда многие. Харч-то союзнический нужно было отрабатывать...

В это время в кабинет, постучавшись, вошел сержант, посылавшийся за патрульными.

- Товарищ полковник, бывшие военнопленные Сидоров и Губарев доставлены по вашему приказанию.

- Давайте их сюда!- привстал в нетерпении Степанов.

Пиджаки у друзей были одинаковыми, немецкими, в клеточ-

ку, с широким хлястиком по талии. «Видимо, в одном магазине приодевались», - сразу отметил Степанов про себя. Сидоров был пониже ростом, и брюки английского покроя - обычные, форменные, солдатские брюки, топорщились на нем, как галифе до самых щиколоток. На ногах были немецкие же ботинки, которые носили горные егеря. Подошва их жесткая, толстая, вся резная, словно пирог, покусанный мышами. У Губарева брюки были обычные, штатские, но заправленные в хромовые сапоги. «А хромачи-то наши, - отметил вновь Степанов, - советского производства, офицерские».

Шапки друзья держали по лагерной привычке - в руках у согнутого локтя.

Недоуменные лица их словно бы испрошали: «Зачем же мы понадобились такому высокому начальству?»

- Проходите и садитесь, - пригласил их Степанов. - А вы, сержант, свободны! - Дождавшись, пока тот, прищелкнув каблуками, шагнет за дверь, продолжил:

- Не окажете ли любезность, майор? Найдете себе дело в лагере...

Задумчивым взглядом за окно проводив фигуру майора, вновь утиравшего платком лоб, полковник повернулся всем телом к патрульным:

- Ну, что, орлы, по домам пора? Поедете, поедете, но сначала должны помочь мне разобраться...

...

ИЗ БЕСЕДЫ ПОЛКОВНИКА ГРУ И СТЕПАНОВА СО СТАРШИНОЙ ВОЙСК НКВД И СИДОРОВЫМ:

«Давайте-ка, старшина, с самого начала, как от рождения Христова, о себе расскажите, мне это интересно».

«О чем говорить-то, гражданин полковник, у меня в прошлой жизни все - как у всех: родился, учился, служил, воевал... сидел».

«Откуда это у вас: «гражданин полковник»? Вы что, и в наших лагерях побывали!»

«Никак нет... Я ведь с сорок второго - в войсках НКВД, в «Смерше» служил, знаю, как положено арестованному к следователю обращаться...»

«Но вас-то я не арестовывал! И не моя вовсе это обязанность вашу судьбу решать... Так что давайте-ка все начистоту, без протокола, но подробненько обсказывайте. Все, что помнится, что было пережито».

«Вас понял. А вот начать с чего, не соображу... Да ладно, как смогу обскажу.

Родом я из Средневожского края, из-под Самары, то есть, виноват, из-под Куйбышева. Город наш - Мелекес. На речке Черемшане стоит. Отец каменщиком в промкомбинате работает. Мать - ткачиха на мешочной фабрике. Сестренка, должно быть, еще в школу бегают... У нас с ней разница в десять лет. Закончил десятилетку. В первой образцовой школе. После школы поступал в полиграфический техникум в Куйбышеве, да на физике срезался. Домой вернулся, тоже в промкомбинат пошел на работу - учеником каменщика. Трехэтажку строили мы тогда по Прониной улице... А тут в военкомат меня вызывают: пора, мол, в Красную Армию тебе, дружок, служить идти. Пора, так пора, забрили лоб и - в строен. Парень я тогда был налитой - гиревым спортом занимался в школе да и на стройке не булки пек... Вот и задвинули меня на Дальний Восток во флот. Из учебного экипажа через полгода только выпустили, нате-здрате - фашист напал. Попер немец, значит, по Украине-Белоруси, и вроде как остановить его там некому! Ну нас, мастросиков осеннего призыва, вместе кораблей - в поле с винтовочками отправили, стали учить, как по земле ползать, врага на «Ура!» в броске штыком доставать...

Под Смоленском уже наша отдельная бригада морской пехоты не в черных бушлатах, а в шинельках была. Пилотки на «лопухах», а не бескозырочки. Только и осталось от моря так - тельники. Мы в них воевать уважали. Чтоб фашист видел, с кем дело имеет, в атаки ходили - душа «полосатая» нараспашку!

Вот тогда меня впервой и шибануло по бугру осколком. Мина ихняя сзади ахнула - я лбом в землю мерзлую - стук... очнулся уже в ревире... Виноват - в санчасти бригадной. Руки-ноги не слушаются, а дернешься - блевотиной изойдешь! Ранение в позвонок, а к нему контузия общая. Лежу ровно ребяенок спеленатый... Хорошо еще транспорт скоро подоспел - нас, тяжелых, в эшелон - и в Москву, в госпиталь. Я с койки там только через три месяца подыматься стал. Ходить наново учился. Там и спину мне путево заштопали, тоже наново. Но все равно - до выписки в корсете, как барынька дореволюционная, гулял...

Старшина смолк. Отвернулся от Степанова, стащил с себя пиджак, задрал рубашу. На оголенной худой и бледной спине страшно выделялся посредине его выступающий хребта уродливый от хирургического «шитья» провал. След-память о смоленской атаке.

«Ладно, старшина, заправляйся давай! А меня страшать увечьями не следует. Я не малохольный какой штабник. У самого еще с восемнадцатого этаких рубцов хватает. Война - это же не ярмарка...»

«Простите, товарищ полковник. Вспоминать начал, так бугор вновь зазудел. А мне его еще и лагерные суки-капо блоковые отшибли...

Вышел я из госпиталя - ни моряк, ни вояк. Не урод - не мордоворот. Ветром качает...

Топая по Самотеке на сборный пункт отмечаться, догоняет меня эмка. В ней - майор госбезопасности. Подсадил и, пока ехали, он судьбу мою перешли: на сборном пункте документы сам выправил; меня в голицинские казармы пограншколы переправил; назначил командовать отделением пацанов-комсомольцев, голицинских фэззушников, добровольцев. Как я понимаю, готовили из них диверсантов по немецким тылам. Фронт-то у Москвы уже стоял...

«Фамилию майора помните? Как называлось это подразделение?»

«Фамилия его была еврейской - Тракторберг, чтоли... Нет - Трактенберг. Точно! А в казармах - диверсионная школа была. Но она-то, видно, была временно сформированной. Пацанов через пару недель кого куда: по домам, в ополчение, на окопы, а кто покрепче - тех в действующую... Я-то уже сержантские нашивки получил и - в заградотряды НКВД попал. Ими под Москвой - на Минском тракте - этот майор и командовал. За спинами сибирских частей стояли мы с пулеметами. Приказ был - с передовой ни одного дезертира не пропускать. Всех, кто бежал, пулеметами и отгоняли назад. Так что под Москвой фронтовикам выбора не было: либо фашист убьет, либо мы - заградники - пристрелим. А когда фронт сдвинулся, мы вслед пошли. Правда, уже на спецоперации нас часто забирали стали...»

«Какие спецоперации! Что-то помните! Рассказывайте подробнее: где, кто командовал, что за местность была, фамилии. Что помните...»

«Мало что помню, товарищ полковник. И время прошло, да и в лагерях здешних быстро от воспоминаний о советской жизни «вылечили». Больше помнится, как выжить старался, как зубы от бития выплевывал, как о хлебушке мечталось да голодом доходил до помертвения...

А в прифронтовой полосе ловили мы тогда дезертиров всяких, пленных конвоировали, автокловны к фронту сопровождали. Рота смершевская наша была усеченная - человек полста всего. Ротный - лейтенант Козькин - из призывников, лет сорока дыдка. Был у него и заместитель - сержант из энкведешных, кадровых. Дотошный спец... Волоченко его звали. А хозяйственными делами больше всего я занимался - уж старшиной в звании стал. Продукты достать, масла ружейного, транспорт заправить, баньку-там организовать бойцам...

Кочевали мы тогда вослед фронту, были под Загорском, стояли в Можайске. Потом пошли по Смоленщине - в Кармановском районе, были подо Ржевом, вышли к Белоруси. Там-то на немцев, в прорыв шедших, напоролись. Там меня и взяли в плен, суки эсэсовские...»

«Вы, Сидоров, говорили о специальных операциях. Видимо, вам приходилось участвовать в поимке вражеских диверсантов, разведчиков, участвовать в облавах! Вспомните, старшина, подробнее. Может быть, что-то неожиданным было в такой службе, что-то особенным, непривычным, секретным, может быть. Кстати, от того, как и чем закончится наш разговор, зависит и вся ваша дальнейшая судьба. Сроки вашего возвращения домой. Но среди всего - меня особенно интересуют спецоперации вашей роты в Смоленской области. Как вы называли район вашего базирования?»

«Кармановский, товарищ полковник. Это районное село там такое есть. Или городок маленький. У нас там место расположения было в райотделе НКВД. Тогда после немцев очень уж там голодно было - все фашисты, суки, сожрали в округе. Пожгли многое, многих постреляли... Мы в Карманово старались пореже бывать. У передовой, на рокадах да в хуторах - там повеселее жить было...

Вот помню, летом сорок четвертого бросили нас на патрулирование по лесным проселочным дорогам. Ждали какой-то самолет с диверсантами. Он не только пролететь, должен был и посадку произвести. Гражданские чекисты с нами ходили - подели нас на пятерки - и в поиск! Дня три-четыре по лесам шастали, все окольцевали. Подняли в ружье и милицию, и военкоматских коллег, и бойцов из комендатуры, дивизиона зенитчиков...

Ориентировка была, что диверсантов-то двое всего: мужик и баба, но очень они опасные, видно, были. Нас сутками мытарили, проверяли мы всех подряд - в таком деле и друг дружку пострелять немудрено было. Так вот у деревни одной - Батуровка, кажется - на лесной полянке нашли мы самолет ихний - он крылом об дерево хряпнул, мотор оторвал себе и улететь не мог. Летчиков там уже не было. Они в леса рванули, и их потом зенитчики подловили. А террористы эти привезли на самолете мотоцикл, на нем и прорвались к Карманову.

Наша группа наперерез им вышла ко Ржевскому шоссе. Утром тормознули мы мотоциклету, а там и вправду - мужик, майор-смершевец, и баба-офицерша. И документы у них в порядке все, и орден у майора на груди полно, даже геройская звезда была. Только мы под дождиком всю ночь мотались, грязные все, как черти, а они чистенькие, сухие, и мотоциклетка такая, словно и не моталась с ними по нашим общим делам. Хотя твердят, что в операции тоже задействованы...

Но мы и так уже заподозревали их. У самолета-то следы мотоциклетные «считали», на них и сориентировались. Взяли этого майора с бабой его под стволы. Обыскали мотоцикл, а там! Пистолеты, гранаты, мины, рация, куча денег, чистые документы - целая пачка, а главное - труба такая, вроде маленького фаустпатрона. Немецкая. Точно, потом сказали в НКВД, диверсантами они были. К Москве рвались. Не иначе - грохнуть начальника какого-то хотели, а тут мы. Их самих и скрутили».

«Дальше-то что, старшина! Дальше!»

«А дальше, товарищ полковник, амбей нашей роте пришел. Под Невелем эсэсовская часть в прорыве оторвалась от своих, выскочили они к селу одному - названия не помню, а там мы со своими пулеметиками. Да и то всего двумя взводами, часть людей лейтенант с собой забрал - колонну с ракетами для «Катюш» сопровождать...

Бой, конечно, приняли. Да какой там бой! У эсэсманов этих даже три танка было. Зашарахали они нас снарядами, голов не поднять, не то в штыковую! Мне тогда

пуля ключицу перебила, рука вывернута, не бегу - вихляюсь, автомат удержать не могу, не то что палить из него... В кровяще весь. Таким и повязали. Утянули за собой через фронт. Потом лагеря... Да я об этом писал уже два раза начальнику здешнему, что до вас тут сидел. Уже помнил все. Или еще раз рассказывать!»

«Рассказывать обо всем на надо. Это я уже прочитал в ваших документах, старшина. И меня интересует только одно: вы сидели в концлагере Моосбург под Магдебургом. Но это ведь спецлагерь для старших офицеров, для англичан, американцев, французоз, для немцев - политических заключенных. Там, кажется, наших советских солдат и даже офицеров не содержали! Как же вам удалось туда попасть?»

«А я, товарищ полковник, там и не сидел. У нас - obsługi из солдат - был свой барак в особой зоне, поодаль от основного лагеря. Пригнали нас туда, чтоб за офицеров - хефтлингов работать. Им же по международным правилам, которые немцы вроде бы соблюдали, нельзя было на фашистов горбатиться. Вот мы - поляки, русские да сербы - за них работали. Подсобниками на кухне, подметальщиками, мойщиками, санитарями, говновозами...»

«И что! Неужели не общались вы, obsługi, с военнопленными офицерами! Не сутками же вы под охраной ходили!»

«Нам, товарищ полковник, обращаться к ним было строго запрещено. И сами они там все были не простыми офицерами, в званиях не ниже майора по-нашему если. Бароны всякие, лорды английские. Одним словом, баре, лица высокопоставленные. И еще. Мы, подсобники, в лагерных делах были все новичками. В плен все попали только в последние месяцы, других концлагерей толком и не знали... Как я понимаю, в Моосбурге подобная команда долго не работала. Немцам лишние свидетели ни к чему. Полгода - и в крематорий! А на наше место новых бы набрали...»

«Как же вы уцелели-то, Сидоров! Или немцы пожалели!»

«Да не жалели они ни кого, товарищ полковник! У них в языке и слова-то этого, «жалость», нет, наверное. Уже поздней осенью несколько англичан побег заделали. Ну не побег - там же очень не разбежишься - скалы кругом... Не знаю как, но напали они на охрану у входных ворот. Там пропускной пункт был оборудован с двойной выгородкой. Вот в этом загоне из колючки и устроили они бой. Охрану почти голыми руками перебили. Захватили грузовичок, который продукты перевозил. Но в суматохе, видимо, ему по мотору пулей попало, и не пришлось им уехать...»

Часов шесть они провозвали. Немцы внутри лагеря всех по баракам загнали, эсэ-маны из Магдебурга въездную дорогу блокировали и ударили снаружи по лагерю, побили тех англичан. Досталось этим ребятам крепко. А меня и еще двоих поляков из obsługi оставили в основном лагере при ревиере-больничке, где эти бунтовщики, что в живых остались, доходили... Месиво из костей и мяса окровавленного! Смотреть было больно и страшно. А мы их обмывали после допросов, кормили, камеру подтирали, ту, где пытали их... Потом хоронили за лагерем, когда их гестаповцы расстреляли. За поселковым кладбищем. И вот тогда нас всех троих сначала тоже в гестапо забрали, в Магдебург. Допрашивали, не говорили, мол, эти хефтлинги о чем с нами! А через сутки - прямым ходом в Бухенвальд, на «переплавку» отправили. Не хотели, значит, чтоб мы с корешами из obsługi общались... Грешно говорить, но все это и бухенвальдская «командировка» меня спасли».

«Да, о том, что вы работали в бухенвальдском крематории истопником, я читал в ваших показаниях. Хотя и понимаю, что подневольно, что жизнь свою спасали, а все же жутковато, необычно. Вот и майор ваш, начальник комиссии по репатриации военнопленных, потому же, видимо, не решился пока дать однозначное заключение по делу вашему и вашего товарища...»

Может быть, Сидоров, у вас есть еще что-то, о чем вы умалчиваете! Я имею в виду не столько вашу моосбургскую историю, сколько службу бухенвальдскую!»

«Никак нет, товарищ полковник! Все, что со мной в Бухенвальде было, может подтвердить любой хефтлинг из тамошних, что живым остался. Да и Василек, напарник мой, Губерев, тоже обказаться может. Мы с ним с января сорок пятого вместе. Как чуяли, что разлучать нас, «истопникам», нельзя... Потом, товарищ полковник, я же хот и заградником был, все же - в «Смерше»! Знаю порядки тамошние. В моем деле, поверьте, все подробноeko запротоколировано, расхождений и в малости нет. Фактически точно изложено. По моему понятию - я ж теперь долго от этого дерьма отмываться буду... Вот и вы не просто так сюда, поди, приехали. Тоже «колоть» меня будете, перепроверять!»

«Я, старшина, сюда по делам не прошлым прибыл, а самым последним. Помните, как третьего дня вы в патруле троих немцев прихватили и сдали в комендатуру Фленсбурга! Вот об этом мы сейчас подробненько поговорим...»

«Виноват, товарищ полковник, так вы не совсем армейский офицер! Вы особист! Или из разведорганов!»

«А почему это вас, Сидоров, волнует? Армейский ли я чин, или чекист?»

«А если вы, товарищ полковник, из разведки, то есть у меня к вам сообщение. Обещал я одному человеку, как раз из моосбургских хефтлингов, англичан этих, что передам его слова последние, но только в разведотдел нашей части, если добраться мне до них повезет, дожить, то есть...»

«Что ж, старшина, у вас в деле нигде не отмечено знание вами английского языка, раз вы так запросто с англичанином общались! Или по-немецки с ним говорили!»

«Нет, по-русски...»

«Что! По-русски! Этот англичанин по-русски говорил! А как хорошо! И главное - о чем!»

«Так вы из разведотдела, товарищ полковник! Я же клятвенно обещал ему: или - в разведотдел передать, или... забыть все. Так и умереть с этим...»

«Давайте, старшина, не будем торговаться. Не в вашем положении сейчас старших офицеров перепроверять. Самому бы выпутаться из того, что наворопутили в последние годы... Был бы я не из разведорганов, а, скажем, смершевец, стал бы я здесь с вами антимонии разводять. Давно бы и того, чего не знаете, нарасказывали бы в подробностях... Сами же в спецчастях служили, имеете представление, как в наших органах работать с подозреваемыми умеют! Не так!»

«Так, товарищ полковник. Поэтому лучше сразу вам открыться, чем танть все до настоящего допроса.

Так вот там, в Моосбурге, ходил я за одним из этих англичан: обмывал, перевязывал... Избивали его сильно, да и ранен он был в грудь, ноги... А я так думаю, что он и не был англичанином даже. На непонятном языке, гортанном каком-то все бредил, беспамятный от боли; с виду - вовсе не светлый иль рыжий, - чернявый, горбоносый, армянистый такой. Или на еврея похожий. И по-русски чисто с моим говорил...

Ночью мы с поляком одним из тех сидим около избитых англичан, дежуриим. Балакаем на смеси русско-польско-украинско-немецкой. Все там на смешанной тарабарщине говорили, иначе было не понять друг друга. А мой армянистый хефтлинг очнулся, взгляд его осмысленным стал, что ли... Дождался, когда поляк к своему хефтлингу отошел, и говорит мне: ты, мол, русский, я по речи твоей слышу! Я подтвердил. А он одним только хрипами - губы-то спеклись, зубов уж нет - тихо выпросил и про звание мое, и про то, где служил. Я-то скрытничая, про службу в «Смерше» никому до самой пересылки здешней не открывался - иначе точно уж до крематория не доползешь. Печка раем покажется по сравнению с тем, что в гестапо над комиссарами и чекистами витьворяли... Евреям и тем легче было - сразу в расход! Об них даже рук не марали, суки...

Ну я и этому хефтлингу соврал, что, мол, в полковой разведке был, что повязали меня, когда мы в поиск шли. Тут он о главном-то и сказал. Только, говорит, если жив останешься, слова мои должен передать своим - разведчикам, то есть. И более никому до самой смерти. Лучше же для тебя, говорит, будет, если слова эти и умрут с тобой, хоть в лагерной печи, хоть от старости, если выживешь. Обещал ему это. Не обещать не мог - ему же жить оставалось меньше суток. А слова его, - это как воля последняя боевого товарища. Не исполнить никак нельзя! Он, товарищ полковник, сказал всего-ничего! И секрет в тех словах нет никакого. Хотя, вы лучше моего сообразите. А сам я до сей поры удивляюсь, чего он беспокоился о таком пустяке...

Вот что он сказал: передай, говорит, в разведотдел любой советской части, в которую постансливится попасть, что ты видел и знаешь, как умер Гордон. И когда - точно назвать надо. И еще - он, мол, сделал все, что мог, и рад, что помогал родине своей. И последнее. Желает он всем своим товарищам быть живыми, жаль только, встретиться с ними больше не придется. И все это сказанное просит доставить к дяде...

«Какому дяде! Ну, старшина, досказывай!»

«Все. Больше - ни слова. Дяде - и все. Видно, любил он дядю своего сильно, раз перед смертью ему кланялся. Так я думаю. Сначала показалось мне, что хотел он или дядю назвать, или адресок его дать. Но ничего не сказал о нем больше. Там, мол, в разведке, все правильно поймут. Они ждут этих слов. Хотя чего ж такого из сказанного им ждать можно, не секрет же...»

«Не секрет... А слова очень ценные ты, старшина, мне передал. Спасибо тебе, Сидоров, что выжил, что донес! Дяде, говоришь!! Был, наверное у твоего хефтлинка Дядя такой, дорогой ему очень... Может, в разведке и работал, а! Потому он тебя и просил к нам дойти. Только к нам...»

«Может и так. Вот дошел, слава богу. Вроде хорошее дело сделал в аду этом крошечном. Простите, товарищ полковник, вы еще и о тех немцах, которых мы задержали с Губаревым, хотели спросить! Так я о них почти ничего и не знаю. Взяли, отвели, сдали. Разговоров с ними не вѣли...»

«Да, да, старшина, помню. Только об этих немцах, которые в подметки твоему хефтлингу теперь не годятся, мы можем и позже поговорить. Да товарищ твой уже, наверное, капитану Маринину все доложил... А вот скажи-ка мне, Иван Сидоров, ты видел, как немцы расстреляли этих англичан!»

«Никак нет. Они нас с кайлами и лопатами вывели за кладбище, когда там уже только трупы были. Да и те завернули в брезент, обвязали. Мы для них троих одну могилку и вырыли. Вместе их там и уложили, упокоили...»

«Место, место помнишь! Показать сможешь!»

«Так точно!»

«Собирайся, старшина! Быстро. Поедешь со мной. Туда поедем. В Моосбург...»

Добиться разрешения на то, чтобы самому доставить Сидорова и Губарева в советскую зону, Степанову пришлось сложными путями. Видимо, союзники всерьез имели виды на бывших военнопленных. Почти сутки ушли на оформление документов, на переговоры с английскими службами во Фленсбурге. Но так или иначе, оба бывших патрульных, вырванных из лап вербовщика, увозил он в своем автомобиле на восток, торопясь, ибо время не удерживало уходило, а расследование с каждым часом становилось все труднее. Союзники неохотно открывали некоторые факты, другие же, о которых Степанов лишь подозревал, надежно укрывались от него, уплывали в далекие сейфы, цепкие руки.

ЭПИЛОГ

Автомобиль, в котором кроме водителя находились полковник Степанов, капитан Маринин, переводчик лейтенант Иоффе, бывшие военнопленные Губарев и Сидоров, был подорван гранатой на горной дороге по пути к Магдебургу. К

счастью, погибший водитель сумел вывернуть машину из-под взрыва. Она боком «притерлась» к скале, развернулась поперек шоссе, мотор заглох, а ее пассажиры сумели выбраться наружу.

В скоротечном бою (два пистолета и автомат водителя против - еще одной гранаты, «шмайсера» и пистолета нападавших) советским офицерам удалось отбить нападение. Но 6 июня 1945 года на шоссе под Магдебургом, уже после окончания Второй мировой войны, были убиты: водитель автомобиля старшина Сопрыкин (в результате взрыва первой гранаты), бывший старшина войск НКВД СССР, немецкий хефтлиг Сидоров и переводчик с английского языка лейтенант Иоффе. Со стороны нападавших - взят в плен референт рейхсфюрера войск СС Хайнц (Густав Шредер), и обнаружено два трупа - неизвестного немца в солдатской форме, а также, как утверждал Хайнц, личного телохранителя Г. Гиммлера гауптшарфюрера СС Отто Лемке. Последний был застрелен капитаном Марининым в момент, когда он пытался в одиночку атаковать подорванный автомобиль и его пассажиров.

В госпитале под Магдебургом аремийский хирург в зоне оккупации и ответственности советских войск в Германии сделал сложнейшую операцию тяжело раненному полковнику Степанову. Через двое суток того сумели доставить в Берлин, а оттуда эвакуировать самолетом в Москву в главный армейский госпиталь им. Бурденко. Повторную операцию, в том числе и трепанацию черепа, извлечение осколков, производил сам главный хирург Красной Армии профессор Вишневский. И только после операции он смог уверить лично начальника ГРУ генерала Ф. Кузнецова, что жизнь полковника Степанова теперь вне опасности...

«В Германии насчитывается 75 неофашистских объединений, в которых состоит около 20 тысяч человек. Они готовы пустить в ход оружие, чтобы создать тоталитарное государство по гитлеровскому образцу. У них могущественные покровители по всему миру, в том числе и в Соединенных Штатах. И мы щедро оплачиваем деятельность неофашистов, тесно сотрудничаем с западно-германской разведкой, укрываем тех, кто совершает преступления против человечности».

АЛЛЕН ФЕРГЮСОН, ЗАМЕСТИТЕЛЬ ДИРЕКТОРА ЦРУ ПО РАЗВЕДКЕ.

Рейхард Гелен в 1945 году возглавил новое разведывательное управление новой, поверженной Германии - Бундестагрихтендинст (БНД). Функционировать оно начало еще на территории фильтрационного лагеря по выявлению нацистских преступников и их злодеяний в американском оккупационном секторе ответственности. Затем с помощью своих коллег из США (ОСС-ЦРУ), Гелен отстроил и законспирировал в местечке Пуллах под Мюнхеном свое шпионское гнездо.

«Густав», а в приближенных к нему кругах - «Великий Молчун» - он же Р.Гелен, человек высокого роста, худощавый, с птичьими чертами лица, был очень хитрым, дальновидным, осторожным профессионалом. Даже в истории с нападением англичан на штаб Роммеля и явным просчетом абвера в агентурной работе, он сумел выйти сухим из воды, не только сохранил за собой свои посты, но и упрочив свое положение - главного армейского разведчика.

Гелен не был, как Роммель, фаворитом Гитлера. Но ему с наименьшей эффективностью помогали делать карьеру его тайные и явные покровители: генералы Эрих фон Манштейн, Адольф Хойзингер, Гудериан, а также Рудольф Гесс и Генрих Гиммлер. К 1944 году Гелен даже имел в своем подчинении спецотряды диверсантов в составе отдельных армейских частей и дивизий СС.

Последовательный борец с коммунизмом и советским режимом в СССР, Гелен, воссоздав в послевоенной Германии одну из самых эффективных разведок в мире, в конце своей карьеры мечтал стать начальником разведуправления армий НАТО... Уходя на пенсию уже «Доктором» (еще один псевдоним Гелена), он, помня услугу, оказанную ему Х.Весселем в истории с диверсией под Тобруком, оставил за себя на «хозяйстве» своего друга и соратника Весселя.

«Наши усилия, чтобы Москва приняла наши концепции, равносильны заявлению: наша цель - свержение Советской власти. Отправляясь от этой точки зрения, можно доказать, что эти цели недостижимы без войны, и, следовательно, мы тем самым признаем: наша конечная цель в отношении Советского Союза - война и свержение силой Советской власти».

**ИЗ ДИРЕКТИВЫ СОВЕТА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ США.
СНБ 20/1.**

В далеком сирийском поселке Идрис под Дамаском живет эта женщина. Хадижа вот уже больше 30 лет ждет из дальних странствий своего, данного Аллахом, мужа, любимого ею Шукру. Она не знает нужды - родственники мужа полностью содержат его семью и дом. Давно отдана замуж их дочка Сарра и Хадижа время от времени навещает ее дом в Алеппо, отводит душу с внучатами. Но недолго. И вновь спешит к своему удому в Идрисе - нужно ждать, поддерживать там порядок, ведь ее любимый и хозяин всегда появляется дома внезапно, но радостно. Жаль, редко...

Ее иллюзий не разведают родственники. Хотя еще в 1956-м они получили странное письмо на арабском языке, где сообщалось о том, что их Шукра, что точно установлено, погиб в

Германии в 1945 году. Место его захоронения не установлено. К письму прилагалась цветная фотография, на которой был заснят маленький европейский городок. Чистый и аккуратный. И все думали, что это неспроста, может быть, там нашел свой последний приют на земле и провел свою последнюю исповедь перед Аллахом их беспокойный Шукра?..

Фотография эта до сей поры висит на стене в доме Хадижи. Ей сказали, что в тех местах, изображенных на снимке, бывал Шукра, и это последнее, что о нем пока известно...

«Знаешь, когда-то в юности я мечтал, чтобы о моей смерти узнали из газет. С годами мечта поуменьла: пусть люди узнают об этом, прочитав имя на надгробной плите. Но сейчас и этого не будет. Даже надгробной плиты не будет. Но именно сейчас - сейчас! - я хочу выжить. Во что бы то ни стало».

ЮРИЙ БУЙДА. «ДОМЗАК».

Два пожилых господина долго бродили по окраине Моосбурга. Потом сидели на поселковой площади в гаштете - кабачке, на хорошем немецком языке расспрашивали завсегдатаев этого погребка о том, почему не сохранено старое кладбище Моосбурга. Им в деталях и печально поведали, что уже в 1946 году проходящая английская воинская часть устроила в окрестностях городка танковый парк со складом горючего. Однажды то ли по недосмотру военных, то ли в результате диверсии действующих в предгорьях остатков банд «наци» - склад взлетел на воздух. Сгорело все, включая кладбище. Хорошо еще, что поселок уцелел, хотя потом пришлось менять черепицу на крышах домов, вставлять в окна стекла. А в те годы, сами знаете, как трудно было со стройматериалами...

Кладбище решили не восстанавливать. Англичане срыли испятнанный мазутом и гарью слой земли, рекультивировали этот клочок местности, разбили здесь садик, а в центре его установили большой каменный красный готический крест, напоминающий теперь о похороненных когда-то здесь предках моосбургцев...

Гостей спросили, не из Чехии ли они, наверное, там, в Судетах, и образовался их легкий и мягкий акцент в немецком языке. Те ответили утвердительно. Заказали всем моосбургцам, сидевшим в это время в погребке, по рюмке шнапса, попросили помянуть их товарища, якобы тоже похороненного концлагерными «наци» у стен старого бывшего кладбища.

Скорбно помянули все. Еще памятны были жуткие годы, дай Господи, последней войны на земле. Ведь тогда досталось всем - и немцам, и чехам поровну...

В Моосбурге были два пенсионера от разведки. Генерал Ф.Кузнецов и полковник И.Степанов.

Из цикла «Короткий криминальный рассказ»

Чер ТОРРЕН

СКОШЕННОЕ ПОЛЕ

Этот план возник у Стаффорда полгода назад во время вечернего преферанса в клубе холостяков. Накануне какие-то южане пытались захватить инкассаторскую машину, но ничего у них не получилось; охрана и подоспевшая полиция перебили почти всех нападавших. Разговор шел о том, можно ли вообще овладеть деньгами, когда их перевозят по городу.

- Есть только одна возможность, - сказал старый Френк, бывший прежде комиссаром, - всего одна. Кто-то из своих должен сидеть в самой машине.

- А кто там может находиться? - поинтересовался Стаффорд.

- Водитель и охранник, а в особых случаях и сам начальник полиции. Только они. Или кто-нибудь очень похожий на одного из них, - усмехнулся Френк.

В служебной картотеке полиции было много всяких типов, и кое-кто из них напоминал нового комиссара. Но один сидел в тюрьме, другой эмигрировал в Европу, третий оказался коротышкой. Неожиданно помог давнишний приятель Майк, который изредка заходил к Стаффорду выпить кружечку пива. Увидев заранее сделанный фоторобот, он сразу же сказал, что видел эту рожу в «Катарине».

- Ты не ошибся? - Стаффорд даже вздрогнул. - Нам он очень нужен по одному делу.

- Да, нет же. Я даже знаю как его зовут. Глен... Он там частенько болтается по вечерам.

Уговорить Глена, имевшего не одну судимость, оказалось не трудно. Он все понял с полуслова, а потом они несколько раз проехали по намеченному маршруту, на месте обсуждая и уточняя действия всех людей. Главным моментом всей операции мог стать разговор в кабинете начальника.

- Ты не должен бить и тем более убивать его, - втолковывал Стаффорд. - Будет шум, кровь. К тому же тебя предварительно обыщут и отберут нож. Его надо усыпить. Возьми этот перстень; направишь на лицо и нажмешь. Вот так. А сам обязательно отвернись, а то ляжешь рядом с ним. Потом оденешь его одежду - и станешь комиссаром. Вы похожи, как близнецы. Что делать дальше, ты знаешь.

Глен кивнул.

В тот день рано утром в участок позвонил сержант и сообщил, что «тот парень» появился в «Катарине».

- Он один? - уточнил комиссар.

- Да.

- Хорошо. Доставьте его ко мне.

Когда они вошли, комиссар взмахом руки пригласил Глена садиться и отпустил охранника. Потом неспеша прошелся по кабинету, сел перед ним на стол и протянул фотографию.

- Узнаешь?

Глен пожал плечами.

- Я напому. Это один из твоих дружков. Пару недель назад он ограбил магазин на 32 улице и убил продавца. Тебя там тоже видели, свидетели есть. Наши люди работают хорошо. Так что лучше расскажи все сам.

Глен потянулся за фотографией, как бы желая посмотреть еще раз, прибил правую руку к комиссару и, отвернувшись, крепко сжал перстень. Аэрозольное облачко брызнуло в нос и глаза; комиссар отпрянул и слабо вскрикнул. Глен зажал ему рот, повалил в кресло и держал до тех пор, пока тот не отключился. Потом быстро надел на него свое барахло, а сам напялил мундир и брюки. Поменялся обувью. Содрал со щеки пластырь, наклеил ему. Внимательно посмотрел в зеркало, убедился, что все в порядке и нажал кнопку вызова. Вошел сержант с конвоиром.

- Изображает припадок, - объяснил Глен. - Уберите в камеру и никого к нему не пускать. Займусь им вечером.

Они уволокли безжизненное тело.

Когда охранники покинули кабинет, Глен подошел к пульта, припоминая назначение кнопок и клавиш. Потом откинулся в кресле и закрыл глаза. Ждать пришлось недолго.

- Они начали, сэр! - позвонил дежурный.

- Очень хорошо. Продолжайте их контролировать.

Затем Глен вызвал патруль.

- Как дела?

- Все нормально, сэр.

- Далеко они?

- Метров тридцать от нас.

- А первая машина?

- Чуть дальше, мы их хорошо видим.

Прошло несколько долгих минут. Теперь машины приближались к большому перекрестку, где все должно было решиться. Глен вдруг представил всю ситуацию, взглянув на происходящее как бы со стороны...

Вот едут три мощные машины, над ними летит вертолет, чуть дальше ждет их Майк со своей дурашливой улыбкой. Вся затея показалась ему ужасно глупой и примитивной. Любая случайность, какая-нибудь непредвиденная мелочь могли все испортить. И тогда...

Резкий звонок заставил его вздрогнуть.

- Воздушная охрана, сэр.

- Что случилось?

- Авария на перекрестке, столкнулось несколько машин. Вы слышите, сэр?

- Да, понял вас.

- Там не проехать.

- Так, - помедлил Глен, - продолжайте наблюдение и охрану. Только не зависайте прямо над ними и не пугайте народ. Поедем по другому маршруту.

Он вызвал конвойные машины.

- Впереди пробка. Доезжайте до первого перекрестка и поворачивайте к нам. Встретимся у отделения. Поедем по запасному маршруту. Это приказ.

- Слушаюсь, сэр.

Глен соединился с дежурным, объявил готовность «номер один» и вышел на улицу, захватив из стола пистолет.

Они подъехали минут через десять и остановились в особой зоне: две машины сопровождения и банковский лимузин. Глен подошел к первой из них и начал говорить о предстоящем маршруте.

- Мы помним, сэр. Все будет в порядке, - отозвался человек, сидящий на переднем сиденье.

- Тогда поехали. Я - с кассой.

Охранник кивнул и все тронулись...

Глен сидел в машине, специально предназначенной для межбанковских перевозок. Бронированный фургон с толстыми пуленепробиваемыми стеклами. Что-то вроде большого сейфа на колесах, с кабиной для водителя и охраны. Они устроились втроем на большом сиденье, Глен - в центре. Охранник держал в руках автомат, окна были плотно закрыты...

Грузовик стоял неподалеку от перекрестка, где машины должны были поворачивать направо. Майрон выставил в окошко руку с сигареткой: все в порядке! Глен дождался, когда первая машина вошла в поворот и ребром ладони резко ударил охранника по горлу, потом оглушил его рукояткой пистолета. Тот обмяк, но остался сидеть, привалившись к дверце. Тут же Глен перехватил левой рукой руль, поставил ногу на педаль и ткнул водителя пистолетом, показывая на дверь. Тот неловко выпрыгнул, а Глен сел на его место, прибавил скорость и помчался прямо через перекресток. Движение было небольшим и ему удалось проскочить. Позади взывала сирена, слышался тяжелый удар, скрежет...

Патруль врезался в грузовик Майрона.

Глен мчался уже далеко от перекрестка, лавируя и обгоняя попадавшие по пути машины. Потом свернул вправо, пересек площадь и поехал бульварами. Делая еще один поворот, он притормозил, открыл правую дверку и охранник, который попрежнему полулежал прислонившись к ней, вывалился наружу. Затем вновь прибавил скорость. Маршрут был хорошо знаком, все шло так, как они задумали, и Глен успокоился, почувствовав, что дело может получиться. Погони не было слышно, а вертолет его совсем не беспокоил...

Дорога подходила к тоннелю под широкой железнодорожной насыпью. Там его давно поджидали. Он еще не въехал в тоннель, а Гаспар на своей машине - точной копии инкассаторского фургона - уже стартовал. Они срабатывали точно. Гаспар помчался дальше, увлекая за собой вертолет, а Глен, плавно притормозив, подрулил к рефрижератору и въехал внутрь его кузова. Тайсон убрал пандус и они тронулись. В глубине кузова на высоких полках лежали большие ящики. Когда Глен поставил их вертикально, они заняли почти половину пустого пространства, совсем прикрыв фургончик. После этого достал инструмент и начал вскрывать сейф.

Дорога на мост была перекрыта; стоял патруль, суетились полицейские. Тайсона остановили, проверили документы, велели открыть рефрижератор. Все оказалось в порядке.

- Что случилось? - спросил он у постового.

- Машина упала в канал.

- Помоги ему бог, - подумал Тайсон.

Если Каспар не разбился сразу и смог надеть акваланг, то шансы спастись у него оставались. Зато теперь полиции было не до них...

Выбравшись из города и проехав километров сорок, Тайсон свернул на боковую дорогу, затем на проселочную и подъехал к заброшенному карье-

ру, где их дожидалась потрепанная легковушка. Глен все успел подготовить и им оставалось только перегрузить мешки с деньгами. Потом разогнали рефрижератор и сбросили в карьер.

Обратно добрались без приключений. Поставив машину на постоянное место, Тайсон пошел закрывать двери гаража. Глен улыбаясь смотрел на него:

- Ну, что старина, все еще не веришь!

Тайсон развел руками.

- Молодчина, Глен! Вышло по нашему. Теперь я уж точно сметаюсь на карнавал к бразильцам. Пусть меня там поищут.

В этот момент дверь гаража распахнулась, ворвался человек в маске и начал стрелять из автомата. Глен и Тайсон упали, сраженные короткой очередью. Человек переложил деньги в сумки и отнес их в свой «Форд». Затем погасил свет, прикрыл гараж и не торопясь уехал.

Эта история наделала много шума. Арестовали одного Майрона, но он ничего не знал про инкассаторов и утверждал, что случайно столкнулся с машиной. Как ни старался следователь, ему не удалось доказать его причастность к ограблению: Майрон отделался штрафом и лишением водительских прав. Глен и Тайсон умерли в больнице, не приходя в сознание. Еще одна ниточка тянулась от Глена к Стаффорду, ведь это он начал слежку за этим парнем, полагая, что тот работает курьером у наркодельцов. Но и тут ничего не вышло: Глен и в самом деле был связан с наркотиками. В конце концов следствие сделало вывод о том, что именно Глен был организатором всего этого дела, а убрали его свои же дружки, которых вряд ли удастся найти.

Стаффорду пришлось уйти в отставку и он уехал из города, поселившись в небольшой деревушке. Почти ни с кем не встречался и старался не вспоминать о прежней работе. Так прошло лет десять. Однажды ему через адвоката передали конверт, на котором твердым незнакомым почерком было написано: «Стаффорду - полицейскому из Лос-Анджелеса, который бывал в клубе холостяков. Передать после моей смерти».

Он вскрыл письмо.

«Привет, Стаффорд! Это я - Френк. Помнишь клуб холостяков? Мы там встречались; ты тогда очень любил брать мизера сотни на четыре. Теперь я умер и поэтому тебе передала эту записку. Не знаю зачем я делаю это, но мне кажется, что тебе надо знать, что это я убил Глена и Тайсона. Я взял те деньги, хотя они должны были вроде бы достаться тебе. Не ты, а я задумал это дело; ты с ребятами только исполнял. Вспомни, ведь это я подсказал идею о своем человеке в кабине. Потом подсунул тебе Глена: он-то ничего такого и не знал. Не знаю, как вам удалось все проверить, мне это и знать не надо. Я просто ждал, когда Глен привезет деньги домой. Что говорить, ты все сделал хорошо. Но я думаю, что все получилось по справедливости. Что бы там ни было, а урожай-должен собирать тот, кто вспахал землю и посеял зерно. Будь бы поле, где его посеять».

ДЕВЯТКА

Раскаленная глыба тяжело пронеслась над лесом и грохнулась на участке Стива, разворотив по пути амбар. Деревянные постройки вспыхнули, как порох. Огонь перекинулся на посевы, уничтожил дом с постройками и стоящие во дворе машины; сгорело имущество, припасы, погиб скот. Через час все было кончено, Стив остался ни с чем. Погоревав и прикинув так

и эдак, он решил бросить несчастливое место и перебраться на север к старшему брату. Однако вышло иначе.

Через пару дней в деревне появился небольшой автобус с зашторенными окнами и надписью «laboratory». Незнакомцы осмотрели место падения, поковырялись в метеоритной яме и надолго скрылись в машине. Вечером, поставив на участке ограждение, они уехали вместе со Стивом. Возвратился он богачом. Метеорит почти полностью состоял из какого-то редчайшего сплава и авиационная фирма, не торгуясь, отвалила за него пару миллионов баксов. Многоотонную глыбу вскоре увезли, а котлован стал заполняться грунтовыми водами, превращаясь в небольшое озеро.

Ровно через год Стив пригласил соседей отметить юбилей и заодно отпраздновать новоселье в новом двухэтажном особняке. Когда гости расходились, захмелевший хозяин отвел в сторону невысокого старика и негромко сказал:

- А тебе, Гренвил, желаю такого же камешка, только чуть побольше. Старик не ответил.

- Что ему надо? - спросил Крисс по дороге домой.

- Да, дело старое, - отмахнулся Гренвил. - Только знай, сынок; ты еще молод - сейчас не поймешь. Ну, потом вспомнишь старика. Все наши беды - от женщин...

Крисс промолчал.

- Когда здесь все начиналось и делили землю, - продолжал Гренвил, - тот участок, что теперь у Стива, по жребью достался мне. Да...

- Уо твоя покойница-мамаша, тебя-то еще не было, - грустно усмехнулся старик, - взбрело ей в голову! Давай, говорит, обменяемся. Там, дескать, земля поровнее и к дороге поближе. А Стиву было все равно. Мы и обменялись.

Как любой нормальный американец, Крисс с раннего детства свято усвоил заповедь: «Время - деньги». Так внушал отец, об этом твердили в школе и по телевизору. Повзрослев и приобретя некоторый житейский опыт, он уже несколько иначе стал относиться к таким вещам. Хорошо помнил грустные рассуждения стареющего профессора химии:

- Эта формула или, точнее сказать, этот процесс - необратим, - заметил тот на одной из лекций. - Это значит, что имея в своем распоряжении время вы, безусловно, можете сделать деньги, однако из денег время сделать невозможно. Приходится выбирать что-то одно: или деньги, или время. В молодости нужнее, конечно, доллары; ты стремишься заработать их и тратишь на это свое время. Стариков заботит другое, они чувствуют приближение кончины и готовы любой ценой продлить свое земное существование. Но время за деньги не купишь!

В последние годы Крисс часто вспоминал слова профессора, не потому, что заботился о вечности. Обстоятельства заставляли размышлять о физической сущности жизни. Прежде время представлялось рекой с неодолимым течением, уносящим его с собой, но теперь возникли сомнения и появилась робкая надежда на возможное движение вспять. Все началось после того, как он поступил на новую работу, которая на первый взгляд не имела никакого отношения к мировым проблемам.

Частная фирма, в которой служил Крисс, называлась «Energy technique». Официально они занимались разработкой и монтажом электронной аппаратуры для сельских работ. Об ее основной деятельности знали немногие и Крисс не входил в их число. Однако нетрудно было догадаться, что не толь-

ко дистанционно управляемые комбайны и автоматические парники интересовали руководство. Причин для сомнений было предостаточно.

Однажды в отдаленной деревушке они ремонтировали пульт управления и сделали работу еще до того, как за ними подъехала машина. Инженер направился к телефону, оставив Крисса одного в зоне, хотя правилами это запрещалось. Он долго слонялся по двору, не зная чем заняться, а затем подошел к высокому дощатому забору и заглянул в щелку. Ему открылся уголок грязной улицы, полуразрушенный домишко на другой стороне; соломённая крыша, крохотные окошки, затянутые мутной пленкой. Потом к дому неожиданно подъехал всадник в старинных доспехах, на нем была кольчуга, латы, сбоку висел тяжелый меч...

- Кино снимают, - объяснил инженер и Крисс понимающе кивнул, подумав про себя, что для этого не надо было забираться в такую глушь.

В другой раз подвыпивший Генри рассказал ему, как он будто бы плавал в Америку с испанцами.

- Мясо у них - одна тухлятина, а в трюме - не продохнешь. Я чуть не подох.

- Не веришь? - заметил он улыбку. - Но я точно там был. Смотри, - Генри показал небольшую статуэтку, - это же настоящее золото! Инки! Найди такую сейчас...

Конечно, Генри считался одним из лучших специалистов и занимал высокую должность, но любил пофантазировать. Поэтому, впервые услышав эти дружеские откровения, Крисс не придал им какого-то особого значения.

Однако были и другие обстоятельства, позволявшие неглупому человеку догадаться, что фирма имела тесные контакты с криминальными структурами из прошлых времен и постоянно занималась подпольным «ретро-бизнесом». Правительство запретило его лет десять назад, но контроль, как обычно, не был безупречным. Со своей стороны руководство фирмы строго оберегало секреты «основного производства», оставив в главном корпусе не более двадцати человек. Новые сотрудники принимались в исключительных случаях.

Крисс вернулся в город поздним вечером. Блестел асфальт после теплого дождя, приятно пахла цветущая липа, издалека доносилась негромкая музыка.

Первым делом он зашел в «Катарину» - уютный ресторанчик с небольшим пневматическим тиром, где обычно собиралась его компания. Ребята и сейчас были там.

- Посмотри-ка на этого снайпера, - потешались они над пожилым мужчиной, безуспешно пытавшимся поразить мишень, - не пройдет и двух часов, как он сразу же попадет в цель.

Наконец тот попросил другое ружье.

- Ружье в порядке, сэр. Просто надо попасть точно в десятку - и приз ваш. Девятка и все прочее - у нас не в счет!

С этими словами бармен уверенно взял ружье и привычно выстрелил. Послышался шелчок - механизм сработал, выдавая яркую брошку.

- Это вам, - парень протянул ее полноватой брюнетке, стоявшей рядом с мужчиной, - не забывайте нас.

Парочка вскоре ушла, а вслед за ними вышел на улицу Крисс. Он узнал, что Генри не приходил. Скорее всего он уехал на ранчо и останется там до понедельника.

- Ну, что ж, - подумал Крисс, - не будем откладывать важные дела.

Утром он отправился в гости и Генри очень обрадовался, увидев старого друга. Они немного выпили, поговорили и затеяли шутивную потасовку. Неожиданно Крисс набросил на растерявшегося приятеля веревку, перенес связанного в ванную и хладнокровно утопил. Затем отвез тело к реке и затопил на дно, обставив все так, будто Генри утонул, запутавшись в старых сетях...

Через месяц Крисса вызвал начальник отдела.

- Вы знаете, у нас несчастье, погиб Генри. Мы решили пригласить вас на его место. Зарабатывать будете раза в два больше. Кроме того полагается особая плата за сохранение секретов фирмы, ведь вы становитесь нашим компаньоном, если согласитесь.

Крисс подписал бумаги.

- Пункт первый и самый важный - ничего там не брать! Наша задача, - объяснял толстый, как боров, инструктор, - исключить любое воздействие на будущее. Иначе может случиться так, что нас самих в нем не окажется. Ха-ха!..

- В чем тогда навар, ты спрашиваешь? Все очень просто. Мы наблюдаем за ними - и только. Но очень внимательно смотрим, куда они откладывают яйца, - толстяк вновь ухмыльнулся, - всякие клады, драгоценности. Отмечаем места, где затонули корабли с ценным грузом, запоминаем, кто приобрел картины будущих гениев. На каких чердаках и кладовках хранятся старые книги и рукописи. Если что-то остается в целости и сохранности до нашего времени, мы это забираем. Все законно - и никаких налогов. Вмешательство из будущего запрещено! - он обмотал воображаемую веревку вокруг своей могучей шеи...

Первоначально Крисс стажировался на «пристани», где встречали и отправляли уходящих на задание. Дело было хорошо отлажено, аппаратура работала безотказно и проблемы возникали лишь в тех редких случаях, когда в экспедициях участвовали посторонние эксперты, которые не должны были знать о существе дела. Их приходилось усыплять и транспортировать под наркозом. Это называлось «делать прививки»; первую - чтобы не заразиться в отдаленных поселках, вторую - чтобы избавиться от вирусов, принесенных оттуда. Не все, конечно, соглашались, но компания платила хорошие гонорары и многих это устраивало.

Вскоре его начали привлекать к основной работе.

- Полностью избежать контактов невозможно, - объяснял новый напарник Эндрюс. - Если же это все-таки случилось, надо сделать их как бы не материальными, не физическими. Представиться духом каким-нибудь или привидением.

- Разве это не влияние?

- Да, конечно! Один расскажет об этом другому, тот - третьему. Воздействие будет, что-то может произойти в психике. Но тут уж ничего не поделаешь. Вот у меня был случай...

Ион в очередной раз начал рассказывать о том, как его замуровали в подzemелье старинного замка.

- Послушай, - прервал Крисс, - а те, кто будут жить после нас? Они ведь тоже полезут в прошлое. Если это возможно сейчас, то потом будет еще проще. Получается, что прошлое время, да и наше тоже, должно просто кишеть всякими пришельцами из будущего. Мы-то почему их не встречаем? Нас ведь не обманешь всякими там духами или привидениями...

Эндрюс кивнул.

- Я тоже думал об этом. Дело в том, что скоро устоят энергетическую

защиту и тогда уже никто не сможет без специального разрешения бывать в прошлом. Нам осталась самая малость; может год, а может и того меньше. Вот и приходится вкалывать.

Действительно, в последнее время работы у них прибавилось. Все отпуски и выходные отменили, на задания стали посылать по одиночке, что раньше категорически запрещалось. Отчеты проверяли раз в неделю и только лишь для видимости, контроля почти не было.

И тогда Крисс решил...

Он прибыл в деревню в тот день, когда молодой отец встретился в пивнушке со Стивом. Разговор у них шел об обмене участками. Крисс подсел к приятелям, заказал хорошую выпивку и напоил обоих. Дружеская беседа незаметно перешла в перебранку, а затем в жестокую драку. Стив потерял пару зубов, у Гренвила оказалось сломанным ребро. Обмен не состоялся.

А затем случилось то, что и должно было произойти. Метеорит упал на том же участке в предназначенный ему час. И вновь приехали люди из авиационной корпорации, но теперь уже не Стив, а Гренвил стал миллионером. Он переехал в город, но часто бывает в деревне, заходит к Стиву и они долго разговаривают, вспоминая старые времена.

Гренвил одинок. Жена умерла много лет назад, а единственный сын утонул в озере возле самого дома.

Несмотря на то, что автор этих рассказов попытался скрыться за псевдонимом Чер Торрен, редакция журнала располагает достоверной электронной копией записи данных рассказов, написанных нашим земляком, хорошо известным нашим читателям, но пожелавшим остаться инкогнито в этом необычном для него жанре.

И ВНОВЬ СТОЛИЧНЫЕ МОТИВЫ...

Сегодня мы представляем вашему вниманию, уважаемые читатели, гостей «Черемшана», молодых московских поэтов Дмитрия Воеводу и Михаила Мельникова.

Если вы помните, в одном из первых номеров журнала были напечатаны стихи очень талантливой нашей поэтессы Елены Новоселовой, которая сейчас учится на 4 курсе Литературного института в Москве. Вместе с ней учатся и представляемые вашему вниманию поэты. Елена Новоселова привезла их в Димитровград перед праздником (7 ноября), желая познакомить

горожан не только с их творчеством, определенными тенденциями в современной русской поэзии, но и с самими поэтами.

Не так уж часто в нашем городе проходят вечера поэзии. И уж совсем редко приезжают к нам поэты и писатели из других городов, тем более из столицы. А посему интеллигенция наша, уже давно отвыкнув от посещения всевозможных литературных вечеров, и кроме того, считая себя, видимо, слишком искушенной в поэзии, посчитала ниже своего достоинства почтить вниманием молодых поэтов, пусть даже и из Москвы.

Впрочем, многочисленные поэты и прозаики нашего города отнеслись к событию заинтересованно, где-то даже благожелательно, так что вечер поэзии с участием М.Мельникова и Д.Воеводы все-таки состоялся и был достаточно интересен. Хотя, конечно, хотелось, чтобы зрители проявили больший интерес к личностям поэтов, поскольку стихи говорят обычно сами за себя и либо близки слушателям, затрагивают их за живое, вызывают ощущение духовной близости, либо нет.

Однако сами поэты, их интересы и вкусы, их мысли о будущем как-то не очень заинтересовали зрителей. Вопросы касались в основном стихов и учебы в Литинституте. Л.Степанова, проявляя активность, задала несколько забавных вопросов, чем немало повеселила окружающих и несколько разрядила атмосферу скованности, даже некоторой напряженности, которая неизбежно возникла в самом начале вечера, поскольку молодые люди не профессиональные артисты, и это едва ли не первое их публичное выступление, а собравшиеся поэты и писатели, хоть и благосклонно внимали стихам, но ничем не выказывали своей заинтересованности, тем более не аплодировали, видимо, следуя нынешней моде.

Известная в нашем городе поэтесса и депутат горсовета А.Белова стала инициатором довольно бурной политической дискуссии, пытаясь объяснить М.Мельникова, что он ни в коем случае не прав, высказывая свои чувства к родине именно так, а не иначе, да еще и вслух. Правда, в заседание политкружка встреча все же не превратилась. Гости попытались познакомить зрителей с определенными направлениями в современной поэзии и почитать стихи не свои, а поэтов уже солидных, хотя глубинке и неизвестных, но тут натолкнулись на железную стену непонимания. Нашим поэтам чужая поэзия ни к чему, мы и сами с усами, и плевали мы на авторитеты с высокой колокольни. И вообще, «каждый пишет, как он дышит», и нечего тут...

Но, думаю, довольно зубоскалства. Писание стихов - есть лишь способ самовыражения и выражения своего видения мира. И в стихах Мельникова и Воеводы все это представлено ясно как на ладони.

Сейчас же позвольте познакомить вас с более чем краткими биографиями гостей,

смаживающими скорее на анкеты, некоторыми их литературными пристрастиями и взглядами, позволяющими полнее представить характеры молодых поэтов.

Итак, Михаил Мельников - москвич, 23 года, женат, студент 4 курса Литературного института. Стихи пишет довольно давно. До Литинститута учился еще на философском факультете МГУ и на библиотечном факультете Университета культуры. Не понравилось, бросил. Впрочем, учебу в Литинституте тоже считает потерей времени (насколько я знаю, это обычное и весьма распространенное мнение студентов любых гуманитарных институтов, тут М.Мельников не оригинален). Некоторое время преподавал шахматы в спортивной детско-юношеской школе олимпийского резерва. Сам Михаил Мельников кандидат в мастера спорта по шахматам.

Дмитрий Воевода - также коренной москвич, 26 лет, студент 4 курса Литературного института. До поступления 3 года проучился на физическом факультете МГУ, работал в сейсмологических экспедициях на Кавказе, был учителем рисования в школе, художником-оформителем. Стихи также пишет уже давно. Характером Дмитрий Воевода обладает мягким, в отличие от Михаила Мельникова, который любит говорить, что он человек прямой и честный, и иногда так и поступает, то есть режет правду-матку в глаза, особенно, когда на это напрашиваются, но не слишком при этом выбирает выражения.

Во многом вкусы Мельникова и Воеводы совпадают. Оба не любят советских поэтов, символистов и Блока. Зато любят Бродского, Пушкина, Фолкнера, Сервантеса и Шекспира. Причем влияние Бродского хорошо прослеживается в их стихах. М.Мельников в настоящее время увлечен русской поэзией 19 века. Д.Воевода - испанской поэзией 20 века. Михаил Мельников в стихах ироничен, порой даже саркастичен. Дмитрий Воевода скорее ироничен в жизни, поэзию же считает делом серьезным.

О будущем оба пока не очень задумываются, славы, по их же словам, не жаждут, и предпочли бы по окончании Литинститута покинуть столицу и поселиться в какой-нибудь тьму-тараканской глуши, ведя образ жизни уединенный, почти отшельнический. Возможно, это поза, свойственная молодости, а возможно, и нет. Поживем - увидим.

Рассказывать о стихах нет смысла. Вы сами в состоянии прочитать их и составить собственное представление. Замечу только, что, на мой взгляд, оба поэта весьма и весьма талантливы. И талант их продолжает расти и развиваться. И, возможно, недалек день, когда мы вновь услышим о них, уже как о поэтах признанных, где-то даже знаменитых.

Е.СОРПИ

Михаил МЕЛЬНИКОВ

19 этаж

Ан.С.

*Плясал среди развалин храма,
делил людей на «наш - не наш»,
смотрел на звезды так же прямо,
как девятнадцатый этаж -
балконом был, стеною, рамой,
пожарной лестницей, окном,*

*смотрел на небо так же прямо,
как узкоглазый астроном,
смотрел... Невыносим сегодня
простых глаголов тонкий хмель,
и есть ли что-то безысходней,
чем однозначный суффикс «л»?*

ШАТУН

Бежав от неизбежности протеста,
Изведал вкус обочин всех дорог,
И в поисках насиженного места
Не сделал меньше, чем не сделать мог.
Шагал, как жил - ни медленно, ни прытко,
Спокойно забывая пути назад.
Какая благородная попытка,
Какой ничтожный результат...

СТРОФА

Пусть снежинки закружатся
Над заводами темными,
Новогодние ужасы
Нарисует луна,
Гулкий воздух наполнится
Колокольными звонами,
И крылатая конница
Помолчит у окна...

БРЕСТСКИЙ СКОРЫЙ

А могли бы ехать на турнир...
Где-нибудь в Микенах или
Дельфах
Сесть за доску и покинуть мир,
Как сказал Борис Абрамыч
Гельфанд.

* * *

... Твой удел, Германия -
засучив стальные рукава,
задыхаясь от непонимания,
скрежетать великие слова...

* * *

Поезд ковыляет через лес
Медленней карьеры однолюбца.
Постигай теперь, каких невест
Ты забыл на выходе из клуба.

Нет, не та - правее... горячо.
Города уже не существует,
Места назначения - еще.
Дельфы и без нас презимуют.

Кто скажет: «Дела наши плохи,
Но надо исполнить приказ»,
Как будто задворки эпохи
Оставлены Богом для нас,
Как будто на белом пороге
Искрящейся пьяной зимы
Забвенье тоски и тревоги
Найдем пожелтевшие мы?

НА 17 ЯНВАРЯ

Р.Т.

Где твой венец? Где тернии и лавры?
Где благородство ранней седины?
В чем смысл жизни - в бегстве от
цены?
Тебе во сны
Приходят гонорары.
Нет-нет, поэтам надо быть другими -
Бродягами, богами или кем-
Нибудь подобным. Ты же сух и нем,
Но между тем
С тобою спят богини.

Поверь, что это вовсе не упреки,
Нет, для упреков руки коротки -
Пусть ты поэт единственной
строки,
Но не с моей озлобленной руки,
Сдавлив виски,
Писать такие строки.
Сочувствую. Тебе пора топиться -
Умри, Денис! Испей судьбы певца!
Тебе в глаза глядит из-под венца
Твоя двадцатилетняя сестрица.

Переворачивая пласт
шершавой, погнутой лопатой,
он поднял голову: Бог даст,
я всё успею до заката.

Но неподъёмный чернозём
прилип к штыку огромным комом,
и кисть со вздувшимся узлом
вдруг показалась незнакома.

Подумал: Вот в такую грязь...
И снова стал вгрызаться в землю,
как будто бы не покорясь
и вовсе смерти не приемля.

Он рыл, как дедовский окоп,
и жадно думал об окурке
с рассыпавшимся табаком
в кармане выпачканной куртки.

Но поле было велико -
он стал сдаваться: загадая,
мелькнёт ли луч из облаков, -
и замер, медленно считая.

Пять... Шесть... С водой не
оттереть...
Одиннадцать... Сломалась спичка.
И вдруг сквозь пасмурную твердь
блеснула яростная вспышка.

Он заморгал на близкий лес,
пестревший бедными крестами,
где веры солнечный ответ
играл с дрожащими листьями

Так было странно доверять
своей наивности ребячьей,
но солнце вспыхнуло опять,
ещё пронзительней и ярче.

И он копал, как автомат,
спеша, дыхание сбивая,
не глядя даже на закат.
И всё-таки не успевая.

ЗАКРЫТИЕ АМЕРИКИ

Андрею Прокофьеву

Профиль ковчега жадно
принохивается к волнам.
На солнце в руке Горгоны
вспыхивает змея.
Чайки, дельфины, мусор - и,
наконец, с невольным
страхом вперёдсмотрящий
хрипло кричит: «Земля!»

И, как кроты, из трюма, жмурясь,
ползут наружу
те, кто не сдох от тифа и от
гнилой воды.
Сверкают глаза и зубы. Больные
тела, как груши,
вмиг облепили рей, воя на все
лады.

Колумб, как жених, на мостике,
нервничая напрасно,
взмахом ладони делит историю
пополам.
«Воистину символично, что мачта
крестообразна!» -
спешно готовя проповедь, думает
капеллан.

Лекарь в каюте, шлёпнув
кровавый комок в корыто,
грустной улыбкой держит
ученика: «Пиши!
Двенадцатое. Сегодня трое
умерших вскрыто.
И ни в одном из них я не нашёл
души.»

Иван ЛЕБЕДЕВ

КНЯЗЬЯ МИРА СЕГО

Сказка - быль

Титан

Нине суд миру сему: ныне князь сего
изгнан будет вон.

Иоан 12:31

Дед рассказывал, когда-то:
- На Поволжской, мол, земле
Независимо, богато
Жил да был мужик в селе.
Рода самого простого,
Звать Иван, но не дурак.
Роста хоть и небольшого,
Но на руки был мастак.

Во дворе любой скотины:
Разом всех не перечесть.
Для снопов стоят овины
И земелька тоже есть.
А известно, кто с землицей,
Тот, не бедствуя, живет.
Воздаст она сторицей
Тем, кто пот на ней свой льет.
И детей хватает тоже,
Как нажитого добра.
Оттого жена не может
Отлучаться со двора.
Обуянный так заботой,
Он из года в год и жил.
Дни и ночи за работой, -
Всех своим трудом кормил.
Ведь помощники такие
Только с ложкой за столом...
Но всегда в те дни бывые
Процветал, как сад, их дом.
Время шло, года крутились,
Словно белка в колесе:
Сыновья все поженились,
Вышли дочки замуж все.
Легкой смерти дожидались
Старики на склоне лет.
И не думали-гадали,
Что нахлынет столько бед...
Что царя своей державы,
Всю семью его в расход
Пустит Ленин ради славы,
Обманув простой народ.
Был он лысый, чуть картавил,
Роль играл под мужичка.
Но покою крест поставил
И решал все с кондачка.
Вместо фабрик и заводов,
Да земли - что обещал -
Дал декреты-свод законов,
Чтоб народ весь обнищал.
Брат на брата руку поднял,
Злобной яростью горя.
И не каждый в схватке понял,
Что губили жизни зря.
Не один Морозов Паша
Своего отца предал.

Кровь лилась в России наша -
 Мир такого не видал.
 По навету сына тоже
 Наш Иван в Сибирь попал.
 Был немного он моложе,
 Может выжил, не пропал.
 Если смерть вокруг витает,
 Разве вынесешь всего.
 Где теперь, никто не знает,
 Глеют косточки его...
 Комиссары смерти знали,
 Что на свете нет чудес.
 Церковь почитать не стали,
 Видно в них вселился бес.
 Даже Бог и тот стал лишний,
 Говорили, стыд и срам,
 Наша власть для вас - Всевышний,
 Поклоняйтесь только нам...
 Раненный смертельно пулей,
 Умер в почестях титан.
 Но живуч "осиный улей",
 Детище его - партклан.
 Божеству во всех трех лицах,
 Вдохновителю идей,
 У стены Кремля в столице
 Клан воздвигнул мавзолеей.
 Дань почтенья отдавая,
 Похоронен в нем титан.
 Словно редкость неземная,
 А не то, что тот Иван.

Тиран

Когда говорит он ложь, говорит
 свое, ибо он лжец и отец лжи.

Иоан 8:44

Но со смертью свет-Титана
 Беды эти не прошли.

С новой властью хват-тирана
 Только пуще расцвели.
 Этот рыжий повелитель,
 Неуч, рвань, семинарист
 В прошлом был бандит, грабитель
 И сексот - душой не чист.
 Низкорослый, рябоватый,
 Желтоглазый плутократ,
 Молчаливо-грубоватый
 Был в своем царизме хват...
 С бандою своей кавказской
 Этот новый Вельзевул
 В жизни той кроваво-адской
 Учинил тогда разгул.
 Эшелон за эшелонном
 Отсылали в лагеря.
 Чтоб роднились Волга с Доном
 Рукотворили моря.
 Туже гайки самовластья
 Он крутить не успевал.
 Даже НЭП - кусочек счастья -
 У народа отобрал.
 А крестьян, кормильцев наших,
 Чтоб зерно все отобрать,
 Словно скот, с удельных пашен,
 Стал в колхозы загонять.
 И опять пошла потеха -
 Горы горя, море слез.
 Стало людям не до смеха -
 Только б выжить привелось.
 Вновь обрушились гоненья
 На иванову семью.
 И опять пошли мученья,
 Хоть и жили не в раю.
 Были братья небогаты,
 Но красавцы на подбор.
 Николай, Степан, женаты,
 Холостой - один Егор.
 Так в одной избе и жили
 Николай, Степан, Егор.
 Как отец, с землей дружили,
 Не пустел их скотный двор.
 Но беда повсюду рядом,
 Словно тень - не оторвешь,
 Как змея, ужалит ядом,
 Так безвинно пропадешь.
 Вот тогда-то, в тридцать третьем,
 Братьев с поля привели.
 И в туманное безвестье,
 Как отца, их увезли.
 Благо жен-то не забрали
 Вместе с ними в Магадан.

С горем здесь одни остались -
 Три золотки, мальчуган...
 Но, как в сказке, долго ль вскоре,
 Не забыть с тех пор о том,
 К воротам российским горе
 Подкатилось, словно гром.
 Речи Гитлер лил обильно
 Всей Европе на беду.
 Дипломатия бессильна
 Оказалась в том году.
 Фюреру австрийцы, чехи
 Стяги бросили к ногам.
 И вели баталий вехи
 Орды к волжским берегам.
 Да, суконные шинели
 Те, кто смог еще носить,
 В годы тяжкие надели,
 Чтоб фашистов отразить.
 Шел средь них и внук Ивана,
 Хоть летами был и млад,
 Но из вражеского стана
 Восьмерых достал солдат.
 Был разведчик он, что надо,
 С орденами на груди.
 ...Грянул выстрел. Мрак болотный
 Не раскроет тайны той,
 Как погиб разведчик ротный,
 Не вступив с врагами в бой...
 Наконец, смолк рев орудий
 Дальних, ближних канонад.
 Стали рьяно наши люди
 Строить жизнь на новый лад.
 Но наш Сталин - вождь народов,
 Параноик, людоед.
 Он в своих кремлевских сводах
 Стал носителем всех бед.
 Видел он врагов повсюду,
 Словно вдруг сошел с ума.
 И опять простому люду
 Два пути: расстрел, тюрьма.
 Бог помог спастись народу
 От антихриста-вождя.
 Смерть сплясала, спела оду
 В честь кончины дикаря.
 Каждый думает, как хочет, -
 Но Егор сказал в тот год:
 - Берии спасибо очень,
 Помереть вождю помог.

Труженик

И сказал Иисус: «На суд пришел я
 в мир сей, чтобы невидящие
 видели, а видящие стали слепы».
 Иоанн 9:39

Трон сановный. Бури распрей
 Бушевали за него.
 Волны крови захлестнули
 Путь владычества всего.
 Сирий, Алконост не пели
 Песни райские в Кремле.
 Днями кубки в нем звенели,
 По ночам - мечи во мгле.
 После смерти двух великих,
 Что творили сгорая,
 Первым стал пастух двуликий,
 Развенчавший палача.
 Он при Сталине боялся
 Слово молвить. Был шутом.
 После смерти надругался -
 Обелив себя кругом.
 Сам такой же самовластный,
 Как и тот, волюнтарист.
 Все решал одиночно,
 И с народом был речист.
 На заводах не гнушался,
 Рук холеных замарать.
 В шахты в клетях опускался,
 Чтоб шахтеров труд познать.
 Заговорщик по натуре,
 Берию сместил с поста.

И тот "волк в овечьей шкуре"
 Был расстрелян неспроста.
 Так Хрущов Никита быстро
 В политической игре
 Ставку главного министра
 Выиграл при том дворе.
 Вмиг реформы закипели,
 Взбудоражилась страна:
 В небо спутники взлетели,
 Поднималась целина.
 Обновляться всюду стали
 Наши села, города.
 Как грибы в них вырастала
 Новостроек череда.
 Те реформы докатились
 До глубинных деревень -
 Все хозяйства укрупнились,
 Отменили трудодень,
 В семьях деньги появились,
 Побогаче стали жить:
 Кто без устали трудился,
 Стал он вкусно есть и пить.
 В эту оттепель однажды
 Шел по улицам Егор,
 Где знаком домишко каждый,
 Сараяшко и забор...
 Скарб его: в руках котомка,
 Телогрейка на плечах,
 Галифе да рвань-шапчонка,
 Да опорки на ногах.
 Жизни не было хорошей
 У него в потоке дней.
 Под душой, как и под ношей
 Он ссутулился сильней.
 За кладбищенской оградой,
 На могиле у жены,
 Долго плакал до упада,
 Проклиная власть страны.
 Власть, которая так рьяно
 С корнем вырвала семью.
 Посадила, как смутьяна
 На тюремную скамью.
 Пилигрим он. Враг народа.
 Кто ему предложит кров.
 В жизни он, не зная брода,
 Наломал немало дров.
 Взяв холщовую котомку,
 Он с коленей молча встал.
 Крест, березку-богомолку
 Он, крестьясь, поцеловал.
 Незнательность хуже ада,
 Как дорога в никуда.
 Но, порою, если надо,

Человек идет туда.
 На околице избушка
 Одинокая стоит.
 В ней согбенная старушка
 Речь Егору говорит:
 - Как та власть вас в одночасье
 Увела тогда в Сибирь,
 Покатились все напасти
 По селу и вдоль и вширь.
 Почитай-ка, всех знакомых
 За тобою вслед туда
 Увезли больных, здоровых.
 Все пропали без следа.
 А когда война-злодейка
 К нам нагрянула в село,
 Так-то жизнь была копейка,
 Тут - и вовсе припекло...

Тунеядец

Говорю вам: всякий, делающий грех,
 есть раб греха.

Иоанн 12:31

Нет царей у нас, как прежде -
 Все великие вожди.
 Здесь живет народ в надежде,
 Будет лучше: верь и жди.
 А вожди-то маргиланы.
 Большинство из деревень.
 Все безродные иваны
 Тень наводят на плетень.
 Утверждают, что кухарка
 Может царством управлять.

Что она, мол, не знахарка,
 Чтобы все на свете знать.
 О народ! Какой правитель
 Думал о тебе когда?
 Был он вечно твой гонитель
 Без зазрения и стыда.
 Окружен еврейским кланом,
 В избытке всех льгот,
 Жил, не сравнить с Чингисханом,
 Среди льстецов и без забот.
 Ялта, море, берег, дача,
 Солнце, нег да цветы,
 Улыбалась бы удача -
 Вот и все его мечты.
 Клан дворянские интриги
 Слово азбуку постиг
 И сатрапа, как вериги,
 Сбрасывал с престола вмиг.
 Так с Хрущевым поступили
 Царедворцы сгоряча.
 На престоле водрузили
 Броненосца-Ильича.
 Думали, что свой, мол, в доску,
 Славолуб и трусоват.
 Мягкий нрав, подобен воску -
 Спят все, что захотят.
 Как хотели, так и сталося -
 Все вошли в Политбюро.
 Там генсеку не досталось,
 Кроме славы, ничего...
 Кто и чем тогда в развале
 Родины виновен был?
 Знали мы, лишь, что в опале
 "Арзамасский" узник жил.
 Знали в Штатах сын еврейский
 Лавры Нобеля сорвал.
 Выслан был, хоть путь армейский
 В ту войну весь отшагал.
 Лишь одни приспособленцы
 Жили-были, как в раю.
 Без стеснения иждивенцы
 Грестили страну свою.
 Процветали пышным цветом
 Пьянка, воровство, разврат.
 От Кремля зимой и летом
 Веял этот затхлый смрад.
 Слово в престарелом доме
 Собрались в нем старики.
 Как в Гоморре и Содоме
 Жили эти мужики.
 Вся политика в загоне
 За кордоном и внутри.

Гнемся пред Кремлем в поклоне,
 Хочешь выжить - больше лги.
 Вклинился в войну в Афгане,
 Начал стройку века - БАМ,
 А в казне, как у цыгана,
 Свищет ветер тут и там.
 Экономика в застое,
 Как на море полный штиль.
 Ощущение такое -
 Все здесь точат ржа и гниль...
 Но Егор не бил поклоны
 Пред властями. На селе.
 Читал другие он законы
 Те, что вымерли в Кремле.
 Их названия простые,
 Как оружие казака:
 Честь, достоинство - святые,
 Но они - для мужика.
 Пас сезон буреного стада,
 А под зиму в той избе,
 Чин по чину, все как надо,
 Он женился на вдове.
 Та вдова еще ядреной,
 Статной женщиной была.
 Крепко ладила с Матреной,
 Мужу сына родила.
 Жили весело и дружно
 То, что надо старику.
 Как же счастья мало нужно
 Человеку на веку!

Трупы

Учителя нравственности из язычников
не лучше других язычников.

Павел - к римлянам.

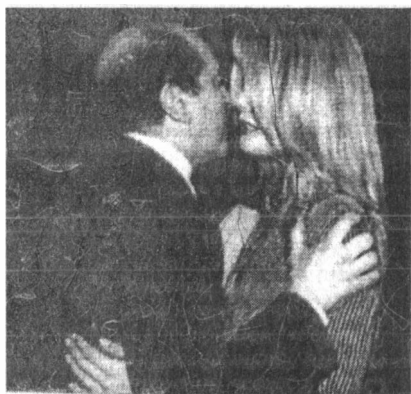

К старости болезни стали
 Тунеядца донимать.
 О работе без печали
 Стал он часто забывать.
 Так кто раньше не работал,
 А теперь, сам Бог велел,
 Чтобы до седьмого пота
 Лишь лечился, не болел.
 За него тогда прекрасно
 Всем Союзом управлял
 Всё всезнающий всечасно
 Прозорливый генерал.
 Генерал тот был - Андропов,
 Все препоны повидал,
 Аж из сталинских "потопов"
 Невредимым выплывал.
 Помнят Будапешт с Варшавой,
 Злата Прага и Кабул,
 Как он в них тогда со славой
 Путчем пламя вмиг раздул.
 На Кавказе след оставил
 Горцам память о себе.
 Во главе он их поставил
 Сателлитов КГБ.
 Шеварднадзе и Алиев -
 Генералы сатаны,
 С душами косматых виев,
 Были КГБ верны.
 Что им горцы, все народы,
 Заселявшие Кавказ!
 Если сам Андропов годы
 Не спускал с них пёстрых глаз...
 А когда ушел из жизни
 Несравненный наш Ильич,
 Встал он у руля Отчизны
 И народу бросил клич.
 Чтоб Союзу-исполину,
 Словно саду, расцвести,
 Надо всюду дисциплину
 Первым делом навести!
 Чтоб, как в сталинские годы,
 Все трудились, как один,
 Отучить от пьянства поды,
 Разогнать застоя "сплин".
 Тунеядцам места нету
 Среди тех, чья жизнь в труде.
 Много их таких по свету -
 С ними борются везде.
 Коммунизм - мечту Титана,
 Позабудем в том пути.
 Той утопии обмана
 Горше людям не найти...

Не сбылись мечты такие,
 Хоть и делал все, что мог.
 Эти помыслы благие
 Завершить не дал нам Бог.
 На вершине "пирамиды"
 Он недолго просидел.
 Неизменный друг Фемиды
 Смерть осилить не сумел.
 Вел опричнину крутую
 За собой пятнадцать лет.
 Землю русскую святую
 Охранял от многих бед.
 Ну, а тут черда болезней,
 Не подвластная врачам.
 Сделали жизнь бесполезной
 И свели вмиг к праотцам.
 Но теперь в России все же
 Вспоминают про него.
 Мужики и бабы тоже
 За "андроповку" его.

О преемнике безвольном,
 Старце, что его сменил,
 Помнят ли в краю раздольном?
 Разве только старожил.
 Вспомнит, был, мол, из Сибири,
 Но не русский человек.
 Жил безумно в этом мире,
 Подхалимничал весь век.
 Оттого в Кремле прижился,
 Что спины не разгибал.
 Пред начальства все крутился,
 Никогда не "правил бал".
 Долго ждал, когда настанет
 Срок величия его,
 Знал всегда, что не обманет
 И не подведет чутье.
 Не ошибся "лис" сибирский,
 Взгромоздился, словно, Крез,
 На престол крутой российский -
 Хоть на полгода, но влез!
 В окруженьи свиты прежней,
 Старцев древних и больных,
 Что смог сделать он? Как Брежнев -
 Только протирать штаны.
 Трупы правили строною,
 Трупы были до конца.
 И страна была больною,
 С ликом полумертвеца.
 Но уже на небосклоне
 Той политики гнилой
 В их кремлевском том салоне
 Зрел, как месяц, - Молодой.

А когда на Медунова
Компромат сексот собрал,
То от радости улова
Генерал в Москву его забрал.
Там он спесью карьериста
Стариков всех покорил.
Хоть душа была нечистой -
Все ж почтенье заслужил.
Схоронив Черненко мощи
И оплавав мнимый нимб,
Ничего не стало проще,
Чем подняться на "Олимп".
Так и встал у власти вскоре
Этот бравый говорун.
С блеском алчущим во взоре,
Разрушитель, как Перун.

Трезвенник

Разрушение и пагуба на пути их.

Павел - к римлянам 3:16.

Власть. Кто скажет без обмана,
Не кривя душой своей,
Раз вкусив ее дурмана,
Словно с идолом мы с ней.
Правду, честь оставить надо,
Позабывать своих друзей.
И тогда власть, как награда,
Будет спутницей твоей.
Горбачев прошел по этой
Путь-дороге. Оттого,
Словно песнею отпетой
Стала дальше жизнь его.
Хоть и стал на "ты" со всеми
Он за стенами Кремля,
Только были все не теми
Эти мнимые друзья.

Как и он, дышали ложью,
Кто в Политбюро сидел.
И он шел по бездорожью,
Проклиная свой удел.
За кордоном деньги взяли.
Нам за это и ему
Перестройку навязали -
Жить мы стали как в плену.
В то же время их кредиты
Весь опутали Союз.
Но для горбачевской свиты -
Помощь та - козырный туз.
Мол, правители, смотрите,
О народе - ночь не спят.
Что хотите говорите,
Благоденствия хотят.
Люди ж в пьянство погрузились,
Словно свиньи в затхлый пруд.
В "сладкой" жизни изменились,
Позабыв про честный труд.
Если хорошо размыслить,
То учить пьянь нужно так:
Цены на вино повысить -
Не потянет нас в кабаки.
А еще ловчее будет
Виноградники срубить -
Алканавтам пыл остудит,
Может вовсе бросят пить.
На продукты все - талоны,
А без них - хоть помирай.
Спекулянтам бьешь поклоны,
У которых жизнь, как рай.
А "верхи" все жировали,
Словно птицы на токах.
Голодовок не видали
На кремлевских спецпайках.
На было сильнее, краше
В мире войска, чем у нас.
А при нем защита наша
Забродила, словно квас...
Пакт Варшавский. Мать-Отчизна!
Он тобой был крепко сшит.
Для земель социализма
Был надежен крепкий щит.
Но его он в одночасье
В радость НАТО развалил.
Сразу "Нобеля" для счастья
От ЮНЕСКО залучил.
На погибель обреченный,
С той поры и тут и там,
Некогда Союз сплоченный
Расползаться стал по швам.

Путч московский на Форосе
 Он с семьей переждал,
 А потом, как на допросе,
 Своему народу лгал:
 Что меня, мол, захватила
 Та ГКЧПистов рать
 И, как в клетку, посадила
 Во дворец погоревать.
 Свой народ, как львиной пасти,
 Он боялся до конца.
 Оттого лишился власти -
 Президентского "венца".
 ...А тем временем Егора
 Сын, Ванюша, подрастал.
 Гордость и семьи опора,
 Он окреп и возмужал.
 Вышел и умом, и телом,
 Краше не было в селе.
 Он всегда был занят делом,
 Рос помощником семье.
 Этот паренек с Егором
 Дом построили вдвоем.
 Обнесли его забором,
 Сад разбили за окном.
 По ухабам и раскатам
 Перестройки шли дела.
 В ней рекой по перекатам
 Хлебобобов жизнь текла.

Трепач

Все совратилось с пути, до
 одного не годны: Нет делаю-
 щего добро, нет ни одного.

Павел - к римлянам 3:12

Августовский путч бескровный
 Власть советскую зарыл.
 Путь ухабистый неровный
 В демократию открыл.
 Первым делом президента
 Выбрали в стране своей,
 Чтобы с этого момента
 Был гарантом для людей.
 В Думу выбрали достойных
 (Так мы думали тогда),
 Привезли их в город стольный
 Для совместного труда.
 Разработкою законов
 Занимались, чтоб они.
 Без политики шаблонов
 Плодотворно шли их дни.
 И премьер-министра вскоре
 Утвердила Дума та,
 Утвердила нам на горе,

От него - лишь суета.
 Если нет в равнине вежи,
 Не проложено следа,
 Будут на пути помехи,
 За бедой пойдет беда...
 Как из ящика Пандоры
 Потекут они рекой
 И затопят все просторы,
 Унесут с собой покой.
 Ельцин, словно шут потешный,
 Много что наобещал.
 Но народ, как попик грешный,
 Сразу как-то обнищал.
 Вспоминают с болью люди
 Ту предвыборную речь,
 Где сказал он: "Плохо будет, -
 То клянусь на рельсы лечь".
 С той поры народ устало
 Эшелона ждет и ждет...
 А трепать не перестал он -
 Припеваючи живет.
 Медицинские светила
 Продлевают жизнь его,
 А она - ключом чтоб била.
 Все в России для него.
 Государственные дачи,
 Сыт, обут и обогрет.
 Говорят, нельзя иначе -
 Царь у нас он - али нет.

А работа? Что работа!
 Ведь на то министры есть.
 У него одна забота -
 Как бы всех их перечислить.
 Не каких-то там министров,
 Он премьеров раз в квартал
 Выметает очень быстро -
 Так, что их считать устал.
 Суверенитет народы
 Получили все, сполна.
 И на княжества-уроды
 Раздробилась вся страна.
 Президентов всюду стало
 Как нерезанных собак.
 Экономика упала,
 А в политике - бардак.
 Проиграв войну с Чечнею,
 Наш российский старый босс
 Поскорбел опять с тоскою,
 Но бесславие принес.
 По Россиишке голодной
 Громыкает, словно шквал,
 Наш режим антинародный, -
 Валил многих наповал.
 В этой буре выживают
 Новорусские братки.
 Остальные точно знают:
 Выжить - руки коротки.
 Не за стол он хлебосольный -
 На могильную иглу
 Посадил юнцов невольню,
 Опозорил всю страну...

ПЕСНИ:

"Времена застойные
 Были хороши.
 Песенки застольные
 Пелись от души.
 Было вдоволь хлебушка,
 Водки и вина,
 Как краса-невестушка
 Вся была страна.
 Все работы спорились
 В полосе удач.
 От реформ не горбились,
 Жизнь не мчалась вскачь.
 Перестройкой сдвинули
 С места этот быт.
 Разом беды хлынули,
 Стал покой забыт".

"Кормчий Ельцин рай земной
 Обещает нам.
 И ведет под слезный вой
 К "новым берегам".
 Ну, а если пропадем,
 Ни к чему тужить -
 В том краю, куда плывем, -
 Внуки будут жить".

И ЕЩЕ РАЗ О ГЕРБЕ ГОРОДА

К сожалению, мало кто знает о такой древней науке, как геральдика, имеющей свои обязательные законы, тем более специфичные, скажем, для России. Поэтому большинство проектов гербов от этого незнания несут в себе элементы совершенно не приемлемые в геральдике. Вот только несколько примеров того, как бездумно используя звезды, многоугольники, атомную решетку (наиболее часто встречается во многих эскизах), шестеренки - наши земляки невольно проповедуют масонские символы. Огромный древний и тайный смысл, причем враждебный остальному человечеству, несет знак, состоящий из двух пересекающихся треугольников (а каждый символ по Каббале имеет 77 значений) - символ нынешнего Израиля, например, Маген-Давид - звезда царя Давида. Шаген-Шломо - звезда Соломона (пентаграмма) пятиконечная наша звезда, светившая над страной Советов - тоже символ масонства и тоже состоит из пересекающихся треугольников (символа порабощения недостойных наций). Так, любимая дмитровградцами эмблема НИИАРа - атомная решетка с ядром - есть не что иное, как тот же древнееврейский шестиугольник, оплетающий мир...

Не буду далее утомлять вас раскрытием символов Каббалы и более поздних учений, об этом существует большая подборка исторической и специальной литературы.

Важно другое - знать и возрождать истинно российскую символику, геральдическую науку, очень развитую в свое время. Только научный подход к выборам геральдических символов позволит создать точный и жизнеспособный герб нашего города. Этот разговор происходит не первый день и ведется не один год. Поэтому мы решили еще раз поднять вопрос о том, каким должен быть настоящий герб нашего города, чтобы не позорить мелекесцев-дмитровградцев перед всей традиционной Россией и многими ее древними городами, уже давно имеющими свои геральдические символы. О том, каким должен быть наш герб, - можно только размышлять, основываясь на известных фактах истории, складывающей геральдические элементы.

Итак, Мелекесс не имел своего герба. И не мог иметь, ибо до 1918 года он не был уездным городом, т.е. той административной российской единицей, которой официально разрешалось иметь герб: "...особую фигуру или символическое изображение, представленные на основании известных, точно определенных правил и служащие постоянными отличительными знаками отдельному

лицу, роду, сообществу или учреждению, а также городу, области или целому государству", - писал историк Ю.В.Арсеньев. В геральдике городской герб рассматривается как символ городского самоуправления, т. е. в нем видят выражение юридических прав и привилегий - тех, что предоставлялись горожанам, "третьему сословию". Герб качественно отличал город от деревни, посада (каковым и был Мелекесс), подчеркивая, что он полноправный член общества. В России был создан специальный департамент геральдии, геральдическая комиссия, по одобрению коих и представлению - царь, Самодержец Всея Руси высочайшим указом утверждал тот или иной герб. Но это уже относится к новому периоду (1800-1900 годам), а геральдическая наука была развита в России еще со времен Ивана Грозного. Все, в том числе и нынешние, законы разработок и утверждения гербов должны быть связаны со строгими правилами российской геральдики. Так вот, если говорить сегодня о создании подлинно точного, подчиненного законам этим, исторически связующим наш нынешний Димитровград с его предком Мелекессом, о традиционности в нашем обществе и "российскости" городского герба, - то он должен быть выполнен в следующих научных параметрах:

форма щита; основное украшение - корона (серебряная, башенная, с тремя зубцами), положенная по укладу - уездному городу; украшения - город с развитой промышленностью - александровская лента с двумя золотыми молотками если главное - земледелие и хлебная торговля - александровская лента с двумя золотыми колосьями; структура - большая часть герба разделена горизонтально надвое; в верхней части - губернский герб, в нижней - самого города; фигуры на гербе должны быть геральдическими (т. е. принятыми в этой науке символами).

Теперь попробуем создать схематично (анализируя уже известное нам) герб нашего города. Поскольку мы город уездный - корона над щитом - серебряная, башенная, с тремя зубцами. Если считать Димитровград крупным промышленным центром области (губернии) - то у герба должны быть золотые молотки с александровской лентой (орденская лента ордена Александра Невского) бордово-сиреневого цвета, но мы уезд и город хлеборобные и торговые - здесь нужно вплетать в украшения и золотые колосья на той же ленте. Кстати, присутствие в гербе Димитровграда александровской ленты будет для нас и дополнительным символом, и покаянием: ведь именно Мелекессу было соизволено высшей церковной властью выстроить храм Святого Александра Невского, который наши деды успешно разрушили в своих варварских устремлениях погубить русскую историю, честь, славу и память народную. Нам предстоит еще долго каяться за грехи их. Так вот, александровская лента в гербе - была бы частью того покаяния. Но она же еще и символ воинской доблести и мужества,

геройства над врагом. Две страшнейших - последних по срокам - войны, прокатившиеся и по судьбам мелекесцев, показали, что мы не уронили воинской доблести, наши отцы были достойными защитниками Отечества. Примеров тому - масса. Это может быть поводом для образования в верхней части щита фигуры из той же (но широкой) александровской ленты-креста символа святости, верности, долга и покаяния, ленты, как бы продолжающей ленточки украшения обочь сторон. Стилизованная в сердцевине креста орденская розетка - оранжево-черного цвета с золотым ядром в середине - символизирует и подтверждает воинскую и гражданскую доблесть горожан цветом (цвет георгиевской ленты от креста солдатского) и формой атомная решетка - так любимая в нашем городе. Кроме того: оранжевый - цвет энергии, черный - ее могучей и опасной силы (не божественной) и золотое ядро - солнечный свет реакторной энергии.

С левым верхним углом щита все ясно: герб губернии. В момент разработки губернского герба Мелекесс входил, как и сегодня, в Симбирскую губернию. В 1780 этот герб создан и в 1878 году утвержден: на белой колонне золотая корона, поле голубое. А вот в правой части щита, я считаю необходимым изображение герба уездного - герба города Ставрополя-на-Волге (располагался и в районе нынешнего Тольятти, теперь покоится на дне Волжского водохранилища): герб утвержден в 1780 году - в верхней части щита герб Симбирский, в нижней - в золотом поле треугольная крепость с именем Ставрополя, над городом положенные наподобие андреева креста два черных копия, в середине крепости - красный, лапчатый крест (Святой Старый Крест, что и означает Ставрополь - город святого креста), в крепости трое ворот: водяные у Волги, Симбирские и Оренбургские.

Обосновывая это решение мы, соблюдая историческую достоверность, уважаемо вносим в щит символ нашего уезда и его центра, в который входили на протяжении века, а то и более; мы подтверждаем, что посад Мелекесс начался с заселения здесь командой ставропольских служивых казаков, которых послал великий русский человек, основавший Ставрополь-на-Волге - Василий Татищев, ученый энциклопедист; наша непрерывная, тесная связь на протяжении уже веков с «городом святого креста» не нуждается в особом подтверждении, особенно сегодня, - чуть ли не половина димитровградцев входит в систему АвтоВАЗа; Димитровград и Тольятти связаны сегодня неразделимо основными своими производствами, системой особых взаимоотношений, причем если быть уважительными до конца - мы опять-таки в роли подчиненных этому центру.

На серебряном (цвет нити) поле нашего герба шесть ромбов - геральдический символ ткачества, подчеркивающий и развитие мануфактурного дела в посаде Мелекесс и сегодняшнее славное его текстильное производство (и не только в городе, но и в уезде!)

Голубое поле нижней части герба - наш Черемшан, долгое время служивший главным транспортным путем посада и добрым промыслом. В голубом поле - так любимые моими земляками три сосны, в принципе, уже символ сам по себе и лесного изобилия, промысла, дереводобычи и обработки, строительного дела, а также подчеркивающие славу нашего пива, экологию...

Теперь о центральной фигуре. Это кружка пива с пенной шепкой (радостное изобилие) и два ерша - характер города. Фигура эта была разработана в начале 70-х годов даазовскими художниками и довольно долгое время служила неофициальным, а скорее по тем временам - ироническим, гербом Димитровграда, впечатывалась в определенные бумаги, отливалась в знаки, местные медали, вещи подарочного значения. Это был как бы веселый товарный знак города. Знак неунывающих людей, умельцев, полюбившийся горожанам за нрав, точность и нашего бытия, и досуга, и характера. В нем есть все: гордость за пивоварение, подчеркнутость любимого досуга - рыбалки, изобилие реки и любовь к родному краю, изобилие хмельное, радостное, но без потери себя и памяти (пиво- всего!) и слава посадского винокурения...

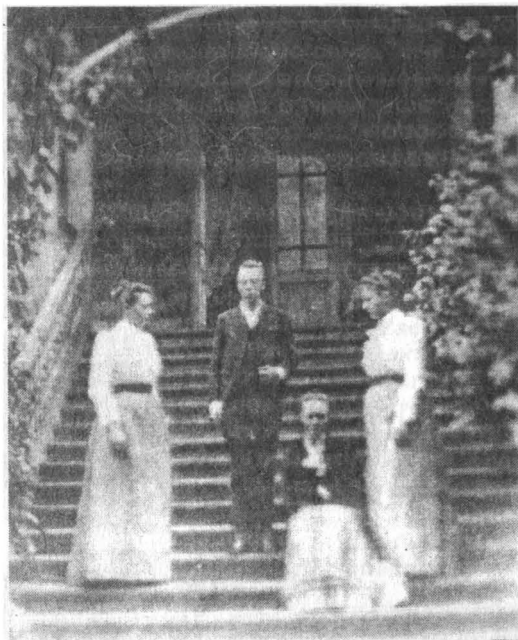
В этой фигуре все элементы геральдичны! - ее можно было бы оставить практически без изменения. Она же явно подчеркивает и наше легкое отношение к самой идее "гербоваться" (чтоб не хуже других?!) - при всей серьезности и историческо-геральдической точности предлагаемого варианта герба. Выдержанный в этих параметрах герб - даже в суровые времена геральдиста Б.В.Кене был бы принят департаментом и одобрен.

Последнее: говорили, что основное, чем прославился Мелекес в мире - были его мельницы, хлебопереработка. Но, во-первых, мельница знак не геральдический (а ветряков в городе не было); во-вторых, что такое мельничное дело: обильная нива или промышленно-торговая переработка этой нивы? И то (колосья), и другое (молотки, - торговые знаки трех сосен и ершей) - уже есть в гербе. А перегружать его дополнительной символикой было бы вредно и не верно.

Описывая этот герб, я горько жалел, что не владею даром и ремеслом живописца. Ведь его нужно видеть! Я призывал профессионалов-живописцев помочь городу воочию увидеть герб, исполненный по всем канонам геральдической науки. И вот на мой призыв неожиданно откликнулся один из самых талантливых наших земляков, давно известный и модный в мире художник Виталий Золотоев. Это его стараниями воспроизведен трепетно и уважительно эскиз того герба, которому положено быть, наконец-то, венчать наш город. Слово за властями Димитровграда.

Главный редактор журнала.

Как всегда в нашей традиционной рубрике мы представляем сначала див старого Мелекесса: в стародавние времена наши прабабушки были пышнотелыми и тоже обожали обнажаться, носить экстравагантные шляпки и - как эти барыни, что сняты на крыльце своего дома в поместье - могли быть неприступными и строгими.

Следующая подборка представляет нам одну из див ДААЗа 70-х годов (ее фото В.Краснова побывало на многих выставках), а вот поэтесса Валя Кишенина из с.Рязаново - явно сельская красавица.

Уверенная манера держаться на сцене характеризует двух наших современниц, любительниц аэробики и шейпинга, и это чувствуется даже на фотографии. А необычная поза одной из фотомоделей ЦКиД «Восход» говорит и о некой экстравагантности и раскованности нынешних див.

Представлены работы фотомастеров прошлого, а также В.Пчелинцева, В.Волкова, Н.Семина.

Храни нас
сень Святого
Православного Креста

ОКТАБРЬ-НОЯБРЬ
1999 10-11 Литературно-художественный
и краеведческий журнал